

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГЕРМАНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ

**ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Сборник статей

Выпуск 7

Воронеж
2016

УДК 327
ББК 66.0
Г38

Редакционная коллегия:
д-р полит. наук, проф. *А.А. Слинько*
канд. ист. наук, доц. *С.И. Дмитриева*
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Бадалова*
М.А. Полянский

Г38 **Германия на перекрестках истории** : Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений : сб. статей. Вып. 7 / под общ. ред. А.А. Слинько ; отв. ред. С.И. Дмитриева. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2016. – 184 с.

Сборник научных статей посвящен вопросам исторического развития Германии и актуальным социально-политическим процессам, происходящим в ней. Для специалистов-историков, политологов, международников, всех интересующихся историей и современным развитием ФРГ.

Тексты публикуются в авторской редакции в соответствии с присланными материалами.

УДК 327
ББК 66.0

© Коллектив авторов, 2016
© Факультет международных
отношений, 2016
© Воронежский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. СИНДЕЕВ

ГЕРМАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ИСТОРИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И СЦЕНАРИИ 7

А.К. КАМКИН

БЕЖЕНЦЫ И ПРОБЛЕМА РОСТА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В ЕВРОПЕ 22

П. ВАГНЕР

НЕМЕЦКИЕ КРИМИНАЛИСТЫ И НЕМЕЦКИЕ СИНТИ: ПОЯВЛЕНИЕ,
ВОСПРИЯТИЕ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМО
«АСОЦИАЛЬНОГО» ЭТНОСА В XIX И XX ВЕКАХ..... 32

Х.Р. ПЕТЕР

ПОПЫТКА АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО НАУЧНОГО
ИНСТИТУТА В БЕРЛИНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ..... 45

О.Э. ТЕРЕХОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1950–1980-Х ГГ. 64

Д.В. ОФИЦЕРОВ-БЕЛЬСКИЙ

ИМИТАЦИЯ ПАРТНЕРСТВА: ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА..... 73

С.И. ДМИТРИЕВА, В.Н. МОРОЗОВА

НОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ:
СПУСТЯ ШЕСТЬ ЛЕТ 82

Е.В. БАДАЛОВА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ
НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ 89

Е.С. ПОЛУНИН

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ 1944–1945 ГГ. В ДОВОЕННЫХ
ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ГЕРМАНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОСПОМИНАНИЙ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ..... 96

О.И. РУДАЯ

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ БОЙКОТ ЕВРЕЙСКОГО БИЗНЕСА
В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933 ГОДУ: АПРОБАЦИЯ
НАСИЛИЯ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ 106

Н.В. ЛЕПЕТУХИН	
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И «ОСНОВЫ XIX ВЕКА» Х.-С. ЧЕМБЕРЛЕНА.....	114
А.В. ПОГОРЕЛЬСКИЙ	
КРАХ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ.....	122
А.С. СИДОРЕНКО	
НЕМЕЦКО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ (ПЛАН ГЕНШЕРА-КОЛОМБО).....	127
М.А. ПОЛЯНСКИЙ	
«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»: КАНДИДАТ В НАРОДНЫЕ ПАРТИИ ФРГ?	135
Е.П. ШКОЛОВАЯ	
ПРЕССА, РАДИО И КИНЕМАТОГРАФ НА СЛУЖБЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1933–1939).....	146
А.В. ОРОШАНУ, М.А. ПОЛЯНСКИЙ	
ОСОБЕННОСТИ «БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ» В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТЕ	157
Е.В. БАДАЛОВА, М.А. КАЗАРИНОВА	
ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ ПО ПОВОДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ИРАКСКИХ ВОЙН	167
В.С. ИВАНОВА	
ОБРАЗ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	175

CONTENTS / INHALT

A.A. SINDEEV

GERMANY AND EUROPEAN SECURITY: HISTORY, CURRENT
APPROACHES AND POSSIBLE SCENARIOS..... 7

A.K. KAMKIN

REFUGEES AND THE PROBLEM OF THE UPRISE OF ETHNIC
CONFLICTS IN EUROPE 22

P. WAGNER

DEUTSCHE KRIMINALISTEN UND DEUTSCHE SINTI: DIE ERFINDUNG,
ERFASSUNG UND VERFOLGUNG EINER VERMEINTLICH „ASOZIALEN“
ETHNIE IM 19. UND 20. JAHRHUNDERT 32

H.R. PETER

DAS RUSSISCHE WISSENSCHAFTLICHE INSTITUT IN BERLIN
IM SPIEGEL SEINER LEHR- UND FORSCHUNGSAKTIVITÄTEN.
ANNÄHERUNGEN AN EINE WERTUNG 45

O.E. TEREKHOV

MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN POLICY THE WEIMAR REPUBLIC
IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF 1950 TO THE 1980..... 64

D.V. OFITSEV-BELSKIY

IMITATION OF PARTNERSHIP: POLISH-GERMAN RELATIONS
ON THE BACKDROP OF EUROPEAN CRISIS 73

S.I. DMITRIEVA, V.N. MOROZOVA

THE NEW ENERGY POLICY OF GERMANY: 6 YEARS LATER 82

E.V. BADALOVA

THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF INTEGRATION
OF RUSSIAN GERMANS IN GERMANY 89

E.S. POLUNIN

RECONSTRUCTION OF THE EVENTS OF 1944–1945 IN THE PRE-WAR
EASTERN PROVINCES GERMANY ON MATERIALS OF MEMORIES
OF THE GERMAN POPULATION 96

O.I. RUDAYA

THE BOYCOTT OF JEWISH BUSINESSES THE 1st OF APRIL 1933
IN NAZI GERMANY: APPROBATION OF THE VIOLENCE
IN NATIONWIDE SCALE..... 106

N.V. LEPETUKHIN

TERMINOLOGICAL DIFFICULTIES OF NAZI IDEOLOGY AND
“BASES OF THE 19TH CENTURY” OF H.-S. CHAMBERLAIN 114

A.V. POGORELSKY	
COLLAPSE OF EAST GERMAN SOCIALISM AND THE UNIFICATION OF GERMANY	122
A.S. SYDORENKO	
GERMAN-ITALIAN INITIATIVE ABOUT EUROPEAN COMMUNITIES REFORMATION (GENSCHER-COLOMBO PLAN)	127
M.A. POLIANSKII	
“ALTERNATIVE FOR GERMANY”: A NEW CANDIDATE FOR PEOPLE’S PARTY OF FRG?	135
E.P. SHKOLOVAYA	
PRESS, RADIO AND CINEMA ON THE SERVICE OF NAZI PROPAGANDA (1933–1939)	146
A.V. OROSHANU, M.A. POLIANSKII	
PECULARITIES OF “GRAND COALITION” IN THE PARLIAMENT OF GERMANY	157
E.V. BADALOVA, M.A. KAZARINOVA	
THE IRAQI ISSUE IN THE FOREIGN POLICY OF GERMANY DURING THE FIRST AND SECOND IRAQ WARS	167
V.S. IVANOVA	
IMAGE OF ANGELA MERKEL IN RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE	175

УДК 327.3/327.8

А.А. Синдеев,
доктор исторических наук, профессор
РАН
Главный научный сотрудник
Института Европы РАН, профессор
кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества
РАНХиГС при Президенте РФ.
Адрес: 125993, Москва, ул. Моховая. д.
11, стр. 3.
Эл. почта: a_sin74@mail.ru

Prof. Dr. A.A. Sindeev
Chief Researcher, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences; Professor
of the Department of Foreign Area
Studies and International Cooperation,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration.
Post address: 11-3, Mohovaya Str.,
Moscow, 125993, Russia.
e-mail: a_sin74@mail.ru

А.А. СИНДЕЕВ **ГЕРМАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ИСТОРИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И СЦЕНАРИИ**

В статье рассматривается политика Германии, направленная на построение европейской архитектуры безопасности. Автор описывает исторические аспекты проблемы, анализирует современные подходы и характеризует возможные сценарии. Он приходит к выводу, что ФРГ активно пытается повысить дееспособность ОБСЕ. По всей видимости, в МИДе ФРГ поняли, что развитие ОБСЕ напрямую связано с текущими, пусть и небольшими, успехами. Выбранная немцами линия, вне всякого сомнения, компромиссна, но в настоящее время – это единственная возможность попытаться продвинуться по пути построения европейской архитектуры безопасности.

Ключевые слова: ФРГ, европейская безопасность, ОБСЕ, внешнеполитические подходы, сценарии безопасности.

A.A. SINDEEV **GERMANY AND EUROPEAN SECURITY: HISTORY, CURRENT APPROACHES AND POSSIBLE SCENARIOS**

The article deals with Germany's policy in building a European security architecture. The author analyzes the historical aspects, modern approaches and describes the possible scenarios. He believes that Germany is actively trying to increase the capacity of the OSCE. The selected line is a compromise, but this line is now - is the only way to move forward along the path of building a European security architecture.

Keywords: Germany, European security, the OSCE, the foreign policy approaches, the security scenarios

Основной проблемой европейской безопасности после окончания холодной войны по большому счету остается незавершенное освоение «со-

ветского наследия». Распад СССР воспринимался среди политической элиты коллективного Запада как возможность утвердить единые подходы, не допустить появления альтернативных, конкурентоспособных вариантов развития и самостоятельных центров влияния. Национальные интересы большинства стран тогдашних Европейских сообществ состояли во включении в проверенные временем западные структуры стран Центральной и Восточной Европы и одновременном поддержании мало к чему обязывающих форматов сотрудничества с Россией, о перспективности которых во время их возникновения много было написано. При этом партнерство в истинном смысле в отношении России так и не возникло.

То, что не удалось преодолеть. Историю, конечно, не нужно абсолютизировать и переносить на современность. Но наряду с этим вряд ли целесообразно отказываться от сравнений, так как сложившиеся однажды структуры и утвердившееся мировоззрение видоизменяются крайне медленно. Остановлюсь в этой связи только на одном сюжете, связанном с темой статьи.

Об «азиатском коммунизме», «русском империализме», начиная с 1946 г., писал и говорил будущий глава западногерманского правительства Конрад Аденауэр. «Если европейская культура, которая и без того уже 30 лет больна, – читаем в письме от 16 марта 1946 г., – будет уничтожена совсем, это будет иметь большое значение и для США. Опасность велика: Азия (здесь он имел ввиду Советский Союз. – А.С.) находится на Эльбе. Только экономически и духовно здоровая Западная Европа под руководством Англии и Франции, та Западная Европа, к которой относится неоккупированная Россией часть Германии, способна остановить духовную и силовую экспансию Азии» [1, S. 191].

Успех безопасности в Европе мог, по мнению Аденауэра, гарантировать единый духовно-этический базис. Не случайно он заявлял: «Мы, исходя из духовных основ, которые западноевропейское христианство создало в течение многих столетий, хотим по-новому оформить политическую жизнь Германии – и не только в Германии, но также в Европе и в мире» [21, S. 300]. Предлагалось бороться за единство западного мира и защититься от коммунизма. Немцы, такова позиция сторонников Аденауэра, должны быть готовы внести свою лепту в эту борьбу.

Такая позиция требовала постоянного – подчас антиисторического – противопоставления Запада Востоку, демократии коммунизму. «Я хотел бы, чтобы жители восточной зоны (то есть ГДР. – А.С.), – размышлял Аденауэр, – однажды смогли бы нам описать, что у них происходит. И тогда мы услышали и увидели бы, что давление, которое оказывал национал-социализм через гестапо, через концентрационные лагеря, было умеренным по сравнению с тем, что теперь происходит в восточной

зоне» [18]. Без подобного противостояния и сознательно подогреваемого антисоветизма не удалось бы осуществить сплочение западногерманского общества. Формируемый настрой на начальном этапе холодной войны сохранялся и позднее. В 1965 г. Райнер Барцель, руководитель фракции ХДС/ХСС в бундестаге, заметил о немцах и немецких солдатах: «Мы, – говорил Барцель, – всегда признавали [наш] народ, его историю и честь немецкого солдата... Обе идеологии, коммунизм и нацизм, приложили немало усилий, чтобы разрушить демократию Веймара; обе идеологии являются авторитарными, врагами свободы, человеконенавистническими; обе подавляют демократию, правовое государство и достоинство человека. И тот факт, что это соответствует действительности, позволяет сказать в ходе дебатов следующее: Гитлер мертв, а Ульбрихт жив, нацистский крест был над Германией, а Красное знамя веет над частью Германии... Никто из нас не хочет новой денацификации; никто из нас не хочет наказывать образ мыслей» [7, S. 8530–8531].

Антиисторическое соединение нацизма и коммунизма, о сталинском варианте коммунизма в то время, как показывают источники, речь не шла, *с одной стороны*, реабилитировало немцев в собственных глазах и глазах союзников, помогало концентрироваться на будущем, забыв прошлое или представив наиболее выгодную его интерпретацию, *с другой стороны* – свидетельствовало о готовности большинства политиков ФРГ работать над строительством западного лагеря. Важно не забывать, что раскол Европы означал строительство западного лагеря через трансатлантическое и европейское единство. Под европейским единством, конечно, понимается интеграционный процесс, проявившейся в последующем в создании Европейских сообществ и Европейского Союза.

Что же делали политики ФРГ для того, чтобы обеспечить это единство? *Во-первых*, настаивали на актуальности опасности, исходившей от СССР. Читаем в документе, подготовленном 10 августа 1950 г. в Ведомстве канцлера и содержавшем раздел «О мотивах советской внешней политики» [19], следующее: теперешнюю советскую политику можно рассматривать с точки зрения подготовки к новой мировой войне. Существует опасность, что СССР начнет войну против почти безоружного в настоящее время Запада. СССР в состоянии наладить производство быстрее, чем страны Запада. СССР стремится посорить США и страны Запада. Он хочет укрепиться в Азии и оказать влияние на страны Запада. Коммунисты – мастера внутреннего распада. Они не будут совершать переворот в ФРГ, а попытаются обострить ситуацию на периферии, что они и демонстрируют в Корее. Требуется расширять систему гарантий и регионального сотрудничества. Союз Германии и Франции – это средство борьбы против устремлений СССР. Но уже 8 января 1951 г. во внеш-

неполитическом штабе канцлера Аденауэра появился другой документ «Мысли о советской политике в отношении Германии» [10], в котором не говорилось о мировой войне, которую якобы собирался развязать СССР, но значилось: главная цель СССР – советизация Германии без войны. Советский Союз будет стремиться в случае вооруженного столкновения локализовать конфликт и не допустить прямого участия в нем. Кроме того, Кремль будет пытаться усиливать изоляционистские настроения в США. Нападение на Западную Германию может быть организовано с помощью ГДР, ее народной полиции. Правда, есть опасения, что народная полиция массово перебежит на сторону Запада, поэтому народная полиция может получить поддержку Польши с обоснованием, что Польша борется против неонацизма в Западной Германии. Для западной стороны германский вопрос, утверждалось в документе 8 января 1951 г., чрезвычайно опасен, так как он, то есть отсутствие согласия в его решении, может расколоть Запад. Из этого следовал очень простой вывод: ФРГ как представитель всех немцев готова жертвовать объединением, она должна получить собственную армию и бороться при необходимости с оружием в руках в западном лагере на условиях равноправия.

Во-вторых, демонстрировалась собственная жертвенность, даже применительно к экономическим интересам страны. Несмотря на отрицательную позицию западногерманских промышленников, 25 сентября 1950 г. министр экономики, отец немецкого экономического чуда, ярый поборник рынка Людвиг Эрхард написал Аденауэру по поводу американского запрета на экспорт ряда товаров в ГДР и в восточный лагерь: «Ввиду обострения международного положения от Германии требуются большие экономические жертвы, мне представляется правильным... выразить волю Германии к лояльной работе и к использованию более жестких механизмов контроля...» [6].

В-третьих, отрицание всех инициатив, касающихся объединения страны, если в них не предусматривалась полная капитуляция коммунизма, даже тех инициатив, которые исходили от политических единомышленников. Была в ГДР, пусть и несамостоятельная партия, но партия с таким же названием как и правящая в Федеративной Республике Германия – Христианско-демократический союз. 6 декабря 1950 г. в документе внешнеполитического штаба в Ведомстве канцлера относительно предложений ее лидеров Нушке и Дертингера [13], а последний был еще и министром иностранных дел ГДР, о межгосударственном совете из 2/3 западногерманских и 1/3 восточногерманских представителей, было записано: Нушке и Дертингер реализуют политику СССР, который выбрал выгодное время, чтобы с помощью идеи нейтралитета будущей единой Германии сдерживать ее вооружение. Если пойти на это предложение, то

не получится вновь активизировать поддержку населением вооружения Западной Европы.

В-четвертых, западногерманские политики стремились не допустить приостановки интеграционных процессов. Кстати, при этом они не задумывались о логике интеграционного процесса и о будущих возможных трудностях. Многое делалось по принципу «Что угодно в интеграции – только быстро». 13 декабря 1950 г. Альбрехт фон Кессель, де-факто глава представительства ФРГ во Франции, писал из Парижа [5], что опасения официального Бонна о якобы имеющей место готовности французов пойти на сближение с русскими необоснованны. Франция не может играть самостоятельную роль во внешней политике, а флирт с русскими – это желание выбить что-то из американцев. 22 марта 1951 г. в секретном немецком документе с облегчением сообщалось, что, хотя СССР заинтересован в настоящей конференции по объединению Германии, по словам верховного комиссара Франции, западные власти сделают все, чтобы не прийти к быстрому решению о проведении данной конференции, так как Запад решил ускорить военное сотрудничество и усилить сотрудничество в этом вопросе с ФРГ.

В-пятых, ФРГ делала ставку на поддержку эмигрантов из СССР, их легальных и нелегальных организаций. 8 августа 1951 г. Коссман [3], являвшийся с 1947 г. сотрудником американских спецслужб, а с 1949/50 гг. – сотрудником реферата «Восточные области Европы», с июня 1950 г. – руководителем реферата «СССР и государства восточного блока», сообщал о встрече с профессором Менде, чиновником бывшего нацистского министерства по делам Востока. Американцы, по мнению Менде, потерпят неудачу в отношении эмигрантов, так как у них не хватает знаний. Американцы слишком большое значение уделяют великорусской карте, для них русские и американцы – две большие нации. Американцы уже выдали четыре миллиона долларов, чтобы объединить выходцев из СССР. Но эмигранты доверяют больше Германии, демонстрируют сдержанное отношение к западным союзникам. Их нужно использовать, делался вывод, чтобы среди прочего достигнуть меньшей напряженности в дальнейших отношениях после краха коммунизма. А ведь речь шла о 1951 г.!

В-шестых, Аденауэр – и не только он – сознательно абсолютизировал страх перед немецким национализмом. 17 марта 1952 г., как зафиксировано в протоколе встречи канцлера и западных комиссаров [12], он заявил: предложение, содержащееся в сталинской ноте об объединении Германии и о создании среди прочего самостоятельной немецкой армии, активизирует националистическое движение в Германии, национализм станет более популярным.

При этом большинство западногерманских политиков и военных прекрасно понимало всю необоснованность рассуждений о военной опасности, исходящей с Востока. Любопытно, что как раз в начале пропагандистской кампании по защите Запада и немецкому военному взносу 17 августа 1950 г. Герхард граф фон Шверин, советник по военным вопросам и вопросам безопасности, писал канцлеру: «По состоянию дел еще не приходится в ближайшее время считаться с агрессивными действиями России против Западной Германии» [2]. 12 октября 1951 г. в телеграмме из Вашингтона Крекелер, представитель федерального правительства в Вашингтоне, писал в МИД ФРГ [17], что, по мнению американцев, СССР в случае создания немецкой армии не начнет войну; более того, Советский Союз может сделать уступки. Любое промедление в вооружении Германии, констатировалось в телеграмме, опасно, вопрос нужно решать быстро.

Своеобразной квинтэссенцией отмеченного выше подхода стали документы 7 и 10 ноября 1951 г. о восточной политике [4, 20], подготовленные для выступления статс-секретаря МИДа ФРГ Хальштейна, будущего первого председателя Еврокомиссии, в комитете по внешней политике бундестага. Обращу внимание на главные тезисы этих документов: европейская интеграция, то есть де-факто раскол Германии, – это и есть соответствующая теперешним обстоятельствам восточная политика. Любая дополнительная активность в отношении Востока означает ослабление позиций ФРГ на Западе и усиление позиций Москвы. Немецкие успехи на Востоке, делался вывод, обратно противоположны затраченным средствам. Чем больше получим на Западе, писалось в документах, тем больше получим для будущей, отвечающей интересам Федеративной Республики, восточной политики. Среди прочего следует добиваться права на самоопределение народов, которое должно распространяться и на народы Советского Союза. ФРГ должна усиливать собственный политический вес, убеждать страны Запада в необходимости сильной Германии. Опасность состоит в том, что США учитывают пожелания Великобритании и Франции. На Востоке Европы нужно избавиться от враждебных отношений к Германии. Германия не заинтересована в единстве стран Восточной Европы, чтобы не было союзов против нее. Идеологическая борьба с большевизмом должна продолжаться.

Антисоветизм, или упрощенно образ врага, были обусловлены необходимостью сплотить население ФРГ, мобилизовать его на принятие спорных политических решений, например, создания бундесвера. Политическая элита Федеративной Республики понимала надуманность угрозы со стороны СССР, поэтому делала все, чтобы добиться быстрее включения ФРГ в формирующиеся структуры безопасности. Европей-

ская интеграция воспринималась как часть проекта, гарантирующего безопасность, экономическая логика процесса мало интересовала. Уроки, за которые приходится сейчас расплачиваться. Любые параллели, действительно, не уместны, да и противоречия теперешнего времени имеют свои особенности. Но ту роль, которую когда-то в отношении СССР играли западногерманские политики, теперь в отношении России играют официальные круги стран Прибалтики и Польши. Опасность состоит в том, что образом врага можно заиграться. Благодаря историческому прошлому в Германии имеется понимание данной опасности, хотя среди части политической элиты антисоветизм был заменен политикой неприятия России.

МИД ФРГ и вопросы безопасности. Не вызывает сомнения, что структурированию европейского региона в целом МИД ФРГ придает особое значение. С одной стороны, применительно к ЕС утверждается, что «Европы должно быть больше» (Ф.-В. Штайнмайер), что заставляет предположить, что по ряду направлений придется ожидать усиления наднациональных начал в интеграции; с другой – А. Меркель не скрывает, что современный ЕС «уже сейчас не является Европой одной скорости», что в некоторой степени релятивирует опасность дискуссии, происходящей в Великобритании. Соединенные Штаты, по словам А. Меркель, ожидают, что европейцы будут решать проблемы самостоятельно. В этой связи рассмотрим содержание программы председательства ФРГ в ОБСЕ в 2016 г. и первые его результаты.

При разработке и представлении программы немецкого председательства в ОБСЕ в 2016 г. следует учитывать, как минимум, три факта:

1. *«наследие» двух предыдущих председательств* – швейцарского (2014 г.) и сербского (2015 г.). Обе (швейцарская и сербская) программы были заранее согласованы друг с другом, поэтому не является преувеличением утверждение, что впервые в истории ОБСЕ была представлена двухгодичная программа председательства. При этом швейцарцы помимо активизации работы ОБСЕ в решении украинского конфликта и повышения дееспособности организации попытались сделать акцент на усиление различных управленческих механизмов в сфере безопасности, демократического контроля над вооруженными силами и на расширении за счет экономической составляющей традиционного для ОБСЕ понимания безопасности [16]. В их логике взаимовыгодные экономические отношения способны послужить дополнительным гарантом европейской безопасности. Сербское председательство во многом продолжило основные начинания швейцарцев. Однако приоритетность решения украинского конфликта и сложные отношения между странами коллективного Запада и Россией не позволили осуществить многое из намеченного, хотя белградская встреча министров иностранных дел ОБСЕ, прошедшая по ито-

гам председательства Сербии в декабре 2015 г., была позитивно оценена той же немецкой стороной;

2. *наличие двух лагерей среди стран коллективного Запада* в отношении России. Сторонники одного из них настаивают на усилении НАТО и неэффективности диалога с РФ; представители другого указывают на то, что подобные действия могут разрушить ОБСЕ как площадку диалога и предлагают через компромисс и сотрудничество развивать потенциал, заложенный в ОБСЕ. В этой связи министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер заметил: «Мы, конечно, не вернулись в состояние холодной войны. Мы имеем дело в основном с новыми конфликтными структурами, с эродирующими порядками...» [15];

3. *внутригерманские дискуссии относительно председательства и его последствий*. Во многом они были вызваны стремлением Германии усилить внешнеполитическую активность и востребованностью страны в качестве посредника. Одним из примеров дискуссий является позиция партии «зеленых» (к примеру, ноябрьское 2015 г. решение федеральной конференции) [14]. С точки зрения «зеленых», о результатах председательства ФРГ можно будет судить только в конце 2017 г., то есть после окончания председательства Австрии. «Зеленые» хотели бы добиться заключения соглашений о непреднамеренной эскалации и об обязательных регулярных контактах и обмене информацией между ответственными за принятие военных решений в странах-участницах. Они не возражают против возможности присутствия представителей национальных вооруженных сил в миссиях ОБСЕ. «Свободная торговля, – записано в решении конференции, – без правового сближения потребует новых форм стратегического и политического партнерства» [14]. Данное положение в определенной степени развивает швейцарскую идею об экономической составляющей безопасности. С учетом того, что «государствам Центральной и Восточной Европы срочно нужна... международная гарантия безопасности вне Североатлантического Альянса, которая позволила бы им выйти из неудобной и опасной функции буфера», то предпосылкой выработки подобной гарантии «является отказ от дальнейшего расширения НАТО на постсоветское пространство в краткосрочной перспективе» [14], что, по мнению «зеленых», существенно повышает требования к председательству ФРГ в ОБСЕ.

Тактические цели немецкого председательства представлены в лейтмотиве программы – «обновление диалога, построение доверия и восстановление безопасности» [8]. Что касается *диалога*, то речь идет как о диалоге между политиками, так и о более интенсивной работе различных экспертных площадок, а также об активизации взаимодействия европейских обществ, к примеру, по линии молодежных обменов, направленных

на развитие сотрудничества и безопасности в Европе. В этом контексте особое значение придается внешней политике в сфере культуры и образования, потому что она способна с помощью дифференциации подходов противостоять идеологизации.

Плодотворный диалог, с точки зрения разработчиков программы, возможен, главным образом, при двух условиях: если признаются принципы, согласованные сторонами для его проведения, и если присутствуют предмет диалога и заинтересованность сторон в нем участвовать. Это обеспечивает *доверие*. Авторы программы настаивают на том, что принципы ОБСЕ не устарели, а неделимое пространство *безопасности* актуально как никогда. Они запланировали провести конкретизацию положений, касающихся всеобъемлющего характера безопасности, то есть ее политического, военного, экономического, экологического и человеческого измерения, а также средств защиты от общих рисков (терроризма, радикализации, организованной преступности, нелегальной торговли наркотиками, угроз в киберпространстве, торговли людьми).

Правительство ФРГ, по сути, предлагает странам-участницам Организации следующее обоснование для усиленной кооперации и возможный план работы: проведение своего рода ревизии прежней деятельности ОБСЕ; уточнение ряда положений, подписанных договоров и соглашений (к примеру, в очередной раз подумать над переработкой и обновлением Венского документа, над модернизацией договора «Об открытом небе»); создание эффективных методов участия ОБСЕ в конфликтном цикле. От того, насколько удастся добиться результативности совместных действий на всех этапах упомянутого выше конфликтного цикла, записано в программе, будет зависеть способность реагировать на угрозы сообща, получится не допустить появления новых и урегулировать уже имеющиеся конфликты в Европе. От различных участников диалога ожидают предложений, направленных на выработку и принятие официального плана действий, что приведет к восстановлению безопасности и к построению доверия.

Дееспособность ОБСЕ способна возрасти после наделения организации полномочиями юридического лица. Дискуссии о юридическом лице для ОБСЕ ведутся, по сути, с 2001 г. Немецкие дипломаты участвуют в них активно. Достаточно вспомнить председательство Акселя Берга в соответствующей рабочей группе. Принципиальным остается вопрос о принятии Устава ОБСЕ с четко определенными целями, задачами, структурой Организации и т.п. Ряд стран отказываются без Устава подписывать соглашение о наделении ОБСЕ статусом юридического лица. Немецкие разработчики программы председательства полагают, что комплексность подхода к безопасности поможет вернуться к работе над данным проблемным комплексом.

Относительно сотрудничества с Россией особо подчеркивается борьба с терроризмом. Ф.-В. Штайнмайер, вынужденный учитывать отсутствие единства коллективного Запада в вопросе сотрудничества с нашей страной, настаивал: «...Россия – это реальность, которую мы не можем игнорировать. Россия имеет влияние – позитивное или негативное. Россия имеет влияние на Среднем Востоке, в Сирии, в Европе и не только. Если мы хотим получить решение проблем, мы должны научиться вести себя с Россией, хотя это и трудно. А в настоящее время это очень трудно» [11].

Создание стабильной архитектуры европейской безопасности, эффективное российско-европейское сотрудничество и развитие формата ОБСЕ – это то, чего хотела бы со временем добиться ФРГ. Участие ВКС РФ в операции в Сирии вызвало у МИДа ФРГ опасения, что российская сторона в краткосрочной перспективе потеряет интерес к Организации. В этой связи особое значение и приобрела идея модернизации. Для российской стороны должна была действовать следующая аргументация: после решения украинского кризиса немцы готовы работать над серьезными проектами в рамках ОБСЕ. От России требовалось вернуться к договорным обязательствам, то есть де-факто принимать участие в урегулировании украинского кризиса на принципах ОБСЕ. Практические шаги в этом направлении означали бы, по мнению МИДа ФРГ, восстановление доверия между партнерами и последующий реальный переход к серьезным проектам сотрудничества. Таким образом, российская сторона, по мнению немцев, должна быть заинтересована в скорейшем разрешении украинского конфликта, в противном случае она будет нести ответственность за усиление недоверия в Европе и консолидацию НАТО. Для контрагентов России, в первую очередь Польши и стран Прибалтики, действовала другая логика: они также признали принципы ОБСЕ, поэтому отказ от диалога с Россией в рамках Организации означал бы подтверждение возможности невыполнения договорных обязательств, что в итоге доказывало бы правоту российской стороны относительно нежелания Запада идти на равноправное взаимодействие.

«Сильными» сторонами программы ФРГ являлось то, что сохранялся диалог и допускалась возможность развития сотрудничества. Диалог мог обеспечить содержательный обмен мнениями, способствовать фиксации правил взаимодействия между партнерами, повышению взаимного уважения, а также появлению плана реформирования ОБСЕ. Диалог мог обеспечить результат, который ни одной из сторон не захотелось бы потерять. «Слабая» сторона, в первую очередь, заключалась в том, что немцы не были готовы конкретно назвать и детально обсуждать проекты будущего взаимовыгодного сотрудничества, то есть взять на себя обя-

зательства за их реализацию. Да, и успех любого плана развития ОБСЕ мог быть обеспечен только после соответствующих институциональных реформ, усиления ее дееспособности, что с учетом наличия 57 стран-участниц потребовало бы значительных временных затрат. Кроме того, постоянное указание на верность принципам ОБСЕ (а значит и на территориальную целостность) могло вызвать у российской стороны опасение, что ФРГ пытается найти дополнительные аргументы для последующей актуализации крымского вопроса.

МИД ФРГ не мог не видеть неоднозначность предлагаемого им подхода, поэтому активно проводил политику так называемой мировоззренческой дипломатии, что лишь частично решало проблему отказа Германии от дополнительных обязательств. 13 февраля 2016 г. Ф.-В. Штайнмайер, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, остановился на пяти *принципах* современной внешней политики и политики безопасности страны: 1) недопустимости изоляционистских настроений при решении имеющихся проблем; 2) повышении роли политических процессов; 3) дополнительной ответственности сильных государств: «Настоящая сила государств, – по мнению министра, – измеряется тем, готовы и способны ли они брать ответственность не только за собственную безопасность...»; 4) активной поддержке политических процессов; 5) признании реальности без прикрас [15]. А 1 марта 2016 г. в университете им. Дж. Вашингтона Ф.-В. Штайнмайер дополнил эти тезисы: «В кризисное время нам известно, – сказал он, – что значение имеет каждый практический шаг, даже если на два шага вперед приходится делать один шаг назад. Во время неопределенности нам известно, что мы должны положиться на институты, которые оставили нам предшественники...» [11].

В любом случае полутона и сигналы как в программе председательства, так и в мировоззренческой дипломатии страны следует использовать с целью повышения роли и ответственности Германии. Одним из таких сигналов российской стороне стало назначение Г. Эрлера специальным представителем федерального правительства Германии по вопросам председательства ОБСЕ.

Что касается первых результатов реализации программы, то 25–26 января 2016 г. в Вене была проведена встреча Экономического и экологического форума ОБСЕ. 16–17 февраля прошла встреча военных из государств-участников ОБСЕ. Ее целью стало обсуждение вопроса о сближении военных доктрин в современных условиях общих угроз безопасности. В первый же день Германия и Австрия выступили организаторами подиумной дискуссии на тему «Европейская безопасность в условиях кризиса. Как восстановить доверие?». П. Флор, ответственная

федерального правительства по вопросам разоружения и контроля над вооружением, представила на ней позицию ФРГ, которая, по ее словам, с одной стороны, стремится поднять боеспособность НАТО, с другой – активизировать сотрудничество и транспарентность, к примеру, через обновление Венского документа. В это же самое время – 18 февраля – в Вене на заседании Постоянного совета ОБСЕ был продлен мандат Специальной мониторинговой миссии по Украине. 18 и 22 марта состоялись «круглые столы», посвященные мониторингу конфликтного цикла ОБСЕ, а 6–7 апреля о будущем Организации речь шла в МИДе ФРГ, где присутствовали около 60 молодых участников из почти 30 стран ОБСЕ. 3 мая министр обороны ФРГ У. фон дер Лайен и генеральный секретарь ОБСЕ Л. Заньером призвали оживить диалог по вопросам европейской безопасности. 18–19 мая на форуме ОБСЕ «*Connectivity for Commerce and Investment*», для которого МИД ФРГ была выбрана достаточно абстрактная проблема, было обеспечено участие предпринимателей и представителей международного финансового сектора, а Ф.-В. Штайнмайер подчеркнул готовность «вести разговор о конкретном сотрудничестве», отказаться от «борьбы между различными интеграционными инициативами» и «согласовать эти инициативы друг с другом» [9].

Из перечисленных выше мероприятий очевидно следующее: во-первых, стремление активизировать сотрудничество во второй – экономической – корзине ОБСЕ. Об этом свидетельствуют приглашение предпринимателей, попытка отказаться в экономике от идеологии. Усиление экономического сотрудничества в ОБСЕ будет важно для последующего согласования взаимоотношений между различными интеграционными вариантами в европейском пространстве; во-вторых, стремление добиться результатов. По всей видимости, в МИДе ФРГ поняли, что развитие ОБСЕ напрямую связано с текущими, пусть и небольшими успехами; в-третьих, стремление обсудить перспективы ОБСЕ в неформальных формах, к примеру с привлечением молодежи.

Выбранная немцами линия, вне всякого сомнения, компромиссна, но в настоящее время – это единственная возможность попытаться продвинуться по пути построения европейской архитектуры безопасности. Новизна программы председательства ФРГ в ОБСЕ состоит все же в не конкретном содержании, а в подходе – в восстановлении доверия через диалог, попытке достигнуть практического результата, способного в дальнейшем активизировать процесс реформ, а в настоящее время направленного на повышение дееспособности Организации. Этим и обуславливается осторожное полуофициальное указание в немецком политическом дискурсе на так называемый отложенный успех – на время после австрийского руководства ОБСЕ.

Поставив диалог на первое место, немцы пытаются тем самым воздействовать как на противников усиления контактов с Россией («несомненно, трудный партнер, но нужно уметь с ним общаться в новых условиях»), так и на Россию, от которой ожидают конструктивного и компромиссного подхода. Именно в рамках подобной рациональной аргументации взаимной заинтересованности и может со временем быть достигнут успех – повышение через последующие реформы дееспособности ОБСЕ и как следствие продвижение по пути создания эффективной системы европейской безопасности. Успех немецкого председательства будет зависеть и от решения текущих задач, способности добиваться успехов в разрешении имеющихся мест конфликтов, а также в недопущении их эскалации.

Возможные сценарии и роль ФРГ. Исходя из вышеизложенного, наиболее реалистичными являются, с моей точки зрения, два сценария. Согласно *первому* продолжится включение в европейские – старые и/или новые – структуры тех стран, которые ощущают себя якобы под угрозой России, а фактически, как было видно выше на историческом примере Западной Германии, данные страны, пользуясь случаем, будут решать собственные национальные задачи. Кроме муссирования угрозы со стороны России, будут иметь место указания на суверенитет и добровольность принятого решения о сотрудничестве с европейскими странами, хотя референдумы по этому вопросу проводиться вряд ли будут. Страны того же ЕС наверняка будут официально обосновывать необходимость сотрудничества с помощью ценностей: демократический выбор того или иного народа не позволяет им отказывать и диктовать свою волю. Стратегически реализация данного сценария будет нацелена на то, чтобы добиться временной изоляции России, попытаться навязать ей те структуры безопасности, которые будут выгодны странам коллективного Запада, так как рассчитывать на углубление сотрудничества в сфере безопасности с Китаем не приходится. Признание Россией созданной в результате этого реальности будет означать признание и тех правил, которые могут не отвечать интересам нашей страны.

Второй сценарий предполагает, что процесс так называемого проевропейского выбора стран постсоветского пространства будет проходить параллельно с созданием согласованных, взаимовыгодных и обязательных для всех участников структур безопасности – того, что на дипломатическом языке носит название «единое и неделимое пространство безопасности». Без участия США обойтись не получится. Правда, американцы должны будут отказаться от функций гаранта и стать полноправным его участником.

Очевидно, что наиболее перспективным является второй сценарий. Что касается Германии, то основной приоритет ФРГ на ближайшие не-

сколько лет будет заключаться в отлаживании механизма и структурной организации европейской интеграции и одновременно в продвижении по пути, намеченному в программе председательства страны в ОБСЕ. Средства и подходы германской дипломатии к выстраиванию европейского миропорядка в целом приемлемы для России при условии, что ФРГ готова добиваться их осуществления и брать на себя свою долю ответственности.

В этой связи, как ни странно, особую роль приобретает сотрудничество в сфере гуманитарных наук и культуры, с помощью которого могут быть преодолены стереотипы и образ врага, дана объективная оценка истории взаимоотношений стран-участниц в Европе, без чего немислимо мирное будущее. Не возникает сомнения, что система европейской безопасности переформируется, но делать это нужно, не повторяя ошибок прошлого. Роль Германии, страны в центре Европы и страны, извлекающей уроки из событий собственной истории, чрезвычайно велика. Будем надеяться, что именно этим обусловлена повышенная внешнеполитическая активность Федеративной Республики Германия.

Список источников и литературы:

1. Adenauer: Briefe, 1945–1947 / bearb. von Hans Peter Mensing. Berlin, 1983. 762 S.
2. Aide Mémoire für die Besprechung des Herrn Bundeskanzlers am 17.8. 1950 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 7030A. Dok. 6.
3. Aktenvermerk betr. Emigrantenpolitik, Bonn, den 8. August 1951 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 4652A. Nr. 3.
4. Aufzeichnung betr. Standpunkt der Bundesregierung zur Osteuropa-Politik (7.11.1951) // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 3185A. Dok. 39.
5. Der Brief von Albrecht von Kessel, Paris, den 13. Dezember 1950 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 4655A. Nr 69.
6. Der Bundesminister für Wirtschaft L. Erhard an Bundeskanzler der Bundesrepublik Deutschland Herrn Dr. K. Adenauer, Bonn, 25. September 1950 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 4656A. Dok. 97.
7. Deutscher Bundestag – 4. Wahlperiode – 170. Sitzung. Bonn, Mittwoch, den 10. März 1965. S. 8503-8595.
8. Dialog erneuern, Vertrauen neu aufbauen, Sicherheit wieder herstellen: Schwerpunkte des deutschen OSZE-Vorsitzes 2016. Berlin, 2016. 16 S.
9. Eröffnungsrede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier zur Wirtschaftskonferenz des deutschen OSZE-Vorsitzes «Connectivity for Commerce and Investment», 18.05.2016 // www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160518-BM-OSZE-Wirtschaftskonferenz.html
10. Gedanken zur sowjetischen Deutschlandpolitik, Bonn, den 8. Januar 1951 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 11. Bd. 286. Bl. 3-6.

11. «Krisenzeiten – warum die transatlantische Partnerschaft wichtig ist» – Rede von Außenminister Steinmeier an der George Washington Universität, 01.03.2016 // www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160301_BM_Washington.html

12. Kurzprotokoll über die Besprechung, die am Montag, dem 17. März 1952 zwischen dem Bundeskanzler und den drei Hohen Kommissaren im Palais Schaumburg über die sowjetische Note stattfand // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. B2-VS. Bd. 109A. Dok. 10.

13. Notiz vom 6. Dezember 1950 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. B2-VS. Bd. 105A. Dok. 4.

14. OSZE-Vorsitz Deutschlands 2016: OSZE beleben und reformieren: 39. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz Halle, 20.-22. November 2015. Halle, 2015. 6 S.

15. Rede von Außenminister Steinmeier bei der «Ministerial Debate on Current Crises» bei der Münchner Sicherheitskonferenz, 13. 02. 2016 // www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160213_BM%20Ministerial%20Debate%20MSC.html

16. Der Schweizer Vorsitz in der OSZE 2014: Schlussbericht (27. Mai 2015). Bern, 2015. 59 S.

17. Telegramm (Vollständige Fassung) von Washington (12.10.1951) // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 11. Bd. 50. Bl. 22.

18. Stenke W. Schwur gegen militärisches Denken: 1950 konstituiert sich die CDU auf Bundesebene // www.deutschlandradiokultur.de/schwur-gegen-militaerisches-denken.932.de.html?dram:article_id=130965

19. Über die Motive der gegenwärtigen sowjetischen Außenpolitik, Bonn, den 10. August 1950 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 11. Bd. 459. Bl. 9-11.

20. Vorentwurf betr. Grundlinien einer deutschen Ostpolitik, Bonn, den 10. November 1951 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B. 130. Bd. 6871A. Dok. 4.

21. Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa: die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn, 1976. 438 S.

УДК 325:14

Камкин А.К.,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
Центра германских исследований
Института Европы РАН
Адрес:
125009 Москва, Моховая ул., 11-3
Эл.почта:
alexander.kamkin@yahoo.com

Kamkin A.K.,
PhD in Philosophy, Center for German
Studies, Institute of Europe RAS,
the leading researcher
Post Address:
125009 Moscow
Mohovaya str. 11-3
e-mail:
alexander.kamkin@yahoo.com

А.К. КАМКИН **БЕЖЕНЦЫ И ПРОБЛЕМА РОСТА** **МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЕВРОПЕ**

Данная научная статья посвящена исследованию проблемы распространения межнациональных конфликтов в Европе и роли кризиса беженцев в этом процессе. В статье выявлено, что иммигранты из стран Ближнего Востока и Северной Африки порой переносят в Европу свои сложившиеся внутренние конфликты, тем самым обостряя и без того напряженную обстановку на европейском континенте. Автор отмечает, что культурные установки беженцев нередко радикально отличаются от таких европейских ценностей и принципов как демократия и права человека. Автор анализирует масштаб угроз и вызовов Европы, учитывая сегодняшние реалии кризиса беженцев и постоянно ухудшающегося состояния межэтнических отношений народов, проживающих в Евросоюзе.

Ключевые слова: беженцы, радикальный ислам в Германии, межэтнические конфликты в Европе, Ближний Восток.

А.К. КАМКИН **REFUGEES AND THE PROBLEM OF THE UPRISE** **OF ETHNIC CONFLICTS IN EUROPE**

This scientific article is devoted to the analysis of the problem of the uprising of ethnic conflicts in Europe and the role that the refugee crisis plays in this process. The article elicits that immigrants from the Middle East and the North Africa bring ethnic conflicts with them in Europe, exacerbating the situation by that. The author notes that cultural background of immigrants is often incapable with European values, such as democracy and human rights. The author analyses the scale of the threat to Europe, taking into account the refugee crisis, and constantly worsening situation of ethnic relations between the peoples, dwelling in the European Union.

Keywords: refugees, radical Islam in Germany, ethnic conflicts in Europe, the Middle East.

В течение последних полутора десятилетий Европа по праву считалась не только одним из самых благополучных, но и безопасных регионов мира, регионом, который щедро протягивал руку помощи беженцам от войн и экономических неурядиц по всему миру. Последний раз война гремела на просторах Европы 16 лет назад, когда весной 1999 г. США и их союзники по НАТО развязали агрессию против Югославии. Поводом стал межэтнический конфликт между сербами и албанцами, уходящий своими корнями в события более чем вековой давности. Однако, вмешательство НАТО не только не помогло загасить данный конфликт, но и заложило новые мины замедленного действия в плане межэтнических столкновений (о чем будет сказано подробнее ниже). Эти события были сопряжены с большими потоками беженцев, разрушениями и жертвами среди гражданского населения. Впоследствии Европе неоднократно приходилось сталкиваться с менее глобальными вызовами в области межнациональных конфликтов – праворадикальными группировками и течениями, вспомним печально известное «Национал–социалистическое подполье» в ФРГ, на счету которого 11 убийств, или террориста-одиночку Андерса Брейвика, который в отличие от других радикалов ультраправого толка корень угрозы коренной нации видел не в мигрантах на улицах европейских городов, а в политической элите, проводящей по факту политику замещения коренного населения мигрантами. Однако, нельзя сказать, что террористические угрозы и ксенофобские выпады исходят только от явных или латентных поклонников тоталитарных режимов 1930-х гг. Все прошедшие годы Европа была свидетельницей жутких терактов, совершаемых мигрантами (либо в первом, либо во втором поколении) из числа радикальных исламистов. Это и нападение на редакцию сатирического журнала в Париже 07 января 2015 г., на кошерный супермаркет в Париже 09 января, совершенное той же группой радикальных исламистов, наконец, череда террористических актов в том же Париже, совершенных 14 ноября 2015 г., нападения исламистов на военнослужащих в Великобритании, задержания готовивших теракты групп исламистов в Германии. Наконец, стоит упомянуть своего рода «демонстрацию силы», устроенную мигрантами в Кельне в ночь на 01 января 2016 г. Список подобных тревожных звонков можно продолжать. В чем же причина роста межнациональной и межрелигиозной розни в Европе и каковы способы ее решения? Да и существуют ли они?

7 сентября 2015 г., в разгар миграционного кризиса, канцлер Германии Ангела Меркель заявила: «Проблема, которую мы сейчас переживаем, будет занимать нас в ближайшие годы, она изменит Европу, и мы хотим, чтобы эти изменения были позитивными»[3]. Эти слова прозвучали вслед за призывом канцлера открыть двери страны для мигрантов и о

готовности принять более 800 000 беженцев, что еще более подстегнуло маховик миграционных потоков в ЕС.

Какова актуальная ситуация с беженцами в Европе? По данным Германского ведомства по делам миграции, количество официально зарегистрированных беженцев с января по сентябрь 2015 г. составило более 303 000 человек. К концу года эта цифра может приблизиться к полумиллиону человек. Большей эта цифра была только в разгар войны в бывшей Югославии в 1993 и 1994 гг. (438 000 и 332 000 человек соответственно) [11]. Есть все основания полагать, что к концу года эти рекорды могут быть побиты. При этом общее число беженцев, проникших на территорию ЕС за 2015 г., уже приблизилось к 1 000 000 человек. Каждый третий беженец выбирает своей целью именно Германию. По словам министра внутренних дел ФРГ Томаса де Мезьера, его страна вряд ли сможет справиться с таким наплывом беженцев [13]. Это не случайно. Во-первых, Германия является страной с одним из наиболее высоких уровней социальных гарантий лицам, получившим политическое убежище или статус беженца. В Германии уже проживают многочисленные этнические группы из таких стран, как Албания, Турция, страны Магриба, а именно выходцы из этих стран составляют основную долю в потоках беженцев. Также большие потоки беженцев двигаются в сторону Франции, Великобритании и скандинавских стран. По данным европейского агентства FRONTEX, основными маршрутами для беженцев являются Турция, далее переправа морем в Грецию (западно-балканский коридор), переправа морем из Ливии в южную Италию (средиземноморский коридор). Отдельно следует выделить миграцию через Украину в страны Восточной Европы (восточно-европейский коридор) [14], а также такие экзотические маршруты, как через территорию России в Норвегию и Финляндию. В последние месяцы власти этих стран вынуждены вводить ограничения на перемещение через свои границы беженцев.

Другим немаловажным фактором, привлекающим беженцев в Европу, является ее открытость для принятия новых мигрантов. Германия, например, открыла свои границы (потом, правда, введя на своих южных границах временный режим пограничного контроля) и обратилась к другим странам с призывом проявить солидарность в распределении беженцев. Кроме того, Берлин временно прекратил процедуру реадмиссии (высылки) беженцев в страны, которые, согласно Дублинской процедуре, являлись формально странами их первого прибытия в ЕС. Данная процедура предусматривает высылку беженцев в страну ЕС, границы которой они пересекли первой. В основном, это Болгария, Греция, Италия, Венгрия, Испания. Тем самым, однако, само Дублинское соглашение было поставлено Германией под вопрос. По сути дела власти ФРГ решили вре-

менно прекратить его действие. Это послужило одной из косвенных причин драматических событий на границах южно-европейских стран, когда беженцы вынуждены были штурмовать полицейские кордоны и ограждения в Венгрии, Словении, Австрии, чтобы прорваться любой ценой в страну, руководство которой широким жестом пообещало принять всех.

Однако, в состоянии ли страна принять и главное обустроить всех желающих? Сторонники канцлера и представители левых партий и «зеленых» утверждают, что лодка никогда не переполнится». Им возражают такие политики, как лидер баварского ХСС Зеehoфер и министр внутренних дел де Мезьер, говоря, что границы пора закрывать и более избирательно подходить к вопросу предоставления статуса беженца. На этом фоне растут рейтинги правых партий, традиционно выступающих с антииммигрантской риторикой.

Порой действия властей Германии и вправду далеки от здравого смысла. Так, недавно нашумел случай, когда в небольшой деревушке в Нижней Саксонии решили разместить более 700 мигрантов, что привело к бурным протестам местного населения [9]. Также нашумели случаи, когда власти выступали с идеями размещать мигрантов в бывших зданиях военных казарм и даже концлагерей. В настоящее время тысячи беженцев вынуждены жить в палаточных городках и импровизированных центрах размещения.

На этом фоне противники принятия новых мигрантов из числа правых радикалов устраивают регулярные поджоги центров по размещению беженцев, число поджогов, например, в Германии в 2015 г. составило несколько сотен [4]. Власти же Швеции, например, вообще решили засекретить координаты новых центров размещения мигрантов, чтобы обезопасить их от атак праворадикалов. При этом сами мигранты порой устраивают жестокие побоища на почве межнациональной розни. Так, нередки случаи массовых драк между сирийцами и афганцами, чернокожими африканцами и жителями Магриба. Все это не придает оптимизма властям и тем более коренному населению, которое видит угрозу в большом скоплении не интегрированных в европейский стиль жизни мигрантов.

Правительства европейских стран и лидеры неправительственных организаций, например, президент МВФ Кристин Лагард, не устают утверждать, что беженцы и мигранты вообще обогатят Европу и окажут благотворное воздействие на рынок труда в свете демографических сложностей и старения коренного населения. Ей вторит специальный уполномоченный по делам миграции при ООН Питер Сазерлэнд, утверждающий, что прием беженцев Европейским Союзом является не только политической и экономической выгодой, но и моральным долгом. Однако, учитывая крайне низкий образовательный уровень большинства приезжих, даже

если они и смогут найти какую-то работу, это будет неквалифицированный и низкооплачиваемый труд. В этой сфере они будут конкурировать на рынке труда с самими нижними слоями коренного населения, которые являются, между прочим, питательной средой для экстремистских группировок ультраправого и ультралевых толков. Это обязательно приведет к росту ксенофобских настроений, что наблюдается уже сейчас в виде нападений на центры размещения беженцев. Такое, кстати, происходит не только в ФРГ, но и в других странах. Ответной реакцией может стать радикализация самих беженцев, в том числе под действием проповедников радикального ислама, которыми уже наводнена Европа.

Правоохранительные органы европейских стран признают, что в Сирии, в рядах таких террористических группировок, как «Исламское государство», «Аль-Нусра» и пр. воюют сотни, если не тысячи лиц с паспортами стран ЕС, в основном это лица с миграционным происхождением, приехавшие туда из стран Магриба, Ближнего Востока и Турции. Они являются питательной средой для вербовки эмиссарами террористических исламистских группировок. При этом перелом в ходе гражданской войны в Сирии, когда объединенные силы правительственной армии Сирии, Ирана и ВКС России начали активно теснить исламистов, может подстегнуть выезд обратно в Европу многочисленных джихадистов, приехавших на Ближний Восток из европейских государств. По данным европейских правоохранителей, счет может в данном случае идти на тысячи человек, имеющих реальный боевой опыт.

Что же представляет собой исламизм как идеология, под знаменем которой выступают люди, бросающей открытый вызов европейским ценностям и традициям? Под исламизмом правоохранители и политологи Европы понимают форму политического экстремизма с религиозным подтекстом. При этом исламисты превращают ислам в инструмент своей политики. Они выступают за буквальное толкование и реализацию на практике положений ислама как универсального средства регулирования социальных, юридических, экономических и политических вопросов. Иными словами, Европа лицом к лицу сталкивается с принципиально иной многоосновной цивилизационной моделью, которая во многих аспектах диаметрально противоположна либеральным устоям европейского общества и антагонистична им. Исламистская идеология предполагает божественное устройство общества и государства, а основой такого устройства призван стать свод юридических положений – шариатское право. Данная позиция, как уже говорилось выше, входит в противоречие с принципами европейского права и всего уклада жизни. Важным признаком радикального исламизма является то, что его апологеты стремятся установить свою доктрину насильственным путем. Точнее, в представ-

лении джихадистов существует два этапа в продвижении идеи ислама среди иноверцев. Первый этап – благовествование, на котором идет распространение идей путем проповеди, распространения литературы и пр. Т.е., «язычникам» дается шанс мирным путем принять «истинную веру». Если этого не происходит, лидеры исламистов считают себя вправе согласно своему вероучению объявить «неверным» малый джихад, т.е. физическую войну ради установления своей идеологии уже силой оружия.

Действительно, порой либеральные ценности Европы и установки радикального исламизма идут в полное противоречие друг с другом. Приведем несколько основных моментов.

– В Европе во главу угла ставится уважение прописанных в конституции прав человека, в том числе неприкосновенность человеческого достоинства, право на жизнь, запрет на пытки, телесные наказания, свобода личности, свобода совести и свобода слова. В трактовке права исламистами следует отметить отсутствие прав человека как таковых, которое проявляется, в том числе, в телесных наказаниях, как то отрубание рук вора, побивание камнями за супружескую измену, казнь за инакомыслие (вспомним недавнюю казнь шиитского проповедника в Саудовской Аравии) и пр.

– В Европе абсолютной ценностью является независимость судов от исполнительной власти, парламентаризм, а также право на формирование и функционирование парламентской оппозиции, в рамках которой оппозиция осуществляет контроль правительства и предлагает политические альтернативы. Также сюда относится защита прав меньшинств. Согласно представлениям исламистов, демократия и ислам – не сочетающиеся друг с другом вещи, невозможно разделить общество, которое едино на основе общей религиозной принадлежности. Законотворчество с точки зрения исламистов является прерогативой Аллаха. Исламисты признают только суд на основе шариатского права, являющегося по сути дела надстройкой к Корану. Таким образом, заметны сильные разночтения в подходах к общественной жизни, которые таят в себе потенциал социальных конфликтов и как минимум взаимного отчуждения.

Рубеж XX – XXI вв. можно считать моментом активного наступления радикальных исламистов на территории, не являющиеся традиционно мусульманскими. Первой ласточкой такой экспансии можно считать войну в Боснии и Косово, где на стороне боснийских мусульман и косовских сепаратистов активно воевали радикалы-исламисты из стран арабского мира. 11 сентября 2001 г. открыло новую веху в отношениях радикального исламизма и западного мира. Начиная с того момента западный мир все чаще становится объектом террористических атак, а недальновидная политика США на Ближнем Востоке, заключающаяся в стратегии созда-

ния «контролируемого хаоса» рискует превратить весь Ближний Восток в «котел с большими неприятностями», как охарактеризовал эту ситуацию директор Института Ближнего Востока РАН А. Сатановский [10]. Действительно, миллионы беженцев, радикализация мусульманской диаспоры в Европе, перенос на европейскую почву межконфессиональных конфликтов между суннитами и шиитами, палестино-израильского конфликта (а последние теракты во Франции и Бельгии против еврейской общины как раз свидетельствуют о последнем) – все это говорит о том, что радикальный исламизм становится все более опасным вызовом для всей Европы.

Салафизм в Европе эволюционировал в движение, которое становится все более привлекательным для неофитов. С помощью профессионально сделанных пропагандистских роликов в интернете, интенсивного использования социальных сетей и рекламных кампаниях на улицах, например, бесплатное распространение литературы по различным информационным поводам и пр. данное движение активно вербует новых членов как среди мигрантов, так и среды коренных немцев, принимающих ислам.

Радикальный исламизм имеет очень разнообразные формы проявления. Это и «легалисты», отвергающие насилие, и джихадисты, которые видят в терроре закономерную цель для достижения своих целей. Спецслужбы одной только ФРГ насчитывают в настоящее время (по данным на конец 2014 г.) в Германии свыше 40.000 исламистов, в масштабах всего ЕС эта цифра превышает 100 000 человек.

Таким образом, формы проявления исламизма весьма разнообразны. Также гетерогенны и его действующие лица. Четкого эталона исламиста не существует. Пути радикалов к исламизму и салафизму порой весьма различны, ровно настолько, насколько прозрачны границы между политическим исламизмом и джихадизмом. Однако, есть определенные закономерности. Так, в сторону данной радикальной идеологии обращает все больше взоров молодежь, в том числе принявшие ислам коренные немцы. Процессы радикализации многократно усиливают современные информационные технологии – интернет и социальные сети, которые, в отличие от некоторых светских исламских государств типа Турции или Египта, не находятся под контролем государства и дают тем самым широчайшие возможности для пропаганды и вербовки. В Германию, как и в другие страны Европы исламисты переносят свои внутренние конфликты – палестино-израильский и шиитско-суннитский. Так, убийство 2 марта 2011 г. в аэропорту Франкфурта-на-Майне двух американских солдат исламистом-одиночкой [1] можно считать именно отражением борьбы мусульманского мира против «западных крестоносцев». При этом важ-

но, что убийца, выходец из Косово был представителем так называемого «доморощенного терроризма» (homegrown-terrorism). Под такими лицами немецкие правоохранители понимают лиц, постоянно проживающих в Европе и дошедших до радикальных взглядов в стране проживания, а не принеся их извне, скажем из Сирии, Ливана или Ливии.

Так, в интервью газете Rheinische Post президент Федеральной службы защиты конституции Ханс-Георг Маасен заявил, что салафиты действуют в образе филантропов и сотрудников образовательных организаций. Они намеренно вступают в контакт с мигрантами и приглашают их в определенные мечети, чтобы завербовать для своих целей [7]. Об этом предупреждают и осведомленные исследователи, в частности известный немецкий журналист Удо Ульфкотте еще несколько лет предсказал в своих книгах межэтнические конфликты в Европе. Яркое свидетельство его правоты – последние трагические события в Париже. Буквально несколько дней спустя, 17 ноября 2015, в новостных лентах прошло известие об обнаружении автомобиля со взрывчаткой на стадионе в Ганновере. Поэтому можно провести четкие взаимосвязи между ростом наплыва беженцев и ростом террористической угрозой.

Что касается самих европейских политиков, то они порой путаются в оценках ситуации. Так, Ангела Меркель то повторяет тезис о том, что Германия примет всех, то предупреждает о возможных военных конфликтах в Европе вследствие миграционного кризиса [6]. В то же время верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини неоднократно заявляла, что возросший поток мигрантов в Европу не связан с ростом террористической угрозы: «Любое такое смещение было бы чрезвычайно опасным, контрпродуктивным для нашего общественного мнения и для нашего континента» [8]. При этом конкретных путей выхода из создавшейся ситуации не предлагается. Это говорит об отсутствии четкого понимания выходов из создавшейся ситуации у людей, на которых лежит груз ответственности за принятие системообразующих решений.

Последний фактор – самое негативное последствие подобной ситуации. Беженцы со своими несчастьями и бедами привозят с собой на новые места жительства и межэтнические и межконфессиональные конфликты – курдо-турецкий, суннито-шиитский, арабо-израильский и пр. Так, нападение на концертный зал «Батаклан» в Париже 17 ноября 2015 журналисты связывают с тем, что его прежним владельцем был французский еврей, а в самом зале регулярно проводились акции в поддержку израильской армии [5]. Это четкий сигнал переноса арабо-израильского конфликта на европейскую почву. В этой связи европейские страны и США, оказывающие поддержку Израилю, являются в глазах радикальных

антисемитов-исламистов такой же целью для террористических атак, как и военнослужащие «Цахала» и мирные жители в самом Израиле.

Другой важный момент, о котором предупреждают правоохранители европейских стран, – это попытка радикальных исламистов различными путями разжигать неприятие мигрантами европейского образа жизни. Так, в своей пропаганде радикальные исламисты рисуют образ европейцев как ведущих нелицеприятный, аморальный образ жизни, не соответствующий нормам ислама. В этом контексте можно упомянуть попытки создания шариатской полиции в Штутгарте, которая по планам инициаторов должна была следить за соблюдением норм шариата на улицах немецких городов. Также муссируется тезис о якобы имеющем место угнетении мусульман в европейских государствах. Вероятно, эту цель преследовала провокация в Кельне 31 декабря 2015 г. Данное выступление с учетом его массовости трудно назвать спонтанным. Нельзя исключать вероятности, организаторы сделали расчет на более решительные действия правоохранителей, а задержанных активистов можно было бы в пропаганде радикалов объявить пострадавшими за убеждения по установлению традиционных исламских ценностей. Помимо этого, расчет делался и на радикализацию местных ультраправых с целью спровоцировать их на ответные акции, которые можно было бы представить как акты притеснения ислама в европейских странах. Для недопущения роста антииммигрантских настроений власти Германии даже решили засекретить факты преступлений, совершаемых мигрантами [12]. Однако, это может иметь обратный эффект в росте недоверия местного населения к властям и органам правопорядка.

Тот факт, что у правительств европейских государств и брюссельской бюрократии нет четкого плана и внутреннего единства по вопросу проблемы беженцев, показывают и попытки фактически «задобрить» финансово страны, через которые идет транзит беженцев – прежде всего Турцию и некоторые африканские страны. Так, на встрече Эрдогана и Меркель в ноябре 2015 г. обсуждались вопросы выплаты Турции трех миллиардов евро для обустройства беженцев на своей территории [15]. Общая сумма прогнозируемых трат на решение миграционного вопроса достигает 20 с лишним миллиардов евро [2]. Это – сильнейший удар по экономике ЕС и финансовой стабильности данного интеграционного объединения. Но при этом европейские политики всячески пытаются умолчать тот факт, что не в последнюю очередь непродуманная политика стран ЕС и привела к сегодняшнему миграционному кризису, когда была развязана фактическая интервенция против Ливии в 2011 г. и косвенно углублялся конфликт в Сирии путем поддержки любых антиасадовских сил, в том числе группировок, близких к радикальным исламистам. По сути дела, не будет преувеличением сказать, что Европа с Америкой сами

устроили хаос на Ближнем Востоке, пытаясь везде строить демократию по своему эталону. И получили прогнозируемый результат – миллионы бегущих в Европу от гражданских войн и конфликтов. Не пускать их – значит обречь на страдания, что противоречит европейским ценностям. Но если же пускать всех подряд – обречь самих себя на участь этнического меньшинства в перспективе. Еще задолго до начала миграционного кризиса европейские демографы предсказывали, что к 2040 – 2050 гг. коренных европейцев в таких странах, как Франция, Германия, Великобритания будет менее 50%. Нынешние события грозят значительно ускорить эту тенденцию.

Поэтому следует признать, что власти европейских стран оказались перед лицом очень непростой ситуации, разрешение которой может потребовать очень длительного времени, очень больших финансовых затрат и может иметь непредсказуемые последствия.

Список источников и литературы:

1. [Албанец застрелил американских солдат в ФРГ в отместку за Афганистан] // новостной ресурс. – URL : <http://lenta.ru/news/2011/03/04/video/> (дата обращения 11. 07.2016 г.)
2. [Беженцы будут стоить Германии €21 млрд] // новостной ресурс. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2851393> (дата обращения 01.12.2015 г.)
3. [Беженцы в Европе: удивительные числа Насколько серьезен миграционный кризис в ЕС] // новостной ресурс. – URL : <https://meduza.io/feature/2015/09/10/bezhentsy-v-evrope-udivitelnye-chisla> (дата обращения 05. 09.2015 г.)
4. [В Германии совершено нападение на центр для беженцев] // новостной ресурс. – URL: <http://navkolo.me/v-germanii-soversheno-napadenie-na-centr-dlya-bezhencev-15343.html> (дата обращения 01.06.2016 г.)
5. [Интересная подробность: владельцу "Батаклана" угрожали за произраильские акции] // новостной ресурс. – URL : <http://www.sem40.ru/index.php?news-id=255804> (дата обращения 24.05.2016 г.)
6. [Меркель предупредила о возможных вооруженных конфликтах в Европе] // новостной ресурс. – URL : <http://expert.ru/2015/11/3/merkel/> (дата обращения 15. 04.2016 г.)
7. [Мигранты в Европе: главные риски] // новостной ресурс. – URL : <http://www.colta.ru/articles/society/8494> (дата обращения 01. 09.2016 г.)
8. [Могерини отказалась связывать рост терроризма и миграционный кризис в Европе] // новостной ресурс. – URL: <http://news.rambler.ru/world/31948243/> (дата обращения 03. 05.2016 г.)
9. [Население немецкой деревни за ночь выросло на 700%] // новостной ресурс. – URL : <http://politeka.net/97506-naselenie-nemetskoj-derevni-za-noch-vyroslo-na-700/> (дата обращения 20.12.2015 г.)
10. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями // новостной ресурс. – URL : <http://fictionbook.ru/static/trials/03/00/41/03004135.a4.pdf> (дата обращения 23.06.2016 г.)

11. Aktuelle Zahlen zu Asyl // новостной ресурс. – URL : <http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/statistik-anlage-teil-4-aktuelle-zahlen-zu-asyl.html?nn=1694460> (дата обращения 07.05.2016 г.)

12. Bild: Полиция Германии засекретила информацию о преступлениях мигрантов // новостной ресурс. – URL : <http://ren.tv/novosti/2016-01-09/bild-policiya-germanii-zasekretila-informaciyu-o-prestupleniyah-migrantov> (дата обращения 29.06.2016 г.)

13. De Maizière: Asylzahlen müssen sinken // новостной ресурс. – URL: <https://jungfreiheit.de/politik/deutschland/2015/de-maiziere-asylzahlen-muessen-sinken/> (дата обращения 01.03.2016 г.)

14. Eastern European Borders Quarterly: 2 Quarter // новостной ресурс. – URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/EB_Q2_2015_report.pdf (дата обращения 15.06.2016 г.)

15. EU bietet Türkei Milliarden – und mehr // новостной ресурс. – URL : <http://www.manager-magazin.de/politik/weltwirtschaft/eu-gipfel-mit-tuerkei-zur-fluechtlingskrise-a-1065120.html> (дата обращения 01.06.2016 г.)

УДК 397.4

Вагнер Патрик
Профессор современной истории
Университета имени Мартина
Лютера
Галле-Виттенберг
Адрес:
Emil-Abderhalden-Str. 26-27
06108 Halle (Saale), Германия
Эл. почта:
patrick.wagner@geschichte.uni-halle.de

Prof. Dr. Wagner Patrick
Professur für Zeitgeschichte
Martin-Luther-Universität
Halle-Wittenberg
Postadresse:
Emil-Abderhalden-Str. 26-27
06108 Halle (Saale), Deutschland
E-Mail:
patrick.wagner@geschichte.uni-halle.de

ПАТРИК ВАГНЕР

НЕМЕЦКИЕ КРИМИНАЛИСТЫ И НЕМЕЦКИЕ СИНТИ: ПОЯВЛЕНИЕ, ВОСПРИЯТИЕ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМО «АСОЦИАЛЬНОГО» ЭТНОСА В XIX И XX ВЕКАХ

Данная статья посвящена проблематике восприятия цыганского населения, в частности, этноса синти в Германии и Австрии. В данной работе автор проводит глубокий исторический анализ этого явления во временных рамках с начала XIX века до нынешних дней. В статье выявлено, что, несмотря на переориентацию внутренней политики Германии после окончания Второй мировой войны, в немецкой криминалистике вплоть до 1982 года продолжали использовать дискриминационные по отношению к цыганам практики. Автор отмечает, что в данный момент в Германии «цыганский вопрос» не имеет большого значения, однако о полном исчезновении данной проблематики с повестки дня говорить пока рано.

Ключевые слова: цыгане, криминалисты, национал-социализм, дискриминация этнических меньшинств, Германия, синти.

PATRICK WAGNER

**DEUTSCHE KRIMINALISTEN UND DEUTSCHE SINTI:
DIE ERFINDUNG, ERFASSUNG UND VERFOLGUNG EINER
VERMEINTLICH „ASOZIALEN“ ETHNIE
IM 19. UND 20. JAHRHUNDERT**

Dieser Artikel ist der Problematik der Erfassung von Zigeunern in Deutschland und Österreich gewidmet, mit dem Schwerpunkt auf Sinti. Im Fokus der Erforschung ist der Zeitraum vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis heute. Der Verfasser hat aufgrund einer tiefgreifenden historischen Analyse herausgefunden, dass abgesehen von den Veränderungen in deutscher Innenpolitik nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges die deutschen Kriminalisten bis zum Jahr 1982 diskriminierende Methoden gegen Zigeuner eingesetzt haben. Der Autor stellt fest, dass „zigeunerische Frage“ in Deutschland heute keine große Bedeutung hat, man kann trotzdem über der Vollendung dieser Polemik noch nicht sprechen.

Schlüsselwörter: Zigeuner, Kriminalisten, Nationalsozialismus, die Erpressung von ethnischen Minderheiten, Deutschland, Sinti.

Etwa zehn Millionen Sinti und Roma leben heute in Europa und bilden damit die größte ethnische Minderheit des Kontinents. Die Bundesrepublik erkennt die derzeit etwa 100.000 auf ihrem Territorium lebenden Sinti seit 1997 neben Dänen und Sorben als dritte nationale Minderheit an [1]. Die Bezeichnung "Sinti" meint dabei jene Teilgruppe der Gesamtheit der "Roma", die bereits seit mehreren hundert Jahren in Deutschland und seinen westlichen Nachbarländern lebt und dadurch anderen ökonomischen, sozialen und kulturellen Umweltbedingungen ausgesetzt war, als die südosteuropäischen Roma. Bereits diese Unterscheidung deutet aber auch an, dass es gar nicht leicht zu definieren ist, was nun die ethnische Gruppe der Roma insgesamt, unter Einschluss der Sinti, in der Gegenwart ausmachen soll oder in der Geschichte ausgemacht hat.

Gängig ist in der einschlägigen Literatur erstens eine Definition über eine gemeinsame Sprache, das Romanes. Zweitens wird den Sinti und Roma seit dem späten 18. Jahrhundert von der Sprachwissenschaft eine gemeinsame Ursprungsgeschichte zugeschrieben, da das Romanes mit dem nordindischen Sanskrit verwandt und seine Sprecher ab dem 14. Jahrhundert aus Südasien nach Europa eingewandert seien. Drittens sollen für die Ethnie der Roma einige kulturelle Traditionen charakteristisch sein, von einer nomadischen Lebensweise bis zu spezifischen Familienwerten. Und viertens schließlich werden sie durch kollektive Erfahrungen der Stigmatisierung und Verfolgung definiert,

deren extremste Form in der Ermordung von mehreren Hunderttausend Sinti und Roma während des Zweiten Weltkrieges bestand [2].

Das Problem dieser Definitionen besteht darin, dass sie einerseits nicht in gleicher Weise für alle Menschen gelten, die dessen ungeachtet derzeit qua politischer Entscheidung der Ethnie der Roma zugerechnet werden: Folgt man der Literatur, so spricht nur etwa die Hälfte dieser Menschen Romanes, und nur eine kleine Minderheit lebt mobil. Wie verbreitet das gemeinsame Ursprungsnarrativ bei den Betroffenen selbst war oder ist, ist weitgehend unerforscht. Und schließlich sind die historischen wie gegenwärtigen Diskriminierungs- und Verfolgungserfahrungen deutscher, slowakischer, rumänischer, belgischer und irischer Roma extrem unterschiedlich [3].

Andererseits reproduzieren jene Definitionen, die von dem wohlmeinenden politischen Willen motiviert sind, den Roma als einer nationalen Minderheit entsprechende Schutzrechte zu sichern, teilweise jene Stereotypen, die über Jahrhunderte Teil ihrer Diskriminierungsgeschichte gewesen sind. Gerade die Selbstorganisationen, so in Deutschland der 1982 gegründete *Zentralrat der deutschen Sinti und Roma*, agieren in dem ständigen Dilemma, die auf Stereotypen basierende Diskriminierung ihrer Klientel zu Recht skandalisieren zu wollen, zugleich aber den Status ihrer Gruppe als einer nationalen Minderheit ebenfalls mit Elementen (z.B. hinsichtlich einer traditionellen Kultur) begründen zu müssen, die von anderen wiederum als Stereotypen genutzt werden können. In der Summe: Wenn wir mit Behörden und Selbstorganisationen annehmen wollen, dass es in der Gegenwart *eine* ethnisch-nationale Gruppe der europäischen Roma gibt, so ist deren Ethnogenese in ganz besonderer Weise durch ein Knäuel an Fremd- und Selbstzuschreibungen gekennzeichnet. Ja: Bis in die 1970er Jahre, als überhaupt erst die politischen Selbstorganisationen der Roma entstanden, wurde die Konstruktion dieser Gruppe im Kern von außen durch Zuschreibungen und aus ihnen abgeleiteten Diskriminierungen bestimmt.

Seitdem sich Wissenschaftler und Beamte im späten 18. Jahrhundert aus dem Geist der Aufklärung heraus mit den in Westeuropa lebenden Sinti beschäftigt haben [4], wurden diese von den Mehrheitsgesellschaften anhand von drei miteinander verwobenen Merkmalen definiert, wahrgenommen und administrativ behandelt: Erstens wurden sie als Gruppe gesehen, deren Mitglieder im Unterschied zu anderen Migrationspopulationen zu sozialem Aufstieg per se unfähig seien und die folglich ein dauerhaftes Armutsproblem bilde. Daher verschärfte sich die Verfolgung von Sinti regelmäßig in jenen Phasen, in denen Massenarmut generell als akute Bedrohung der bestehenden gesellschaftlichen Ordnung wahrgenommen wurde [5].

Zweitens erkannten Westeuropäer in den Sinti eine vermeintlich "primitive" Kultur mit genau jenen Charakteristika, welche sie zur selben Zeit an

den von ihnen kolonisierten Kulturen Afrikas, Amerikas und Asiens wahrzunehmen glaubten und auf die sie ihr eigenes Überlegenheitsgefühl diesen gegenüber gründeten: Sinti (beziehungsweise die indigenen Bevölkerungen der Kolonien) lebten nach irrationalen, auf Aberglauben gründenden Regeln, seien generell leichtsinnig, faul, schamlos, sprich: sexuell ausschweifend, von (beängstigend) hoher Fruchtbarkeit und zugleich von einer starren, alle Verpflichtungen gegenüber übergeordneten gesellschaftlichen Werten ignorierenden Loyalität ihren Großfamilien gegenüber. Sie lebten wild und nomadisch in den Tag hinein, besäßen keine Vorstellung von Zukunft, seien unzuverlässig wie kleine Kinder und lebten in matriarchalen Strukturen. In den detaillierten Beschreibungen männlicher beziehungsweise weiblicher Sinti wurden diese um 1900 in ganz ähnlicher Weise stereotypisierte Objekte europäischer Sexualphantasien wie Afrikaner; zugleich schwankten die Betrachter zwischen Aggression gegen vermeintliche Barbaren und der Faszination angesichts "edler Wilder", so wie sie es auch gegenüber Beduinen oder Südseeinsulanern taten. In der Summe: Sinti repräsentierten jene kulturelle "Primitivität", über deren erfolgreiche Überwindung qua Zivilisation sich die europäischen Mehrheitsgesellschaften zunehmend selbst definierten [6].

Daher galten die Sinti drittens als eine Gefahr für die soziale wie politische Ordnung, welcher der Staat mit einer Doppelstrategie von Zivilisierung und Kontrolle begegnen müsse. Vor diesem Hintergrund wurden die Sinti im Lauf des 19. Jahrhunderts, als sich die Polizei zu einer eigenen Institution innerhalb der staatlichen Bürokratie entwickelte, neben "Berufsverbrechern", Prostituierten und politischen Staatsfeinden zu einer jener Gruppen, durch deren Repression die Polizei die offensichtliche Tendenz der modernen Gesellschaft zu Ordnungsverlust eindämmen sollte. Die Schritte, in denen sich die deutsche Polizei nach 1800 organisatorisch entwickelte, entsprachen den Schüben der Urbanisierung. Durch das Wachstum der Industriestädte und die massenhafte Arbeitsmigration entstanden jene Ängste vor Kontrollverlust, derer die Polizei wehren sollte. Die nur wenige Tausend Menschen zählende Gruppe der Sinti, die man zeitgenössisch als "Zigeuner" bezeichnete, eignete sich in besonderer Weise, die Ängste vor der millionenfachen Migration pars pro toto zu repräsentieren – denn sie war aus Sicht des Bürgertums sozusagen exemplarisch "fremd", "primitiv" und in ihrem Habitus das genaue Gegenteil des bürgerlichen Ideals [7].

In der Tat übte ein Teil der deutschen Sinti in den Jahrzehnten vor dem Ersten Weltkrieg ambulante Gewerbe wie jenes des Hausierers, des Pferde- und Viehhändlers, des Scherenschleifers, der Wahrsagerin und des Musikers aus oder zog mit Wandertheatern und Artistengruppen durch die Gegend. Im Unterschied zur Masse der Migranten dieser Jahrzehnte taten sie dies in größeren Familienverbänden, signalisierten mit Wohnwagen die Dauerhaftig-

keit ihrer Mobilität und campierten an den Rändern der Orte erkennbar von deren Bevölkerung separiert. Dies mag kulturellen Traditionen entsprochen haben und die eigene Sprache betonte noch die Separierung der "Zigeuner" von der Mehrheitsbevölkerung. Zugleich aber war die Persistenz der ambulanten Lebensweise nicht Folge einer genetischen Disposition zum Nomadentum, sondern einerseits durch eine gesellschaftliche Nachfrage nach ambulanten Dienstleistungen bedingt, andererseits durch die Politik der Gemeinden, diese "Fremden" möglichst schnell zum Weiterziehen zu drängen und ihre dauerhafte Ansiedlung zu verhindern. Dass die "Zigeuner" zur Sesshaftigkeit gezwungen werden müssten, war ebenso Konsens der Behörden wie die Gewissheit, dass dies an einem anderen Ort erfolgen müsse, da gerade der eigene Ort diese "Fremden" nicht integrieren könne [8].

Nun waren es keineswegs allein oder auch nur mehrheitlich Romanes sprechende Sinti, die um 1800, 1850 oder 1900 in Deutschland ambulanten Gewerben nachgingen. Am Anfang des 19. Jahrhunderts beschrieb die polizeiliche Publizistik denn auch "Zigeuner" als nur *ein* beliebiges Element eines bunten Sammelsuriums mobiler Lebensformen, neben deutschen Vaganten, Landstreichern, Hausierern und "Gaunern". Mit dem Pauperismus der 1840er Jahre begannen die Polizeibehörden die "Zigeuner" in ihren Informationsdiensten systematisch von den anderen Gruppen zu unterscheiden und pars pro toto als *die* gefährlichste Repräsentation kollektiver Armut wie kollektiver Mobilität zu verstehen [9]. Im Jahr 1857 führte das Fahndungsblatt des Königreichs Hannover erstmals eine gesonderte Erfassungskategorie für "Zigeuner" ein [10]. Von nun an wurden immer mehr Menschen in den überregionalen Fahndungsblättern als "Zigeuner" klassifiziert, die zuvor noch ohne diesen Zusatz ausgeschrieben worden waren. Zugleich setzte sich die Praxis durch, "Zigeuner" nicht nur als Individuen, sondern als Großfamilien zu erfassen und zur Fahndung auszuschreiben. Damit verdichtete sich in den Karteien der Polizei das Wissen über die "Zigeuner" als durch verwandtschaftliche Beziehungen vernetzte Kultur – ein Wissen, das die Polizei über andere Gruppen weder besaß, noch in dieser Form systematisierte. Griff ein Polizeibeamter auf diese Daten zurück, so nahm er seine Gegenüber zwangsläufig nicht als verdächtige oder straffällige Individuen, sondern als Angehörige der Gruppe "Zigeuner" wahr.

Die massive Migrationswelle, die mit der Hochindustrialisierung ab 1890 verbunden war, führte unmittelbar zu einer neuen Qualität der Wahrnehmung der "Zigeuner" als Gefahr und zu einem neuerlichen Systematisierungsschub in ihrer Erfassung. Die meisten deutschen Staaten erließen um 1900 Gesetze, welche die Bewegungsfreiheit speziell der "Zigeuner" einschränken sollten. Beim Münchner Polizeipräsidium wurde im Jahr 1899 eine Zentralstelle eingerichtet, die Daten über alle bayerischen "Zigeuner" sammeln sollte. Im

Jahr 1911 wurden dann von allen in Bayern registrierten "Zigeunern" bis hin zu Kleinkindern zwangsweise Fingerabdrücke genommen – zu einer Zeit, als diese Identifizierungstechnik noch neu war (sie war erst 1909 am Münchner Polizeipräsidium eingeführt worden) und nur auf eine sehr begrenzte Gruppe von Straftätern zur Anwendung kam. Ebenfalls im Jahr 1911 beschloss eine Polizeikonferenz der deutschen Länder, künftig regelmäßig von drei Gruppen Verdächtiger Fingerabdrücke zu nehmen: von gewerbsmäßigen Straftätern, kriminellen Ausländern und "Zigeunern". Die Münchner Zentralstelle sollte künftig den Radius ihrer Erhebungen auf ganz Deutschland ausdehnen [11].

Betrachtet man die Kriminalstatistiken, so bewegte sich die den "Zigeunern" zugeschriebene Kriminalität im Promillebereich und hauptsächlich auf dem Niveau von Bagatelldelikten. Ein aus Sicht der Polizei relevantes Sicherheitsproblem wurden sie um 1900 also nicht durch bestimmte Straftaten, die einzelne von ihnen begingen, sondern durch ihre überregionale Mobilität in Gruppen sowie ihre vermeintlich "primitive" Kulturstufe. Unsicher blieben die Kriminalisten in der Frage, ob die "Zigeuner" ein soziales oder ein ethnisches Phänomen seien. Eine Publikation der Münchner Zentralstelle von 1905 kategorisierte etwa drei Fünftel der erfassten Personen anhand von Sprache und Verwandtschaftsbeziehungen als Angehörige einer ethnischen Gruppe "Zigeuner", zwei Fünftel jedoch lediglich als "nach Zigeunerart Umherziehende" deutscher Herkunft. Immerhin etablierte sich bereits zu diesem Zeitpunkt unter Polizisten die vage Überzeugung, die "Zigeuner im Sinne der Rassenkunde" (so die Wortwahl der Polizeikonferenz von 1911) bildeten den Kern einer durch Mobilität und häufige Straffälligkeit charakterisierten Mischpopulation von Menschen unterschiedlicher ethnischer Herkunft [12]. Durch diese Interpretation erschien die von den "Zigeunern" ausgehende Gefahr nun noch einmal dramatischer. Denn zu eben dieser Zeit debattierte die deutsche Öffentlichkeit in hysterischer Tonlage über die Gefahren, die dem deutschen Volk entstehen könnten, wenn sich die in die afrikanischen Kolonien ausziehenden Beamten und Siedler mit indigenen Frauen einlassen würden. Man denke etwa an die 1913 von dem Freiburger Rassenanthropologen Eugen Fischer publizierte Studie über das "Bastardierungsproblem beim Menschen", das auf Fischers Untersuchungen im südlichen Afrika beruhte und zu einen Grundlagenwerk der deutschen Rassenanthropologie werden sollte. Erneut repräsentierten also die "Zigeuner" in Europa selbst jene Bedrohung durch Primitivität, der sich die Europäer ansonsten in ihren Kolonien ausgesetzt glaubten [13].

In den wirtschaftlichen Krisen der Weimarer Republik vermehrte sich die Zahl der nicht sesshaft Arbeit suchenden Menschen insgesamt dramatisch, und dies führte wie schon in früheren Krisen zu einer Dramatisierung der vermeintlich von den "Zigeunern" ausgehenden Gefahren [14]. Symptomatisch hierfür war das 1926 vom bayerischen Landtag verabschiedete Gesetz "zur Bekämp-

fung von Zigeunern, Landfahrern und Arbeitsscheuen", wobei mit "Landfahrern" die nicht zur ethnischen Gruppe der "Zigeuner" gehörenden, aber wie diese lebenden Menschen gemeint waren. Nach diesem Gesetz konnten "Zigeuner" von der Polizei ohne Beteiligung der Gerichte bis zu zwei Jahre in Arbeitshäusern inhaftiert werden. Damit wurde den Sinti deutscher Staatsbürgerschaft aufgrund einer ethnischen Klassifizierung ein Teil ihrer Grundrechte abgesprochen. In der offiziellen Begründung des Gesetzes wurden die "Zigeuner" als Fremdkörper in der deutschen Kultur beschrieben und behauptet: "Der Begriff Zigeuner ist allgemein bekannt und bedarf keiner näheren Erläuterung. Die Rassenkunde gibt darüber Aufschluss, wer als Zigeuner anzusehen ist" [15].

De facto war es allerdings zunächst nicht die wissenschaftliche "Rassenkunde", die Menschen als ethnische "Zigeuner" klassifizierte, sondern die erwähnte Zentralstelle im Münchner Polizeipräsidium. Bis zum Jahr 1938 sammelte diese, nun für ganz Deutschland zuständig, Daten über 34.000 Menschen, klassifizierte aber nur 18.000 von ihnen als ethnische "Zigeuner", die übrigen 16.000 dagegen als Nicht-Zigeuner mit mobilem Lebensstil. Die Nationalsozialisten besaßen bei ihrem Machtantritt 1933 kein explizites Programm zum Umgang mit diesen Gruppen; bis 1942 konnten Sinti sogar in Einzelfällen Mitglieder in NSDAP oder HJ werden. Innenministerium und Polizei aber verschärften ab Ende 1935 die Repressionen gegen Sinti, indem sie in den Ausführungsbestimmungen zu den Nürnberger Gesetzen neben Juden und Afrikanern "Zigeuner" als Menschen "artfremden Blutes" definierten, die nicht Reichsbürger sein könnten. Konsequenterweise wurden diese Bestimmungen jedoch nicht, da es zunächst den "Zigeuner" gegenüber (anders als gegenüber den Juden) an einem klaren weltanschaulichen Konzept fehlte [16].

Ein solches Konzept entwarf erst der Reichsführer SS und Chef der Deutschen Polizei, Heinrich Himmler, als er 1938 verkündete, die Polizei werde künftig, "die Zigeunerfrage aus dem Wesen dieser Rasse heraus in Angriff (...) nehmen" [17]. Dieses Konzept entsprang eher Himmlers doktrinärem Rassismus als dem ebenfalls durchaus vorhandenen Willen der Polizeipraktiker, nun eine radikale "Lösung" für das "Zigeunerproblem" zu finden. Insofern kann es auch nicht als schlichte Radikalisierung der bisherigen Diskriminierung der Sinti erklärt werden; vielmehr markierte es einen Bruch. Himmler nämlich schloss aus der Verwandtschaft des Romanes mit dem Sanskrit, dass es sich bei den "Rassezigeunern" um Arier handele, ergo um eine mit den Germanen weitläufig verwandte Ethnie. In ihrer vermeintliche "Primitivität" glaubte Himmler ein frühes Stadium arischer Kultur zu erkennen. Daher beschloss er, jene "Zigeuner", die von Anthropologen für "reinrassig" gehalten wurden, künftig in Reservaten zu halten, um so ihre Kultur zu konservieren. Es handelte sich um etwa 3.000 der 35.000 in Deutschland und Österreich von der Polizei als "Zigeuner" registrieren Menschen [18].

Das eigentliche Problem, so meinten Himmler und die Führung des ab 1936 für die "Zigeunerbekämpfung" zuständigen Reichskriminalpolizeiamtes, seien die "Zigeunermischlinge", also jene über 90% der "Zigeuner", in deren Ahnenreihe Sinti und ethnische Deutsche sich vermischt hätten. Aufgrund der jahrhundertelangen Stigmatisierung der "Zigeuner" hätten sich nämlich nur Deutsche aus sozialen Randgruppen – und das hieß in der Logik des national-sozialistischen Rassismus: Deutsche mit "minderwertigen" Erbanlagen – mit den "Zigeunern" vermischt. Jene Ängste vor "Rassenmischung", denen wir bereits begegnet sind, und die ältere polizeiliche Beobachtung, dass ethnische und nur nach "Zigeunerart" lebende Menschen anderer Herkunft eine Mischpopulation bildeten, wurden nun in ein rassenbiologisches Gesamtszenario übersetzt [19].

Die "Zigeunermischlinge" ließ Himmler schrittweise aus Deutschland deportieren. 1940/41 wurden 2.800 westdeutsche, 2.000 ostpreußische und 5.000 burgenländische "Zigeunermischlinge" in Lager im besetzten Polen verschleppt, von wo aus sie später zum großen Teil in Vernichtungslager weiter deportiert wurden. Direkt nach Auschwitz deportierte die Kriminalpolizei 1943/44 etwa 17.000 deutsche, österreichische und tschechische "Zigeunermischlinge". Bei allen Deportationen lag die Entscheidung im Einzelfall bei den lokalen Kriminalisten. Diese orientierten sich einerseits an rassenwissenschaftlichen Gutachten über die betroffenen Menschen, andererseits aber nutzten sie die Gelegenheit, sich all jener bei ihnen als "Zigeuner" aktenkundigen Personen zu entledigen, die im Polizeialltag als lästig aufgefallen waren. Rassistische Vernichtungspolitik und kriminalistischer Utilitarismus gingen hier eine im Nachhinein schwer zu entwirrende Verbindung ein. Himmlers Idee einer Schonung vermeintlich "reinrassiger" Sinti spielte für die kriminalpolizeiliche Praxis keine relevante Rolle. Insgesamt dürften etwa 25.000 deutsche, österreichische und tschechische Sinti bis 1945 ermordet worden sein [20].

Zudem ermordeten die SS-Einsatzgruppen und Einheiten der Wehrmacht auf dem Balkan und in den besetzten Teilen der UdSSR mehrere Zehntausend Roma, nicht aufgrund des Himmler'schen Rassenkonzeptes, sondern aufgrund des auf traditionellen "Zigeuner"-Bildern beruhenden Verdachtes, die nomadisch lebenden Roma seien potentielle, ja sozusagen die idealen Partisanen. Die Gesamtzahl der von den Nationalsozialisten in Europa ermordeten Sinti und Roma wird gemeinhin auf etwa 500.000 geschätzt, damit ist allerdings eher eine plausible Größenordnung als eine exakte, auf systematischer Statistik beruhende Zahl benannt [21].

Keiner der für die Ermordung von Sinti und Roma verantwortlichen Kriminalisten ist nach 1945 deswegen verurteilt worden [22]. Alle einschlägigen Beamten konnten ungehindert Karriere im bundesdeutschen Polizeidienst machen. Einige von ihnen bauten sogar in den 1950er Jahren als Experten die

nun erneut eingerichteten polizeilichen Sonderdienststellen und Informationssammlungen zur Bekämpfung des "Zigeuner- und Landfahrerunwesens" auf. In den ersten Nachkriegsjahren hatten die Besatzungsmächte solche Kontinuitäten noch gebremst, wenn auch nicht verhindert. Die bayerische Polizei durfte schon im Mai 1946 wieder eine "Nachrichtenstelle für Zigeuner" einrichten. In Schleswig-Holstein dagegen machte das Innenministerium die Polizei des Landes im Juli 1946 darauf aufmerksam, dass die britische Militärregierung verboten habe, dass die "Zigeuner (...) wegen ihrer rassischen Zugehörigkeit durch besondere Kontrollen benachteiligt werden" [23]. Zwei Jahre später, im August 1948, ordnete dasselbe Ministerium solche Kontrollen explizit an.

Mit dem schrittweisen Übergang der Verantwortung von den Alliierten auf die deutschen Behörden kehrte die Polizei zu ihrer diskriminierenden Praxis der 1920er Jahre zurück. Im September 1949 einigten sich die westdeutschen Landeskriminalämter auf den systematischen Austausch von Daten über Sinti und Roma und forderten von der Politik (erfolglos) ein Gesetz analog zu dem von den Alliierten aufgehobenen bayerischen Gesetz von 1926, sprich: die Aussetzung elementarer Grundrechte für die Angehörigen dieser ethnischen Gruppe [24].

Von nun an bis in die 1980er Jahre wurde der polizeiliche Umgang mit Sinti und Roma durch vier Charakteristika geprägt. Erstens relativierten die Kriminalisten in ihrer internen Kommunikation und gegenüber der Öffentlichkeit die rassistische Verfolgung der Sinti und Roma während des Nationalsozialismus. Einerseits sei diese allein Ergebnis der individuellen Spinnereien Himmlers gewesen und habe mit der polizeilichen Praxis nichts zu tun gehabt. Andererseits – und diese Argumentation war besonders perfide – sei die Gefährdung der öffentlichen Sicherheit durch die "Zigeuner" der Gegenwart gerade deshalb besonders hoch, weil die KZ-Überlebenden von Gutmenschen in Justiz, Verwaltung und Politik vor dem Zugriff der Polizei geschützt würden und sich zudem von ihren Haftentschädigungen motorisiert hätten. Damit sei, so behauptete ein Experte des Bundeskriminalamtes (BKA) 1954, ein neuer "motorisierter Verbrechertyp" entstanden, gegenüber "dessen schneller Beweglichkeit" die Polizei fast machtlos sei [25]. Im Übrigen, so argumentierten die Kriminalisten, bewaise ja gerade der Umstand, dass Sinti erneut straffällig würden, nachdem sie die Konzentrationslager überlebt hätten, die naturbedingte Nicht-Resozialisierbarkeit dieser Gruppe [26].

Zweitens legitimierte die Reduktion der "Zigeuner"-Verfolgung zwischen 1938 und 1945 auf eine Marotte Himmlers in den Augen der Kriminalisten die Rückkehr zu den durch und durch "professionellen" Polizeimethoden der vorangegangenen Jahrzehnte inklusive der systematischen Erfassung aller Sinti unabhängig von konkreten Verdachtsmomenten. Wie schon vor 1933 fahndeten auch die Polizeibehörden der Bundesrepublik nach Sinti nicht als Individu-

en, sondern als "Sippen"; und sie behandelten nicht nur einzelne Verdächtige, sondern deren ganze Großfamilien bis hin zu Kleinkindern erkennungsdienstlich. In die weiter geführten oder neu angelegten Personenakten zu Sinti übernahmen die bundesdeutschen Kriminalisten die in der NS-Zeit angefertigten Rassegutachten - schließlich boten sie kriminalistisch vermeintlich wertvolle Informationen über die "Zigeunersippen" [27].

Drittens zollte man der neuen rechtsstaatlichen Ordnung einen minimalen Tribut in Gestalt einer beschränkten semantischen Anpassung. So hieß es zum Beispiel in der erwähnten Vereinbarung der Landeskriminalämter vom September 1949: "Um den Gedanken einer rassischen Verfolgung von vornherein auszuschalten, erscheint es notwendig, den Ausdruck Zigeuner vollständig zu meiden und dafür den Ausdruck Landfahrer zu wählen" [28]. So geschah es denn auch fast durchgängig, aber oberflächlich. Im Jahr 1961 veranstaltete das Landeskriminalamt Niedersachsen eine entsprechende Fachtagung zwar laut Ankündigung für die "Sachbearbeiter zur Bekämpfung des Landfahrerunwesens", in den Vortragstiteln aber war stets von "Zigeunern" die Rede (z.B. "Der Zigeuner und seine Welt") [29].

Dass sich viertens hinter solchen "semantischen Umbauten" kein Umdenken in der Sache verbarg, belegt die kriminalistische Fachpublizistik der 1950er bis 1970er Jahre. Exemplarisch soll hier nur eine Passage aus dem 1967 vom Bundeskriminalamt herausgegebenen und 1973 in zweiter Auflage unverändert nachgedruckten Kriminologie-Lehrbuch für Kriminalbeamte zitiert werden. Das Buch reproduzierte fast alle Stereotype, von denen schon die Rede war: „Die Zigeuner leben in Sippen und Horden, haben einen 'Häuptling', dem sie bedingungslosen Gehorsam schulden und eine Stammesmutter, die als Hüterin der Stammessitte gilt. Die Zigeuner haben weder einen festen Wohnsitz, noch gehen sie einer geregelten Berufstätigkeit nach. Der Hang zu einem ungebundenen Wanderleben und eine ausgeprägte Arbeitsscheu gehören zu den besonderen Merkmalen eines Zigeuners“ [30]. Dieses Buch diente bis 1982 als offizielles Lehrmaterial. Dann wurde es stillschweigend aus dem Verkehr gezogen, weil es, so gab der damalige BKA-Präsident Heinrich Boge zu Protokoll "in einigen Bereichen offensichtlich nicht mehr dem letzten Stand der Wissenschaft entspreche" [31]. Vor allem entsprach es nicht der Realität, der hier beschriebenen Menschen. Die Kriminalisten scherte dies allerdings bis 1982 wenig. So räumte einer von ihnen, der BKA-Vizepräsident Rolf Holle, in einem Bericht des BKA aus dem Jahr 1970 zwar ein, dass die Sinti in der Gegenwart sesshaft lebten. Diese Realität aber könne die polizeiliche Erkenntnis "nicht (...) widerlegen", dass die "Landfahrer" einen "eingewurzeltem Hang zum Umherziehen mit Fahrzeugen, insbesondere mit Wohnwagen" besäßen, den sie derzeit eben nur vorübergehend unterdrückten [32].

Ab den späten 1970er Jahren geriet die polizeiliche Diskriminierungspraxis unter starken Druck von Seiten der neuen Selbstorganisationen, zunächst des 1971 gegründeten *Verbandes deutscher Sinti*, ab 1982 des schon erwähnten *Zentralrates*. Zum einen waren diese Organisationen nach dem Vorbild anderer Gruppen bewusst als Bürgerrechtsbewegung konzipiert, zum anderen rekrutierte sich ihre Aktivistschaft aus einer inzwischen gesellschaftlichen gut integrierten, akademisch gebildeten und in die Mittelschicht aufgestiegenen jüngeren Sinti-Generation. Gezielt skandalisierten diese Aktivisten gerade die Kontinuität polizeilicher Diskriminierung ihrer Gruppe. 1982 beziehungsweise 1985 gelang es ihnen, die Bundeskanzler Helmut Schmidt und Helmut Kohl zur öffentlichen Anerkennung der NS-Verbrechen an Sinti und Roma zu bewegen; 1985 folgte eine Bundestagsdebatte, die als Konsens aller Parteien die Forderung nach dem Ende aller Formen der Diskriminierung von Sinti und Roma festschrieb [33].

Vor diesem Hintergrund war die bisherige polizeiliche Praxis einer ethnisierten Sondererfassung der Sinti und Roma nicht mehr haltbar. Ab 1983 wurden diskriminierende Erfassungskategorien des polizeilichen Meldedienstes gestrichen oder ersetzt. Die Behörden verfolgten dabei eine ambivalente Strategie, indem sie zwar öffentlich skandalisierbare Begriffe wie "Zigeuner" oder "Landfahrer" per interner Sprachregelung kassierten, zugleich aber einen aus ihrer Sicht ermittlungstechnisch weiterhin gerechtfertigten Kern an Sondererfassung zu wahren suchten. Dies führte dazu, dass seit 1983 und bis in die Gegenwart immer neue Begriffe erfunden werden, die Sinti und Roma im polizeilichen Informationsaustausch bezeichnen, aber nicht diskriminieren sollen, zum Beispiel "Personen mit häufig wechselndem Aufenthaltsort" oder "mobile ethnische Minderheit". Jeder dieser Begriffe wurde nach gewisser Zeit Ziel von Skandalisierungsversuchen, in deren Folge er durch den nächsten ersetzt wurde. Da die Polizeiführungen glaubten, ihre Behörden durch Sprachregelungen allein, ohne offene Auseinandersetzung mit den dahinter liegenden Streitfragen, aus dem Schussfeld öffentlicher Debatten nehmen zu können, erzeugten sie bei den mit Straftätern aus dem Kreis der Sinti und Roma befassten Kriminalisten vor allem Verhaltensunsicherheit und Trotzreaktionen. Erst in den letzten Jahren haben mehrere Polizeibehörden begonnen, sich diesen Problemen offensiv zu stellen. Das BKA beispielsweise hat inzwischen Veranstaltungen im Heidelberger Dokumentations- und Kulturzentrum des Zentralrates der Sinti in das Ausbildungsprogramm für Kriminalkommissare aufgenommen [34].

Wenn es gegenwärtig die deutschen Sinti als im eigene Selbstverständnis distinkte ethnisch-nationale Minderheit innerhalb der deutschen Gesellschaft überhaupt (noch) gibt, sie sich also nicht durch Assimilation aufgelöst haben, so scheint dies nicht zuletzt eine Folge der beschriebenen Persistenz behörd-

licher Diskriminierungspraktiken zu sein. Erst sie – und die Realität wie das Symbol "Auschwitz" – haben es den jungen ethnischen Aktivisten ermöglicht, ab etwa 1970 unter neuen politischen Rahmenbedingungen mit kämpferischem Gestus jene Strukturen einer eigenständigen ethnischen Gemeinschaft zu schaffen, durch die diese Gemeinschaft im Alltag ihrer Mitglieder bedeutsam werden und somit ihre Existenz erweisen konnte.

Anmerkungen:

1. Vgl. Karola Fings, Dünnes Eis. Sinti und Roma in Deutschland, in: Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland 14 (2012), S. 24 - 34, hier S. 25f.

2. Vgl. Klaus-Michael Bogdal, Europa erfindet die Zigeuner. Eine Geschichte von Faszination und Verachtung, 4. Auflage. Frankfurt am Main 2013, S. 154 - 159 und 261 - 267.

3. Vgl. Daniel Strauß, Zur Bildungssituation deutscher Sinti und Roma, in: Aus Politik und Zeitgeschichte, Heft 22-23/2011, S. 48 - 54 und Merfin Demir u.a., Die größte Minderheit in Europa, in: ebenda, S. 27 - 32.

4. Vgl. exemplarisch Heinrich Moritz Gottlieb Grellmann, Historischer Versuch über die Zigeuner: betreffend die Lebensart und Verfassung, Sitten und Schicksale dieses Volks seit seiner Erscheinung in Europa und dessen Ursprung. Zweyte, viel veränderte und vermehrte Auflage, Göttingen 1787.

5. Vgl. insgesamt Leo Lucassen, Zigeuner. Die Geschichte eines polizeilichen Ordnungsbegriffs in Deutschland 1700 - 1945, Köln 1996, passim und Michael Zimmermann, Rassenutopie und Genozid. Die nationalsozialistische "Lösung der Zigeunerfrage", Hamburg 1996, S. 41 - 72.

6. Vgl. Bogdal, Europa, S. 150 - 154, 160 - 173 und 269 - 280.

7. Vgl. ebenda, S. 337 - 341, Lucassen, Zigeuner, passim und zusammenfassend S. 216ff, Ulrich Friedrich Opfermann, Preußen - Kaiserreich - Weimar. Umbrüche und Kontinuitäten, in: derselbe/Karola Fings (Hrsg.), Zigeunerverfolgung in Rheinland und Westfalen 1933 - 1945. Geschichte, Aufarbeitung und Erinnerung, Paderborn 2012, S. 37 - 52 und Michael Zimmermann, Zigeunerpolitik und Zigeunerdiskurse im Europa des 20. Jahrhunderts. Eine Einführung, in: derselbe (Hrsg.), Zwischen Erziehung und Vernichtung. Zigeunerpolitik und Zigeunerforschung im Europa des 20. Jahrhunderts, Stuttgart 2007, S. 13 - 70, hier S. 53ff.

8. Vgl. Zimmermann, Zigeunerpolitik, S. 35f.

9. Vgl. Lucassen, Zigeuner, S. 101 - 106; zum Folgenden vgl. ebenda, S. 117 - 168.

10. Vgl. ebenda, S. 142f.

11. Vgl. Guenter Lewy, "Rückkehr nicht erwünscht". Die Verfolgung der Zigeuner im Dritten Reich, München 2001, S. 19ff und Lucassen, Zigeuner, S. 174 - 191.

12. Zit. nach Lewy, Rückkehr, S. 22.

13. Vgl. Eugen Fischer, Die Rehobother Bastards und das Bastardisierungsproblem beim Menschen. Anthropologische und ethnographische Studien am Rehobother Bastardvolk und Deutsch-Südwest-Afrika, Jena 1913.

14. Vgl. beispielsweise Klaus von Merz, Zigeuerbekämpfung, in: Wilhelm Gundlach (Hrsg.), Die Polizei der Gegenwart in Wort und Bild, Berlin/Hamburg 1925, S. 196 - 202.

15. Zit. nach Lewy, Rückkehr, S. 24, vgl. ebenda, S. 22ff, Hermann Reich, Das bayerische Zigeuner- und Arbeitsscheuengesetz, in: Juristische Rundschau 2 (1926), Sp. 834 - 838 und Lucassen, Zigeuner, S. 192 - 198.

16. Vgl. Lewy, Rückkehr, S. 37f und 79ff.

17. Runderlaß des Reichsführers SS und Chefs der Deutschen Polizei vom 8. Dezember 1938, in: Reichsministerialblatt der inneren Verwaltung 1938, Sp. 2105 - 2110, hier Sp. 2105.

18. Vgl. Guenter Lewy, Heinrich Himmler, the SS Office Ahnenerbe, and the Gypsy Question, in: Zimmermann (Hrsg.), Erziehung, S. 299 - 320.

19. Der Psychiater Robert Ritter entwickelte für die Polizei entsprechende Konzepte, vgl. Robert Ritter, Die Zigeunerfrage und das Zigeunerbastardproblem, in: Fortschritt der Erbpathologie, Rassenhygiene und ihrer Grenzgebiete 5 (1941), S. 2 - 20.

20. Vgl. Michael Zimmermann, Die Entscheidung für ein Zigeunerlager in Auschwitz-Birkenau, in: derselbe (Hrsg.), Erziehung, S. 392 - 424.

21. Vgl. Lewy, Rückkehr, S. 199 - 225 und 368 sowie Wolfgang Benz, Sinti und Roma: Die unerwünschte Minderheit. Über das Vorurteil Antiziganismus, Berlin 2014, S. 43ff.

22. Vgl. Lewy, Rückkehr, S. 346 - 354 und Ulrich Friedrich Opfermann, Genozid und Justiz. Schlussstrich als "staatspolitische Zielsetzung", in: derselbe/Fings (Hrsg.), Zigeunerverfolgung, S. 315 - 326.

23. Zit. nach Stephan Linck, Der Ordnung verpflichtet: Deutsche Polizei 1933 - 1949. Der Fall Flensburg, Paderborn 2000, S. 324f, vgl. ebenda, S. 324ff. Vgl. Lewy, Rückkehr, S. 332 - 336, Gilad Margalit, Zigeunerpolitik und Zigeunerdiskurs im Deutschland der Nachkriegszeit, in: Zimmermann (Hrsg.), Erziehung, S. 483 - 509, hier S. 485 - 492, derselbe, Die deutsche Zigeunerpolitik nach 1945, in: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 45 (1997), S. 557 - 588, hier S. 560 - 573 und Frank Reuter, Die Deutungsmacht der Täter. Zur Rezeption des NS-Völkermords an den Sinti und Roma in Norddeutschland, in: Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland 14 (2012), S. 127 - 143.

24. Vgl. Andrej Stephan, "Kein Mensch sagt HWAÖ-Schnitzel" - BKA-Kriminalpolitik zwischen beständigen Konzepten, politischer Reform und "Sprachregelungen", in: derselbe u.a., Schatten der Vergangenheit. Das BKA und seine Gründungsgeneration in der frühen Bundesrepublik, Köln 2011, S. 247 - 312, hier S. 253 - 256 (online unter <https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/Publikationsreihen/PolizeiUndForschung/Sonderband2011SchattenDerVergangenheit.html?nn=27728>). Zur bayerischen Sonderentwicklung vgl. Volker Hedemann, "Zigeuner!" - Zur Kontinuität der rassistischen Diskriminierung in der alten Bundesrepublik, Hamburg 2007, S. 73 - 79 und Margalit, Zigeunerpolitik, S. 575 - 579.

25. Zit. nach Stephan, Mensch, S. 257.

26. Vgl. exemplarisch Rolf Uschold, Das Zigeunerproblem, in: Die Neue Polizei 1951, S. 60 ff sowie Stephan, Mensch, S. 259, Bogdal, Europa, S. 409 und Hedemann, Zigeuner, S. 129.

27. Vgl. Stephan, Mensch, S. 268 - 273 und Hedemann, Zigeuner, S. 112 - 137.
28. Zit. nach Stephan, Mensch, S. 255.
29. Zit. nach Reuter, Deutungsmacht, S. 133.
30. Bernhard Niggemeyer/Herbert Gallus/Hans-Joachim Hoeveler, Kriminologie - Leitfaden für Kriminalbeamte, Wiesbaden 1967, S. 336.
31. Zit. nach Stephan, Mensch, S. 267, Fn. 863
32. Zit. nach ebenda, S. 269.
33. Vgl. ebenda, S. 274 - 277, Gabi Meyer, Offizielles Erinnern und die Situation der Sinti und Roma in Deutschland. Der nationalsozialistische Völkermord in den parlamentarischen Debatten des Deutschen Bundestages, Wiesbaden 2013, S. 152 - 156 und 234 - 275, Lewy, Rückkehr, S. 354 - 361, Hedemann, Zigeuner, S. 242 - 278 und Katja Seybold/Martina Staats, "In Auschwitz vergast, bis heute verfolgt" - Gedenkfeier und Kundgebung in der Gedenkstätte Bergen-Belsen am 27. Oktober 1979 zur Erinnerung an den Völkermord an den Sinti und Roma, in: Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland 14 (2012), S. 156 - 166.
34. Vgl. Stephan, Mensch, S. 277 - 285.

УДК 325.254.5

Хартмут Рюдигер Петер
Кафедра современной истории
Университета имени Мартина Лютера
Галле-Виттенберг
Адрес: Emil-Abderhalden-Str. 26-27
06108 Halle (Saale), Германия
Эл.почта:
hartmut.peter@geschichte.uni-halle.de

Dr. Hartmut Rüdiger Peter
Professur für Zeitgeschichte
Martin-Luther-Universität
Halle-Wittenberg
Postadresse: Emil-Abderhalden-Str. 26-27
06108 Halle (Saale), Deutschland
E-Mail:
hartmut.peter@geschichte.uni-halle.de

ХАРТМУТ РЮДИГЕР ПЕТЕР ПОПЫТКА АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕРЛИНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

В статье исследуется трансформация деятельности Русского научного института. Основанный как полноценное высшее учебное заведение, он сосредоточил свою работу в 1920-е гг. на посредничестве в сфере передачи знаний об основах русской истории и культуры. До 1932 г. он был важным интеллектуальным и культурным центром русской колонии в Берлине. Немецкие политики оказывали поддержку институту с целью получения влияния на будущие элиты постсоветской России. Одновременно была востребована компетентность членов Института при оценке экономических и общественных процессов в Советском Союзе. В их исследованиях было заинтересовано и немецкое научное сообщество. По мере продолжения эмиграции ценность эмигрантов-экспертов по России снижалась, постепенно финансирование института сокращалось, а в 1932 году было прекращено.

Ключевые слова: Русский научный институт, Берлин, Внешнеполитическое ведомство Германии, русские образовательные учреждения в эмиграции.

HARTMUT RÜDIGER PETER
DAS RUSSISCHE WISSENSCHAFTLICHE INSTITUT
IN BERLIN IM SPIEGEL SEINER LEHR- UND
FORSCHUNGSAKTIVITÄTEN.
ANNÄHERUNGEN AN EINE WERTUNG

Der Beitrag untersucht den Wandel in den Aktivitäten des Russischen Wissenschaftlichen Instituts. Mit dem Anspruch einer vollwertigen Hochschule gegründet, verlagerte sich seine Tätigkeit Mitte der 1920er Jahre auf die Vermittlung von Kenntnissen über Grundlagen der russischen Geschichte und Kultur. Bis 1932 war es ein wichtiges intellektuelles und kulturelles Zentrum der russischen Kolonie in Berlin. Die deutsche Politik unterstützte das Institut mit dem Ziel, Einfluss auf die zukünftigen Eliten eines postsowjetischen Russlands zu gewinnen. Zugleich sollte die Kompetenz seiner Mitglieder für die Bewertung wirtschaftlicher und gesellschaftlicher Prozesse in der Sowjetunion genutzt werden. An ihren Forschungen war temporär auch die deutsche Wissenschaft interessiert. Als mit der Dauer des Exils der Wert der emigrierten Gelehrten als Russlandexperten schwand, wurde die Förderung des Instituts reduziert und 1932 ganz eingestellt.

Schlüsselwörter: das Russische Wissenschaftliche Institut, Berlin, Auswärtiges Amt, russische Exilbildungseinrichtungen.

Die Formierung des russischen akademisch-intellektuellen Exils in Westeuropa wird in der Literatur häufig mit der Ausweisung mehrerer Gruppen von Wissenschaftlern, Literaten und Journalisten im Herbst 1922 verbunden. Sie wurden im Rahmen einer Aktion der Geheimpolizei verhaftet und ins Ausland „verbannt“. Zeitgenössische Begriffe wie „philosophischer Dampf“ oder „fliegender Holländer der russischen Intelligenz“ beschreiben treffend die Besonderheiten dieser Zwangsexilierung, wurde doch der größere Teil ihrer Opfer an Bord zweier Dampfschiffe in Richtung Stettin verschifft. Diesen Akt als „Deportation des intellektuellen Potentials des Landes“ [1] zu bezeichnen, gehört allerdings zu einer neuen Mythenbildung, denn angesichts der über 300.000 Flüchtlinge, die zu diesem Zeitpunkt allein im Großraum Berlin lebten, ist der intellektuelle Aderlass Russlands nach der Revolution sicher nicht auf den einzelnen Akt der Ausweisung einiger hundert Sozial- und Geisteswissenschaftler und Publizisten zu reduzieren.

Die Geschichte des russischen Exils in der Weimarer Republik und im Dritten Reich blieb in der deutschen Geschichtsschreibung, sieht man von der Arbeit von Hans-Erik Volkmann aus dem Jahre 1966 [2] und einigen Untersuchungen zur deutschen Osteuropakunde [3] ab, bis zu Beginn der 1990er Jahre

ein Randproblem. Erst der Zerfall der Sowjetunion regte auch in Deutschland das Interesse an diesem Gegenstand an. Im Kontext der von Karl Schlögel [4] angestoßenen Forschungen entwickelte sich eine lebhafte Debatte, in der die Koordinaten der russischen Diaspora ausgemessen wurden und in der auch das intellektuelle Exil und das Russische Wissenschaftliche Institut (RWI) größere Beachtung fanden [5]. Seither hat das Thema allerdings wieder an Aufmerksamkeit verloren.

Dieser Beitrag fußt auf eigenen Untersuchungen zum wissenschaftlichen Erbe des RWI, die vor mehr als zwanzig Jahren durch den Fund von Beständen aus seiner Bibliothek in Halle angeregt wurden [6]. Erste Ergebnisse wurden 2009 auf einer Tagung und zuletzt als kritische Auseinandersetzung mit dem Wirken des Philosophen Ivan Il'in im Exil vorgestellt [7]. An dieser Stelle soll eine erste Annäherung an das wissenschaftlichen Erbes des RWI versucht werden, die einen Beitrag zu dessen kritischer Aneignung leisten und Mythenbildungen entgegenwirken kann. Einleitend soll, ausgehend von den Motiven der Ausweisungsaktion 1922, ein neuer Blick auf die Entstehung akademischer Strukturen im „russischen Berlin“ der frühen 20er Jahre geworfen werden. Die Leistungen des Instituts sollen anschließend in Form eines Überblicks über seine Vortrags- und Publikationstätigkeit zunächst eher summarisch erörtert werden. Eine qualitative Wertung bleibt späteren Forschungen vorbehalten.

Der „philosophische Dampfer“ als symbolischer Akt

Die Vorgeschichte und der Verlauf der Ausweisungen im Herbst 1922 wurden durch zwei umfangreiche Veröffentlichungen von Quellen aus dem Staatsarchiv der Russischen Föderation und dem Archiv des Föderalen Sicherheitsdienstes (FSB) dokumentiert [8]. Der Ansatz der Herausgeber wurde kritisch diskutiert [9], die Bedeutung der Quellenbände für die Forschung ist aber unbestreitbar. Zu den offenen Fragen gehört die nach den Motiven der Bolschewiki für die Entscheidung „Ausweisung statt Erschießung“. Lev Trotskij interpretierte diese Milde gegenüber Gegnern des neuen Regimes als „Präventivhumanität“. Im Moment seien diese gelehrten Ideologen ungefährlich. Es könne aber durchaus die Situation eintreten, in der sie ein Werkzeug in den Händen unsere Feinde werden könnten, weshalb wir gezwungen sein würden, sie zu erschießen. Deshalb habe man in einer ruhigen Periode beschlossen, sie rechtzeitig auszuweisen und hoffe, dass das Ausland diesen humanen Akt anerkennen und die Ausgewiesenen vor der öffentlichen Meinung in Schutz nehmen werde [10]. Diese Äußerungen lassen verschiedene Deutungen zu. So kann das Aussetzen dieser „Arche Noah“, deren Passagiere die geistigen Traditionen Russlands personifizierten, gleichzeitig als Akt der Säuberung wie auch der Gnade angesehen werden. Die im Lande verbliebene Intelligencija konnte ihn sowohl als Warnung als auch als Hinweis verstehen, dass sie noch

nicht kollektiv der Konterrevolution zugeordnet werde, also mindestens in Teilen weiter umworben bleibe. Plausibel erscheint auch, und das soll uns hier interessieren, dass die Sowjetmacht mit der symbolkräftigen Ausweisung einer größeren Zahl prominenter Intellektueller ihre Gewissheit demonstrieren wollte, den gesellschaftlichen Umbruch ohne die alten Eliten vollziehen zu können. Der Diaspora wurde, folgt man dieser Sicht, signalisiert, dass ihre Hoffnungen auf eine baldige Rückkehr zur Illusion geworden waren. Das wiederum konnte von den Flüchtlingen nicht nur im „Ostbahnhof Europas“ in Berlin als ein Anstoß verstanden werden, ihren provisorischen „Wartesaal“ zu verlassen und Strukturen für ein dauerhaftes Leben im Exil zur errichten.

Strukturen für ein Leben in der Fremde

Verschiedene Entwicklungen in der russischen Kolonie in Berlin zwischen Ende Oktober 1922 und Ende Februar 1923 lassen sich dahin deuten, dass dieses Signal verstanden wurde. Schon der zeitliche Zusammenhang zwischen dem Eintreffen der Passagiere des „Philosophischen Dampfers“ im November 1922 und der Entstehung von neuen Strukturen des akademisch-intellektuellen Lebens ist augenfällig. Wie die russische Auslandspresse berichtete, setzten mit der „Ankunft bedeutender russischer wissenschaftlicher Kräfte im Ausland“ umgehend Diskussionen über die „Gründung einer russischen Hochschule in Berlin“ ein [11]. Gleichzeitig erhielten Bestrebungen zur Selbstorganisation der emigrierten Intellektuellen einen neuen Anstoß. Zunächst schlossen sich 50 ehemalige Passagiere des „Philosophischen Dampfers“ am 27. November zu einer Gruppe zusammen, um ihre existentiellen Interessen nach außen vertreten zu können. An die Spitze ihres Büros wurde der ehemalige Professor der Moskauer Technischen Hochschule Vsevolod Jasinskij gewählt. Gleichzeitig reorganisierte sich die gerade erst gegründete „Berliner akademische Gruppe“ Ende November zur „Russkij Akademičeskij Sojuz v Germanii“. Ihr gehörten zunächst 48 Professoren und Wissenschaftler an. Zum Vorsitzenden des Büros, in dem Neuemigranten dominierten, wurde ebenfalls Vsevolod Jasinskij gewählt [12].

Parallel zu dieser Selbstorganisation der Intellektuellen entstanden in rascher zeitlicher Folge zwei akademische Einrichtungen der Berliner Exilkolonie. Den Anfang machte die am 1. Dezember mit einem feierlichen Akt im Logenhaus eröffnete „Religiös-Philosophische Akademie“, die mit finanzieller und organisatorischer Unterstützung des YMCA unterhalten wurde. Mit Nikolaj Berdjaev leitete sie einer der Prominentesten unter den ausgewiesenen Gelehrten. Zu den Professoren zählten weitere namhafte Neuankömmlinge wie die Philosophen Lev Karsavin und Semen Frank [13].

Mitte November wurde erste Gespräche mit Repräsentanten der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas (weiter Osteuropagesellschaft) sowie

deutschen Regierungsstellen über die Gründung einer russischen Hochschule aufgenommen, die bald in konkrete Verhandlungen mündeten. Die deutsche Seite war mit Ago von Maltzan, dem Leiter des Russischen Referats im Auswärtigen Amt, sowie dem Leiter der Hochschulabteilung Hugo Krüss aus dem Preußischen Kultusministerium hochrangig vertreten. Für die Exilgelehrten verhandelte eine Gruppe von Professoren mit Jasinskij an der Spitze. Mitte Dezember 1922 konnten die Gespräche abgeschlossen werden [14]. Es wurde ein Organisationskomitee unter Leitung von Jasinskij gebildet, dem Vertreter der emigrierten Gelehrten und der Osteuropagesellschaft angehörten. Bereits am 22. Dezember verkündete die Emigrantenzeitung „Rul“ unter der Überschrift „Eine russische Universität“, dass die Vorbereitungen zur Gründung der Hochschule vor dem Abschluss stünden [15]. Am 17. Februar 1923 wurde sie als Russisches Wissenschaftliches Institut in den Räumen der Bauakademie am Schinkelplatz eröffnet [16]. „Rul“ berichtet von einem überfüllten Auditorium aus künftigen Hörern, Vertretern russischer gesellschaftlicher Organisationen sowie Repräsentanten der deutschen Politik und Wissenschaft, unter ihnen der ehemalige deutsche Geschäftsträger in Moskau Kurt Wiedenfeld, der Vorsitzende der Osteuropagesellschaft Friedrich Schmidt-Ott und der Direktor der Königlichen Bibliothek Fritz Milkau [17].

Obwohl an emigrierten Akademikern in Berlin kein Mangel herrschte, rekrutierten sich die Mitglieder des RWI fast ausschließlich aus Passagieren des „philosophischen Dampfers“. Man könnte fast sagen, die Initiatoren der Zwangsausweisung bestimmten durch ihre Auswahl das Profil des Instituts. Ausschlaggebend für diese Konstellation dürfte aber gewesen sein, dass viele der Neuemigranten bereits in Sowjetrußland in oppositionellen Zirkeln oder im Komitee der Hungerhilfe in Kontakt zueinander gestanden hatten. Sie kannten das Sowjetregime, hatten einen realistischen Blick auf seine Gegenwart und nähere Perspektive. Die Erfahrung eines Lebens in einer politisch als fremd empfundenen Heimat wirkte in der Fremde als verbindendes Element fort, konstituierte sie zu einer eigenen Erfahrungsgemeinschaft und befähigte sie, eine konstruktive und ordnende Rolle im akademischen Exils zu übernehmen. Die meisten Gelehrten waren Geisteswissenschaftler, Juristen und Ökonomen. Naturwissenschaftler hatten auf die Geschicke des Instituts, Jasinskij ausgenommen, kaum Einfluss [18].

Die deutschen Interessen an der Gründung des RWI sollen hier nur kurz umrissen werden. Für seine Förderer im Auswärtigen Amt und im Preußischen Kultusministerium war das Institut ein „privates Unternehmen der Russen“ [19], das es aus „politischen, humanitären und wissenschaftlichen Erwägungen“ [20] zu unterstützen galt. Dem Auswärtigen Amt ging es u.a. darum, sich die intellektuellen Ressourcen der Emigranten für die Bewertung wirtschaftlicher und gesellschaftlicher Prozesse in Sowjetrußland nutzbar zu machen.

Außerdem erhoffte es sich strategischen Einfluss auf das nachsowjetische Russland. Man erachtete es als „wünschenswert..., einer begrenzten Zahl heimatflüchtiger Russen die Beendigung ihrer Studien zu ermöglichen [...] statt in Konzentrationslagern ein unfruchtbares Dasein zu führen“, da „die hier aufwachsende und ihre Studien vollendende Jugend berufen sein wird, für den Aufbau eine entscheidende Rolle zu spielen“ [21]. Mit Blick auf „die zielbewusste Kulturpolitik“, die von Frankreich oder der Tschechoslowakei unter der russischen Jugend betrieben werde, sei es „unerlässlich, dass auch von deutscher Seite alles versucht wird, die heranwachsende gebildete russische Jugend zu gewinnen, um sie beim Aufbau Russlands als Brücke zu dem zukunftsreichen Wirtschaftsgebiet benutzen zu können“ [22]. Die Zeitung „Germania“ kommentierte das wohlwollend: „Wir dürfen aus diesem geistigen Leben der Russen unter uns die Erwartung schöpfen, dass sie in ihrem Exil das deutsche Volk und die deutsche Geisteswelt besser kennen und verstehen lernen. Dieses Verständnis kann sodann in der Zukunft die Grundlage eines besseren Auskommens zwischen den beiden Völkern werden. Wir wissen, dass gerade die Berliner russische Kolonie von diesem guten Willen beseelt ist [23].

Als günstiger Umstand für die deutsche Seite und damit förderlich für das Unternehmen erwies sich, dass die Finanzierung des Instituts zum Zeitpunkt seiner Gründung kein Problem war. Die russische Kolonie machte die Bewahrung einer „freien russischen Hochschule und des freien wissenschaftlichen Schöpfungstums“ zu ihrem zentralen Anliegen und erklärte es zur „Verpflichtung“, das RWI zu unterstützen. Ein „Finanzkomitee“ unter Leitung des Unternehmers P.A. Buryškin und des Bankiers A.L. Foršteter übernahm die Beschaffung von Mitteln [24]. Unter den Bedingungen der Inflation konnte es die benötigten Gelder aus Devisenspenden von Emigranten und Hilfen des Völkerbunds selbst aufbringen. Das „American Joint Distribution Committee“ gehörte anfangs ebenfalls zu den Geldgebern [25]. Als diese Mittel versiegten bzw. weitere Völkerbundhilfen an eine finanzielle Beteiligung deutscher Stellen geknüpft wurden [26], musste das Auswärtige Amt die entstandene Finanzierungslücke schließen. Insgesamt wurden nach einem Bericht aus dem Jahre 1932 seit 1924 etwa 630.000 Reichsmark aufgewandt, meist zwischen 60.000 und 80.000 jährlich [27]. Das Geld diente der Alimentierung der Professoren und Dozenten, der Anmietung von Räumen und dem Unterhalt der Bibliothek. Offiziell kam es von der Osteuropagesellschaft. Staatliche Stipendien und Unterstützungen für die Studierenden, wie sie etwa in der Tschechoslowakei gezahlt wurden, gab es in Preußen nicht.

Das RWI als Lehreinrichtung

Da das Institut aus Rücksicht auf die Beziehungen zum Sowjetstaat als ein „privates Unternehmen“ deklariert wurde, musste eine Konstruktion zur Rege-

lung seines Status und zur Einflussnahme auf seine Tätigkeit gefunden werden. Zunächst wurde Sorge getragen, dass seine Eröffnung die Beziehungen zu Sowjetrußland nicht belastete. Der Vertreter der russischen Unterrichtsverwaltung in Berlin, Gruenberg, erklärte im Januar 1923 ganz im Sinne der oben erwähnten Stellungnahme Trotzkijs, dass seine Regierung „sehr einverstanden“ sei, wenn es gelänge, den emigrierten Professoren durch Vorlesungen und Vorträge einen Broterwerb zu schaffen, da ja jede Politik dabei ausgeschaltet sei [28]. Damit kam offenbar eine Art Übereinkunft zustande, die weitgehend eingehalten wurde, denn bis 1932 enthielten sich die Mitglieder des Instituts in dieser Eigenschaft der Beteiligung an direkter antisowjetischer Agitation.

Das Auswärtige Amt war in die Regelungen aller wesentlichen Fragen, die das RWI betrafen, von Beginn an involviert. Aus seinem Etat kamen die Mittel zu seinem Unterhalt. Auf die Tagesgeschäfte nahm es jedoch keinen direkten Einfluss. Als Lehrereinrichtung fiel das Institut in den Zuständigkeitsbereich des preußischen Ministeriums für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung. Der Osteuropagesellschaft wurde, wie ihrem Schriftwechsel mit dem Kultusministerium zu entnehmen ist, die Rolle als Vermittlungsorgan für „Maßnahmen wissenschaftlicher Natur“ zugebracht, „die für diese aus Rußland vertriebenen Professoren hier getroffen werden könnten“ [29]. Sie hatte dafür zu sorgen, dass der Vorlesungsbetrieb des Instituts nach außen als „ihr Unternehmen“ [30] firmierte. Zu den in der Gründungsphase formulierten Regeln gehörte, dass der Besuch der russischen Kurse nicht als Nachweis eines ‚ordnungsge-
mäßten Studiums‘ anerkannt wurde [31]. Absolventen des Instituts erwarben somit keine Berechtigung für die Aufnahme an eine deutsche Hochschule.

Die deutschen Vertreter im Organisationskomitee, namentlich Otto Hoetzsch, nahmen schon im Vorfeld der Gründung des RWI maßgeblichen Einfluss auf die Definition seiner Aufgaben und die Regelung seiner Kompetenzen: Es wurden drei wesentliche Arbeitsfelder festgelegt: 1. die Organisation systematischer Kurse, um das Wissen russischer Studenten an ausländischen Hochschulen durch Vaterlandskunde auf allen möglichen Spezialgebieten zu ergänzen; 2. Vorlesungen und Vortragszyklen für Russen und Ausländer zu Fragen der russischen geistigen wie materiellen Kultur; 3. die Schaffung von Möglichkeiten für Gelehrte, ihre spezialwissenschaftlichen Forschungen fortzusetzen [32]. Diese drei Tätigkeitsfelder prägten die Arbeit des Instituts bis 1932, wobei eine Verschiebung der Schwerpunkte zu beobachten ist.

In den ersten beiden Jahren nach seiner Gründung waren die Anstrengungen vor allem auf die Organisation eines regelmäßigen Vorlesungsbetriebs gerichtet. Das Institut wurde zu diesem Zweck in drei Abteilungen gegliedert: Die Abteilung für geistige Kultur leitete bis zu seiner Übersiedlung nach Frankreich der Religionsphilosoph Nikolaj Berdjajev. Der rechtswissenschaftlichen Abteilung stand der Jurist und Philosoph Ivan Il'in vor. Leiter der Abtei-

lung für Volkswirtschaft war bis zu seiner Übersiedlung nach Prag 1924 Sergej Pokopovič, ein führender Wirtschaftswissenschaftler, ehemaliger Sozialdemokrat und 1917 Minister in der Provisorischen Regierung. Die Einrichtung einer landwirtschaftlichen Abteilung scheiterte am Mangel an geeigneten Dozenten; erst im Wintersemester 1923/24 konnten agrarwissenschaftliche Kurse angeboten werden. Im Sommer 1923 wurde dem preußischen Kultusministerium die Umwandlung der Abteilungen in Fakultäten – für Geschichte, Recht und Handelswissenschaften – mit Lehrplänen nach dem Muster russischer Hochschulen vorgeschlagen [33]. Diese Pläne wurden jedoch abgelehnt. Die ambitionierte Bezeichnung der Leitung des Instituts mit Senat und Rektor wurde als rein interne Angelegenheit betrachtet. Seine Kurse wurden weiterhin nicht als vollwertige akademische Abschlüsse akzeptiert. Für die Zulassung an preußischen Hochschulen blieb allein ein anerkanntes Reifezeugnis ausschlaggebend [34].

Der Lehrbetrieb am Institut war ähnlich dem an einer russischen Universität organisiert [35]. Übelblicks- und Spezialvorlesungen wurden begleitet von Seminaren, die zum Teil von Assistenten geleitet wurden; daneben gab es Sprach- und Methodenübungen. Der Ambition folgend, die zukünftige Elite eines nachsowjetischen Russlands auszubilden, lag der Schwerpunkt auf Themen, die mit dem Begriff „Vaterlandskunde“ zusammengefasst werden können. An allen Abteilungen wurde in Grundfragen der Geschichte und Gegenwart des russischen Rechts, der Wirtschaft, der staatlichen Strukturen, der Kultur und des Geisteslebens eingeführt. So hielten die Historiker Aleksandr Kizeveter und Irinarch Stratonov Vorlesungen zur Einführung in die russische Geschichte. Der Literaturkritiker Julij Aichenval'd las zu Themen der russischen Literaturgeschichte. Berdjaev hielt ein Grundkolleg zur „Geschichte des russischen Denkens“ und Petr Struve eines zur „Geschichte des volkswirtschaftlichen Lebens“. Sieht man von Vorlesungen des Philosophen Lev Karsavin über „Russland und der Westen“ oder des ehemaligen Senators Baron Michail von Taube zur Geschichte der russischen Außenbeziehungen ab, wurden kaum Veranstaltungen zur Geschichte, Kultur und Gesellschaft des Exillandes nageboten. Das Exil wurde weiter als temporäres Problem betrachtet, der Blick in die Zukunft galt ausschließlich Russland.

Krise und Neuorientierung

Die potenzielle Hörerzahl des RWI wurde bei seiner Gründung auf zwei- bis dreitausend Studenten und Abiturienten [36] geschätzt. Nur eine Minderheit, nach Angaben des preußischen Kultusministeriums ca. 800, war ordentlich an einer deutschen Hochschule immatrikuliert, davon 500 in Preußen und 125 in Berlin [37]. Am RWI waren nach einer Mitteilung des Völkerbundesbeauftragten Moritz Schlesinger im Sommersemester 1923 552

Studierenden eingeschrieben: 392 Russen, 42 Rumänen, 35 Letten, 29 Polen, 22 Litauer, 13 Ukrainer und 12 Reichsdeutsche [38]. Im Oktober/November 1924 konnte Jasinskij 200 Studierende am Institut vermelden, im Mai 1925 waren es noch 260. [39] Im Wintersemester 1925 schließlich sank ihre Zahl auf nur noch 60 [40]. Ein geregelter Lehrbetrieb damit nicht mehr aufrecht erhalten werden.

Zu den Gründen für diese Entwicklung gehört sicherlich der Umstand, dass keine anerkannten akademischen Abschlüsse vergeben werden durften, wodurch das Institut nur komplementär zu einem ordentlichen Studium oder zur Überbrückung attraktiv. Schwerwiegender waren materielle Umstände: Als nach dem Ende der Inflation die Lebenshaltungskosten für Emigranten in Deutschland rapide anstiegen, setzte eine Abwanderungswelle ein. Sie erfasste neben Studierenden auch einen Teil der Dozenten. Ziel waren Länder wie die Tschechoslowakei oder Frankreich, die Studenten aus Russland mit Stipendien unterstützten und Dozenten ein auskömmliches Honorar sicherten. In der Tschechoslowakei etwa wurden 1926 etwa 5000 russische Studenten mit 40 Millionen Kronen (5 Millionen Reichsmark) subventioniert, und 200 russische Gelehrte erhielten Monatsgehälter von 2400 Kronen [41]. Die Russische Volksuniversität in Prag entwickelte sich zur Konkurrenz für das RWI. Es erhielt eine großzügige Förderung durch den Staat und besaß eine eigene wissenschaftliche Reihe zur Veröffentlichung von Forschungsergebnissen aus verschiedenen Wissensgebieten attraktiv [42].

Mit der Verschlechterung der Finanzlage, dem Rückgang der Hörerzahlen und der Abwanderung von Dozenten geriet das RWI Anfang 1925 in eine existentielle Krise. Im Auswertigen Amt wurde über seine Schließung nachgedacht. Unter Vermittlung der Osteuropagesellschaft wurde schließlich eine Reorganisation in Angriff genommen [43]. Hoetzsch strebte dabei eine enge Arbeitsgemeinschaft zwischen der Gesellschaft, dem Seminar für Osteuropäische Geschichte der Berliner Universität, dem Wirtschaftsinstitut für Russland und die Oststaaten in Königsberg [44] und dem RWI an. Schließlich beschloss der Senat des Instituts am 8. Januar 1926, dieses als Forschungsinstitut neu zu konstituieren. Damit wurde der Anspruch aufgegeben, es in eine vollwertige wissenschaftliche Lehranstalt umzuwandeln. Die drei Fachabteilungen wurden durch zwei neue ersetzt, deren Aufgabe es war, öffentliche Vorträge in russischer und deutscher Sprache zu organisieren und Veröffentlichungen aus den Forschungsgebieten der Gelehrten vorzubereiten. Statt regulärer Vorlesungen und Seminare dominierten nun kurze Vortragsreihen oder einzelne Vorträge [45], die an ein breiteres Publikum adressiert waren. Referenten waren nicht nur Mitglieder des RWI, sondern auch in Prag, Paris oder Belgrad lebende Wissenschaftler wie der Zoologe Michail Novikov oder der Geologe und Mitbegründer der Bewegung der Eurasier Petr Savickij.

In den inhaltlichen Schwerpunkten vollzog sich kein grundsätzlicher Wandel. Exemplarisch seien einige charakteristische Themen angeführt. So hielt der Volkswirt Boris Bruckus Vorträge über die russische Agrarrevolution und ihre historischen Ursachen. Der Historiker Stratonov las über die Quellen der russischen Altgläubigkeit und den Niedergang des Moskauer Staates im 17. Jahrhundert. Vorträge des Geographen Vladimir von Poletika behandelten die kulturelle Bedeutung geographische Besonderheiten Russlands. Immer häufiger wurden auch aktuellere Entwicklungen im nachrevolutionären Russlands aufgegriffen, etwa die Entwicklung der sowjetischen Volkswirtschaft (Bruckus), die Situation des russischen Dorfes vor und nach der Revolution (Aleksandr Ugrimov), die Perspektiven Russlands als Agrarstaat (Poletika), die Revolution als sozialer und psychologischer Prozess (Il'in). Ajchenval'd führte nun auch in die neuere sowjetische Poesie und in die Emigrantenliteratur ein.

Die Aufklärung der deutschen Öffentlichkeit über russische Geschichte und Kultur sowie die aktuelle Lage in der Sowjetunion nahm nun eine größere Rolle in der Tätigkeit des Instituts ein. Die neu eingeführten deutschsprachigen Vortragszyklen wurden ein Erfolg. Deutsch- und russischsprachige Veranstaltungen hielten sich zum Ende der 1920er Jahre quantitativ fast die Waage [46]. Betrachtet man die Themen, so lassen sich vier Gruppen unterscheiden: Mehr als ein Drittel der Vorträge behandelte solche Aspekte der Geschichte und Kultur Russlands, die für das Verständnis seiner aktuellen Entwicklung von Bedeutung waren. Frank etwa sprach über „deutsche Mystik und russische Religiosität“, über „Grundzüge des russischen geistigen Lebens im 19. Jahrhundert“, über Denker und Dichter wie Čadaev, Herzen, Dostoevskij und Solov'ev. Fedor Stepun hielt Vorträge über die Weltanschauung Dostoewkij's, Sergej Gogel über „Persönlichkeit und Gleichheit in Westeuropa und in Russland“, Aleksandr Bogolepov über „die Selbstverwaltung in Russland“ und Bruckus über „die historische Eigentümlichkeit (seiner) wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung“. Eine fast ebenso große Zahl von Vorträgen setzte sich mit der Revolution von 1917 und ihren Folgen auseinander. Bruckus referierte über den „Fünfjahrplan und seine Erfüllung“, Ugrimov über die „Sozialisierung der Landwirtschaft und ihre nächsten Folgen“, Poletika über die „Verwüstung der russischen Kornkammer“ und über „Kommunismus als Beamtenherrschaft“. Zu einer dritten Gruppe lassen sich Veranstaltungen zu speziellen ökonomischen Themen zusammenfassen, die wohl auf das Interesse wirtschaftsnaher Kreise zielten. Dazu gehörten Vorträge über die „natürlichen Grundlagen der russischen Steppenwirtschaft“ (Poletika), die „sowjetische Konzessionspolitik und ihre Ergebnisse“ (Bogolepov) oder die „wirtschaftliche Rayonierung Sowjetrusslands“ (Savickij). Schließlich gab es allgemeinbildende Vorträge zu Themen der russischen Literatur, die auf ein großes Interesse hoffen durften, wie Ajchenval'ds Einführungen in die Werke Puschkins, Tschechovs, Tolstoj's und Gorkis.

Wissenschaftliches Potential als Argument für den Erhalt des Instituts

Anfang der 1930er Jahre wurde im Auswärtigen Amt angesichts finanzieller Zwänge erneut eine drastische Reduzierung der Zuwendungen für das RWI oder seine Schließung diskutiert [47]. Zu diesem Zeitpunkt hatte das Institut noch 15 Mitglieder: Neben Vsevolod Jasinskij gehörten ihm vier Ökonomen (Boris Bruckus, Aleksandr Melkich, Aleksandr Ovcinnikov, Aleksandr Ugrimov), drei Historiker (Ivan Puzino, Semen Stein, Irinarch Stratonov), vier Juristen (Nikolaj Alekseev, Aleksandr Bogolepov, Sergej Gogel, August Kaminka) und zwei Philosophen (Semen Frank und Ivan Il'in) an [48]. Unter den Bedingungen der Wirtschaftskrise bedeutete ein solcher Schritt nicht nur den Verlust der Voraussetzungen ihrer wissenschaftlichen Arbeit, sondern auch ihrer ohnehin meist kargen Möglichkeiten eines einigermaßen angemessenen Broterwerbs. Auf einer Präsidiumssitzung der Osteuropagesellschaft am 5. Juni 1931 beschrieb Sering die Dramatik dieser Situation: Aufgrund der engen Verbindung zwischen dem RWI und der Gesellschaft zum Studium Osteuropas musste ein Fallenlassen des Instituts zwar auch auf die Gesellschaft zurückwirken. Für die betroffenen Gelehrten würde die Einstellung der Unterstützung aber den Hungertod bedeuten. [49] Die Osteuropagesellschaft intervenierte mit dringenden Appellen sowohl an das Kultusministerium als auch das Auswärtigen Amt, von solchen Plänen Abstand zu nehmen. Zwei Argumente, die bereits bei der Gründung des Instituts eine Rolle gespielt hatten, wurden erneut in der Vordergrund gestellt: Zum einen gehe es darum, dass „die wertvollen Traditionen der russischen Geisteswissenschaft erhalten bleiben. [...] Die Begründung des Instituts bedeutete ein Anerkenntnis der Pflicht, dieses Zusammenwirken durch die Erhaltung der russischen Geisteswissenschaft zu fördern. Deshalb kann das Institut nicht eingehen, ohne dass das deutsche Ansehen in der Kulturwelt Schaden erleidet – einen Schaden namentlich auch im Urteil des künftigen Russlands.“ [50] Gegenüber dem Gesandten Roland Köster und dem Leiter der Ostabteilung der Auswärtigen Amtes Oskar Trautmann wurde Sering noch deutlicher: Es werde die Zeit kommen, wo in Russland die geistige Freiheit wiedererrungen sei: „Dann soll man nicht sagen dürfen: Paris, Prag, Belgrad haben dem russischen Volk den unschätzbaren Dienst, seine geisteswissenschaftliche Tradition lebendig zu erhalten, erwiesen, die deutsche Regierung aber hat, uneingedenk des feierlich gegebenen Versprechens, die in Berlin einer Anzahl von ausgezeichneten Gelehrten eingerichtete bescheidene Heimstätte geschlossen und sie ins Elend geschickt, als sich Schwierigkeiten einstellten, die keineswegs größer waren, als diejenigen zur Zeit der Begründung des Instituts 1922“ [51].

In einer vierseitigen Denkschrift für das Auswärtige Amt formulierte Sering künftige Aufgabenstellungen für die Wissenschaftler am RWI [52]. Dazu zählte er insbesondere Untersuchung über die Entwicklung und die Aussich-

ten des russischen Getreide- und Faserpflanzenanbaus. Für ihn selbst waren in diesem Kontext die wirtschaftlichen Potenzen der russischen Steppengebiete von besonderem Interesse. Als weiteren Schwerpunkt bezeichnete er die Erarbeitung eines neuen russisch-deutschen Wörterbuches, das dem aktuellen Stand der Sprachentwicklung namentlich auf wirtschaftlichem und technischem Gebiet entspreche. Ein drittes Arbeitsfeld sah er in Untersuchungen zum Kulturbolschewismus, zur Lage der Arbeiter und zur rechtlichen Stellung der Ausländer in Sowjetrußland. Die Ergebnisse solcher Forschungen dürften, folgerte er, den Aufwand zur Erhaltung des Instituts von 40.000 Reichsmark im laufenden Etat rechtfertigen. Serings Plädoyer zeigt, wo das zentrale Interesse der deutschen Wissenschaft, Wirtschaft und Politik an den russischen Gelehrten lag: Es ging um die genauere Kenntnis eines politischen Systems und Wirtschaftsraums, dem vor allem als Rohstofflieferant eine strategische Bedeutung für Deutschland zugemessen wurde. Nationalökonomische und rechtswissenschaftliche Themen hatten Vorrang gegenüber einer historisch-kulturellen Rußlandkunde, deren allgemeine Beförderung durch die Arbeit des Instituts Sering allerdings durchaus ebenfalls begrüßte.

Ein Zusammenhang zwischen der Reorganisation des RWI 1925/26 und einer tatsächlichen Verstärkung seiner Forschungstätigkeit lässt sich nicht zwingend nachweisen. Erste Veröffentlichungen seiner Mitglieder erschienen bald nach ihrer Ankunft im Exil. Die deutschsprachigen Publikationen lassen durchaus darauf schließen, welche ihrer Themen in Deutschland ein interessiertes Fachpublikum fanden. Eine gute Orientierung gibt in dieser Hinsicht insbesondere ein Blick auf die wissenschaftlichen Zeitschriften und Reihen, in denen die emigrierten Gelehrten publizierten. Dazu gehörten renommierte Periodika wie das „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, das „Jahrbuch“ und die „Quellen und Studien“ des Osteuropa-Instituts zu Breslau, die „Ostwirtschaft“ und die „Zeitschrift für Politik“, aber auch die „Historische Zeitschrift“, die „Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung“ sowie die Zeitschrift der Kant-Gesellschaft.

Betrachtet man anhand solcher Quellen den gesamten Zeitraum der Existenz des Instituts, dann bildeten politisch oder volkswirtschaftlich relevante Fragen tatsächlich durchgängig den Schwerpunkt seiner wissenschaftlichen Aktivitäten. Sieht man von jenen Gelehrten ab, die Berlin schon 1924 in Richtung Paris bzw. Prag verließen, so gehörten Nikolaj Alekseev, Bruckus, Frank, Il'in, Alexandr Melkich, Poletika, Pusino und von Taube zu den am häufigsten in deutscher Sprache publizierte Autoren. Als „verdienstvoll“ wurden in einem Bericht für das Kultusministerium drei größere Sammelwerke bezeichnet, die sich mit der rechtlichen Situation sowie der wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Entwicklung in Sowjetrußland befassten: „Das Recht Sowjetrußlands“ (Tübingen 1925), „Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewis-

mus“ (Berlin 1925) und „Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate“ (Berlin 1930) [53]. Die beiden erstgenannten Bände, die überwiegend solide rechtswissenschaftliche und nationalökonomische Untersuchungen vereinigten, dürften tatsächlich den Informationsbedarf der deutschen Politik und Wirtschaft angesichts der sich nach dem Rapallo-Vertrag intensivierenden Beziehungen zur Sowjetunion bedient haben. Gleiches gilt für Studien von Bogolepov und Bruckus über die Rechtsstellung der Ausländer in Sowjetrußland, die 1925 und 1927 in den „Quellen und Studien“ des Osteuropa-Instituts in Breslau herausgegeben wurden [54], oder einen publizierten Vortrag Baron von Taubes über „Rußland und der Westen“ [55] am Institut für internationales Recht der Universität Kiel. Eine von Sering angeregte Studie über die Getreidewirtschaft in den russischen Trockengebieten, an der Bruckus, Poletika und Bogolepov mitarbeiteten, erschien 1932 in der vom Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft herausgegebenen „Zeitschrift für Agrarpolitik und Landwirtschaft“ [56]. Gogel erarbeitete eine soziologische Studie zur russischen Gesellschaft vor und nach der Revolution, die vom Osteuropa-Institut publiziert wurde [57]. Er grenzte sich hier gegen „politische Pamphlete“ ab, die weit verbreitet, aber wenig geeignet seien, um die augenblicklichen Zustände in Rußland zu begreifen. Zu dieser Kategorie zählte allerdings die Mehrzahl der Beiträge in „Welt vor dem Abgrund“. Der von Il'jin herausgegebene Band wahrte in der Form wissenschaftliche Standards und wurde als quellenfundiert gelobt. Die Auswahl der Quellen war allerdings eher vom Streben nach propagandistischer Nachhaltigkeit als nach wissenschaftlicher Plausibilität geprägt.

Unter den Philosophen am Institut genoss vor allem Frank in der deutschen Wissenschaft einen guten Ruf. Die Kant-Gesellschaft in Berlin lud ihn im Mai 1925 zu einem Vortrag über die „russische Weltanschauung“ ein und veröffentlichte diesen in ihren „Philosophischen Vorträgen“ [58]. Sein Name als Autor steht dort in einer Reihe mit Paul Natorp, Paul Tillich oder Ernst Troeltsch. Zwei Aufsätze von Frank wurden in den Kant-Studien veröffentlicht, wobei der Beitrag über „Die russische Philosophie der letzten 15 Jahre“ aus dem Jahre 1926 thematisch an den Vortrag über die russische Weltanschauung anknüpfte und eher das allgemeine Rußlandinteresse des Publikums bediente, während die Studie „Zur Metaphysik der Seele“ (1929) ein im engeren Sinne philosophisches Thema aus der Perspektive der modernen russischen Philosophie diskutierte [59].

Insgesamt dürfen der Ertrag der Forschungen am RWI und der Nutzen, der ihm in Deutschland beigemessen wurde, nicht überbewertet werden. Das musste auch Sering resümieren: „Die Kräfte, die das Institut enthält, sind bisher nicht entfernt so für das Interesse der deutschen Wissenschaft, Wirtschaft und Politik nutzbar gemacht worden, wie es möglich und nötig gewesen wäre“

[60]. Als wissenschaftlich wirklich wertvoll wurde dagegen schon von den Zeitgenossen die Sammeltätigkeit seiner Bibliothek bewertet. Mit etwa 12.000 Bänden und fortlaufenden Beständen an Zeitungen und Zeitschriften sowie Gesetzestexten war sie eine der besten Russlandbibliotheken in Deutschland und wurde monatlich von etwa 300 Lesern, darunter auch von vielen deutschen Studierenden und Wissenschaftlern, genutzt. Laut Sering wurden mit ihrer Hilfe allein zwischen 1927 und 1930 über 30 Dissertationen geschrieben [61]. Sering sorgte sich in den erwähnten Denkschriften von 1931 dann auch sehr um den Erhalt und weiteren Betrieb der Bibliothek. Folgerichtig stellte er ihr 1932 nicht ganz uneigennützig zwei Räume in seinem Institut für Agrar- und Siedlungswesen zur Verfügung und übernahm sogar die Kosten für den Umzug [62].

Ein kurzes Fazit

Trotz der Bemühungen seiner Mitglieder und Förderer kam die Tätigkeit des RWI 1932 faktisch zum Erliegen. Vordergründig lag das an den fehlenden Mitteln. Unabhängig von akuter Finanznot, welche im Auswärtigen Amt zu Überlegungen führte, die monatlichen Zahlungen für die Gehälter der Mitarbeiter und die Forschungsbibliothek einzustellen, hatte sich allerdings auch der Nutzen des Instituts in den Augen der deutschen Politik offenbar erschöpft. Seine Mitglieder hatten nach zehnjährigem Exil ihren Kompetenzvorsprung als Kenner der aktuellen Situation in Sowjetrussland verloren. Gleichzeitig war der Informationsbedarf der deutschen Politik und Wirtschaft auch ohne ihre Expertise zu befriedigen, da traditionelle Kanäle wie diplomatische, wirtschaftliche sowie direkte wissenschaftliche oder kulturelle Kontakte anders als in den ersten Jahren nach der Revolution wieder funktionierten und an deutschen Forschungseinrichtungen wie dem Osteuropainstitut in Breslau ein kompetenter Mitarbeiterstamm arbeitete. Nach Lage der Akten fand sich auch die Osteuropagesellschaft damit ab, dass das Institut in seiner bestehenden Form nicht mehr zu halten war. Das Engagement von Hoetzsch und Sering konzentrierte sich darauf, den verbliebenen Mitarbeitern eine Erwerbsmöglichkeit zu schaffen und den Zugriff auf seine Bibliothek zu erhalten.

Für das RWI in seinem Bestand bis 1932 bleibt zu resümieren, dass es über seine gesamte Geschichte hinweg mit seinem regelmäßigen und vielfältigen Angebot an vaterlandskundlichen Veranstaltungen für ein breiteres Publikum zu einem Ort der geistigen und kulturellen Selbstvergewisserung und, wie Jasinskij gegenüber dem Auswärtigen Amt betonte, zu einem Mittelpunkt des russischen geistigen Lebens in Berlin wurde [63]. Seine Bibliothek gab der Berliner Exilkolonie mit den abonnierten Zeitungen und Zeitschriften die Möglichkeit, über Grundfragen des russischen Lebens in Sowjetrussland wie auch in der Emigration im Bilde zu bleiben [64]. Auf diese Weise schuf das

Institut den Exilanten Räume, um mit wissenschaftlichem Anspruch und über ideologische Gräben hinweg den intellektuellen Austausch über Fragen ihrer kulturellen und geistigen Identität in der Fremde zu führen. Die wesentliche Leistung seines Wirkens in die Exilgesellschaft hinein bestand in der Pflege des Eigenen in der Fremde, d.h. der kulturellen Identität der emigrierten russischen Intellektuellen im engeren wie der Emigrantengesellschaft im weiteren Sinne.

Eine Auseinandersetzung mit der Fremde selbst, d.h. den politischen Bedingungen, kulturellen Werten und Traditionen der Gesellschaft des Gastlandes, nahm auf der Agenda des Instituts wenig Raum ein. Allerdings schlug es mit seinen deutschsprachigen Vorträgen und durch die Zusammenarbeit seiner Mitglieder mit deutschen Wissenschaftlern und Forschungsinstitutionen eine intellektuelle Brücke in die deutsche Gesellschaft. Sieht man vom kleinen Kreis der enger mit den russischen Gelehrten verbundenen und an ihren Kenntnissen fachlich unmittelbar interessierten Wissenschaftler um Hoetzsch, Sering oder Max Vasmer ab, geben die Quellen jedoch bisher wenig Auskunft über die Intensität dieser Begegnungen. Ein Ansatz, hier zu neuen Einsichten zu gelangen, wäre im Zuge einer kritischen Aufarbeitung des wissenschaftlichen Nachlasses der Mitglieder des RWI die Frage nach intellektuellen Wechselwirkungen mit der deutschen Wissenschaft und Gesellschaft und ihrem Niederschlag in ihrem Denken. Angesichts der Neubessinnung auf das geistige Erbe des Exils im heutigen Russland wäre das nicht nur ideengeschichtlich von Interesse.

Anmerkungen:

1. Viktor D. Topoljanskij: Beskonečnoe plavanie filosofskoj flotilii, in: *No-voe vremja*, No. 38 (2002), S. 33, zitiert nach: *Vysylka vmesto rassstrela. Deportacija intelligencii v dokumentach VČK-GPU. 1921-1923*. Vyst. stat'ja, sost. V.G. Makarova, V.S. Christoforova, Moskau 2005, S. 5.

2. Hans-Erich Volkmann: *Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929*, Würzburg 1966.

3. Vgl. u.a. Otto Hoetzsch 1876-1946. *Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers*, Berlin 1978; Uwe Liszkowski: *Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch*, Berlin 1988.

4. Vgl. u.a.: *Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941*, hrsg. von Karl Schlögel, München 1994; *Russische Emigration in Deutschland 1918-1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg*, hrsg. von Karl Schlögel, Berlin 1996; Karl Schlögel: *Berlin Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert*, Berlin 1998; *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941*, hrsg. von Karl Schlögel u.a., Berlin 1999.

5. Exemplarisch seien hier genannt: Fritz Mierau: *Russen in Berlin. Literatur, Malerei, Theater, Film 1918 – 1933*, Leipzig 1991; Bettina Dodenhoeft: *„Lasst mich nach*

Russland heim.“ Russische Emigranten in Deutschland von 1918-1945, Frankfurt a.M. 1993; Gerd Voigt: Otto Hoetzsch, Karl Stählin und die Gründung des Russischen Wissenschaftlichen Instituts, in: Russische Emigration in Deutschland, S. 267-278; Ders.: Zerstörte Hoffnung. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Instituts, in: Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte, Bd. 1, Berlin 1995, S. 77-97.

6. Es handelt sich dabei um einen Bestand von ca. 100 Bänden mit dem Stempel des RWI in der Universitäts- und Landesbibliothek Halle. Vgl. Hartmut Rüdiger Peter: Zeitgeschichtliche Sammlungen der Bibliothek des Instituts für Geschichte an der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, in: Sachsen-Anhalt. Beiträge zur Landesgeschichte 10, Halle 1997, S. 73-88.

7. Hartmut Rüdiger Peter: Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin, in: Sankt Petersburgskij Universitet v 18-20 vv. Evropejskie tradicii i russkij kontekst. Materialy naučnoj konferencii 23-25. ijunija 2009g, otv. red. A. Ju Dvorničenko, L.-I. Tichonov, St. Peterburg 2009, S. 364-385; Ders.: Ivan Il'in - der Meisterdenker? Anmerkungen zu einer Wiederentdeckung, in: Dekonstruieren und doch erzählen: polnische und andere Geschichten, hrsg. von Jürgen Heyde u.a., Göttingen 2015, S. 89-97

8. Vgl. Vysylka vmesto rasstrela; „Očistim Rossiju na dolgo...“ Repressii protiv inakomysjaščich. Konec 21-načalo 1923g. Dokumenty., Pod red. A.N. Artizova, V.S. Christoforova, Moskau 2007.

9. Vgl. Nina Dmitrieva: „Letučij gollandec“ rossijskoj intelligencii (očerki istorii „filosofskogo parochoda“), in: Skepsis, Nr. 3/4 Moskau 2005, S. 79-102; Dies.: „Oj ty, učast' korablja...“ ili snova o „filosofskom parochode“, in: Puškin. Russkij žurnal o knigach, Nr. 4, Moskau 2009, S. 58-63.

10. Das Interview gegenüber der amerikanischen Journalistin Strong erschien am 30.8.1922 in der Izvestij. Zit. nach: Vysylka vmesto rasstrela, S. 23.

11. Novaja Russkaja Kniga, Nr. 9, Berlin 1922, S. 25.

12. Novaja Russkaja Kniga, Nr. 11/12, Berlin 1922, S. 27. Vsevolod Ivanovič Jasinskij (1884-1933) war bis Anfang 1931 Direktor des Russischen Wissenschaftlichen Instituts. Über ihn ist wenig bekannt. Für seine Rolle im Berliner akademischen Exil qualifizierten ihn wohl vor allem die Tatsache, dass er die deutsche Sprache frei beherrsche und die deutsche Gesellschaft gut kannte: Er hatte in Dresden studiert und 1908 promoviert; 1914/15 hatte er als Angehöriger eines Feindstaates einige Monate in deutscher Zivilgefängenschaft verbracht.

13. Otkrytie Religiozno-Filosofskoj Akademii, in: Rul', Berlin, 26.12.1922; Novaja Russkaja Kniga, Nr. 11/12 Berlin 1922, S. 27.

14. Vgl. Gesellschaft zum Studium Osteuropas an den preußischen Kultusminister, 18.11.1922, in: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA), I. HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134, Bl. 5.

15. Russkij universitet, in: Rul', Berlin, 22.12.1922

16. Russkij Naučnyi Institut, in: Rul', Berlin, 11.2.1923.

17. Rul', Berlin, 18.2.1923.

18. Hier irrt Voigt, der eine „auffallende Zahl“ von Wissenschaftlern aus dem naturwissenschaftlichen und technischen Bereich behauptet. Vgl. Voigt, Zerstörte Hoffnung, S. 81.

19. Gesellschaft zum Studium Osteuropas an den preußischen Kultusminister,

- 18.11.1922, in: GStA, I. HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134, Bl. 5.
20. Gesellschaft zum Studium Osteuropas an den preußischen Kultusminister, 24.3.1924, in: Ebenda, Bl. 156.
21. Auswärtiges Amt an Reichsministerium des Inneren, 23.3.1923, in: Ebenda, Bl. 49.
22. Entwurf eines Schreibens an die deutsche Botschaft in Moskau, die Gesandtschaften in Riga, Reval, Kovno, Prag u.a. vom 22.10.1924, in: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA), Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin und andere russisch-wissenschaftliche Institute, 1922-1926, R 64477.
23. Die russische Hochschule in Berlin“, in: Germania, Berlin, 1.4.1923.
24. Ot finansovogo komitetat Russkogo Naučnogo Instituta v Berline, in: Rul‘, Berlin, 1.2.1923.
25. Schlesinger an das Auswärtige Amt, Eingangsstempel 10.7.24, in: PA, R 64477.
26. Ebenda.
27. Bericht über das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin, von Reyher, Hamm, 20.6.1933, in: GStA, I. HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134, Bl. 311-312.
28. Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Aktenvermerk, 8.1.1923, in: Ebenda, Bl. 14.
29. Schreiben v. Hoetzsch, 30.11.1922, in: Ebenda, Bl.6.
30. Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Aktenvermerk, 8.1.1923, in: Ebenda, Bl. 14;
31. Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Aktennotiz, 21. November 1922, In: Ebenda, Bl. 5.
32. Aktennotiz über Besprechung beim Abteilungsdirektor im preußischen Kultusministerium, Ministerialdirigent Krüss, in: Ebenda, Bl. 5; Schreiben des Organisationskomitees des Russischen Wissenschaftlichen Instituts, gez. Jasinskij, an das Kultusministerium, 12.2.1923, in: Ebenda, Bl. 33-35.
33. Schreiben des Kultusministers an die Gesellschaft zum Studium Osteuropas, 20.4.1923, in: Ebenda, Bl. 39.
34. Anfrage der deutschen Vertretung in Moskau vom 19.4.1923, in: Ebenda, Bl. 43.
35. Alle Angaben über das Lehr und Vortragsangebot basieren auf den Verzeichnissen der Lehrveranstaltungen und Vorträge des RWI im Bestand des GStA, I. HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134.
36. Russisches Wissenschaftliches Institut in Berlin. Erstes Sommersemester 1923, S. 4, in: Ebenda, Bl. 53-64.
37. Memorandum des Russischen Akademischen Vereins in Deutschland, o.D. [November 1924], in: PA R 64477.
38. Vertretung des Völkerbundes für russische Flüchtlingsangelegenheiten an Legationsrat Dr. Söhring, Auswärtiges Amt, 4.6.1923, PA, R 64477. Es dürfte sich auch bei der Mehrzahl der nichtrussischen Hörer um ehemalige Untertanen des Russischen Reiches gehandelt haben.
39. [Jasinskij], Memorandum des Russischen Akademischen Vereins in Deutschland. o.D. (November 1924), PA, R 64477; Memorandum des Russischen Akademi-

schen Vereins in Deutschland, 11. Mai 1925., S. 5, in: Ebenda.

40. Vgl. Voigt, Otto Hoetzsch, Karl Stählin und die Gründung, S. 276f.

41. Material betreffs das Russische Wissenschaftliche Institut, Söhring, 23.3.1926, in: PA, R 64477. Nach diesem Bericht lasen am Pariser Institut d'Etudes slaves und anderen Instituten 40 russische Professoren für ein Gehalt von monatlich 750 Frs.

42. Vgl. u.a. M.M. Novikov: Ot Moskvj do N'ju-Jorka, New-York 1952, S. 329-364.

43. Vgl. u.a.: Jasinskij an das Auswärtige Amt, in: PA, R 64477; Hoetzsch an die Kulturabteilung des Auswärtigen Amtes, 7.5.1925, in: Ebenda.

44. Dieses wurde 1922 mit der Aufgabe gegründet, über aktuelle wirtschaftliche Entwicklungen in Osteuropa zu berichten. Vgl. Dieter Hertz-Eichenrode: Politik und Landwirtschaft in Ostpreußen 1919-1930 : Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik, Köln 1969, S. 121f.

45. Vgl. Anm. 35.

46. Nach einem Bericht im Archiv des Kultusministeriums waren es von Mitte 1927 bis Ende 1929 285 Vorträge in russischer und 246 in deutsche Sprache. Die Besucherzahl lag bei den russischsprachigen Vorträgen durchschnittlich bei etwa 25 und bei den deutschsprachigen bei etwa 30 Vgl. GStA, I. HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134, Bl. 280.

47. Die Zahlungen wurden 1932 gegenüber 1929 auf 40.000 RM halbiert. Vgl. Bericht an den preußischen Kultusminister, gez. Reyher und Hamm, 20.6.1933, in: Ebenda. Bl. 311-312.

48. [Max Sering]: Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin [Denkschrift]. 18.4.1931, in: Ebenda, Bl. 283.

49. Aufzeichnung, am 6. Juni 1931 Ministerialdirektor Trautmann und Gesandten Meyer vorgelegt, in: PA, Russisches Wissenschaftliches Institut, April 1928-1936, Geheimakten, R 31836.

50. [Max Sering]: Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin, Bl. 280-281.

51. Schreiben Max Sering an den Gesandten Köster, 6.3.1931, in: PA, R 31836.

52. Denkschrift über die Arbeitsaufgaben des Russischen Wissenschaftlichen Instituts; gez. Sering, 12.6.31, in: Ebenda.

53. Das Recht Sowjetrusslands, hrsg. von A. Maklezow , N. Timaschew, N. Aleksejew u.a. Ins Deutsche übertragen von Erwin Walter, Tübingen 1925; Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus Darstellung u. Wertung seiner geistigen Grundlagen, verfasst von A. A. Bogolepoff , B. Brutzkus, S. v. Bubnoff u. a., hrsg. von Friedr. v. Wieser u.a., Berlin 1925; Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate. Nach authentischen Quellen. Ein Sammelwerk, bearbeitet und hrsg. von Iwan Iljin, Berlin 1931.

54. Aleksander A. Bogolepoff: Die Stellung der Ausländer in Sovjet-Rußland, in: Osteuropa-Institut Breslau. Quellen und Studien. Abteilung Recht. Neue Folge, 4. Band, Berlin 1927; Boris Brutzkus: Agrarentwicklung und Agrarrevolution in Rußland. Mit einem Vorwort von M. Sering, in: Ebenda. Abteilung Wirtschaft, Neue Folge, Bd. 4, Berlin 1925.

55. Prof. Dr. Michael Freiherr von Taube: Russland und Westeuropa. Russlands

historische Sonderentwicklung in der europäischen Völkergemeinschaft. In: Aus dem Institut für internationales Recht an der Universität Kiel. Erste Reihe. Vorträge und Einzelschriften, Heft 8, Berlin 1928.

56. Boris Brutzkus, Wladimir Poetika, Aleksander v. Ugrimoff u.a.: Die Getreidewirtschaft in den Trockengebieten Russlands. Stand u. Aussichten, in: Berichte über Landwirtschaft. Zeitschrift für Agrarpolitik und Landwirtschaft. Herausgegeben im Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft, Berlin 1932.

57. Sergius Gogel: Die Ursachen der russischen Revolution vom Jahre 1917. Eine historisch-soziologische Skizze, in: Osteuropa-Institut Breslau. Quellen und Studien. Abteilung Sprachwissenschaft, Literatur und Geschichte, Heft 1, Berlin 1926.

58. Dr. Simon Frank: Die russische Weltanschauung, in: Philosophische Vorträge. Veröffentlicht von der Kantgesellschaft, Nr. 29, Berlin 1926.

59. Simon Frank: Die russische Philosophie der letzten fünfzehn Jahre, in: Kant-Studien, Nr. 31, 1926, S. 89–104; Ders.: Zur Metaphysik der Seele. (Das Problem der philosophischen Anthropologie.), in: Ebenda, Nr. 1929, S. 351–373.

60. [Max Sering]: Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin, Bl. 284.

61. Ebenda, Bl. 280–281.

62. Vgl. Schreiben von Sering an Staatssekretär Meissner, Büro des Reichpräsidenten, 6.9.1932, in: Bundesarchiv Koblenz, N 1210, 143 [Nachlass Max Sering; Bibliothek des Russ. Instituts und Auswertung der Materialien der Russischen Versuchsstationen].

63. Jasinskij an die Gesellschaft zum Studium Osteuropas vom 9.7.1925, als Anlage eines Schreibens an das Auswärtige Amt vom 22.8.1925, in: Ebenda.

64. Aufzeichnung, maschineschriftlich, mit handschriftlichem Vermerk: Professor Dr. S. Frank; o.D., o.U., in: Bundesarchiv Koblenz, N 1210, 143.

УДК: 930.2:94(430)“1919/1933”

Терехов О. Э.

Доктор исторических наук, профессор
кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений
Кемеровского государственного
университета

адрес: 650043, Кемерово, улица
Красная 6, КемГУ, электронная почта:
terehov1968@mail.ru

Terekhov O. E.

Doctor of Historical Sciences, Professor
of Modern, Contemporary History and
International Relations Department at
Kemerovo State University

Post Address: 650043, Kemerovo,
Krasnaya ul., KemSU, E-mail:
terehov1968@mail.ru

О.Э. ТЕРЕХОВ

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1950 - 1980-Х ГГ.**

Цель статьи – рассмотреть основные направления внешней политики Веймарской республики в отечественной историографии 1950–1980-х гг. Автор, используя ретроспективный метод, анализирует советский этап изучения внешней политики Веймарской республики в Германии в 1919–1933 гг. в отечественной историографии и приходит к выводу о том, что отечественная историография 1950 – 1980-х гг. существенно продвинулась вперед в изучении различных аспектов внешней политики Веймарской республики и, в первую очередь, истории советско-германских отношений. Применение классового подхода к исследованию внешней политики дает определенный положительный результат в выявлении скрытых пружин внешнеполитических решений, однако абсолютизация такого подхода, как это произошло в советской исторической науке, выводит из поля зрения историков общегосударственные внешнеполитические интересы страны.

Ключевые слова: Германия, Веймарская республика, внешняя политика, историография.

O. E. TEREKHOV

**MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN POLICY THE WEIMAR
REPUBLIC IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
OF 1950 TO THE 1980**

Article purpose to consider the main directions of foreign policy of the Weimar republic in a domestic historiography 1950 to the 1980th. The author, using a retrospective method, the Soviet stage of studying of foreign policy of the Weimar republic in Germany in 1919 by 1933, in a domestic historiography analyzes. The conclusion that the domestic historiography of 1950 – has significantly moved ahead the 1980th in studying of various aspects of foreign policy of the Weimar republic and, first of all stories of the Soviet-German relations is drawn. However application of class approach to research of foreign policy yields a certain positive result in identification of

the hidden springs of foreign policy decisions, but absolutization of such approach as it has occurred in the Soviet historical science, brings state foreign policy interests of the country out of a field of vision of historians.

Keywords: Germany, Weimar Republic, Foreign policy, Historiography.

Проблема существования первой немецкой республики заключалась в том, что ее стабильность, помимо внутренних факторов, в значительной мере зависела от внешней политики. Внутренняя политика Веймарской Германии находилась под непосредственным влиянием внешней. Внутриполитические кризисы часто были связаны внешнеполитическими кризисами, где шла упорная борьба между немецкой стороной и державами-победительницами вокруг выполнения условий мирного договора. Многолетние усилия министра иностранных дел Г. Штрэземана, стремившегося вернуть Веймарскую Германию в лоно великих европейских держав и одновременно найти приемлемый баланс между внутренней и внешней политикой, прекрасный тому пример.

После Первой мировой войны формально межгосударственные противоречия, послужившие причиной войны, были преодолены, но фактически они не были решены. Как писал известный немецкий историк Голо Манн: «Мировая война разрушила и ослабила старый порядок, но так и не создала ничего нового» [14. S. 671]. По своему международному статусу Германия была отброшена даже за внешнеполитические границы Германской империи 1871–1918 гг. Немецкой республике необходимо было заново выстраивать свой внешнеполитический образ. Вехами на этом пути стали: Версальский мирный договор, Рапалльский договор, проблема репараций, оккупация Рура, план Дауэса, Локарнская конференция, план Юнга.

Огромную роль на формирование внешней политики Веймарской Германии оказал Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версале между Германией и западными державами – победительницами. В отечественной исторической литературе было принято считать Версальский договор грабительским, ссылаясь при этом на оценку, данную ему в свое время Лениным. По мнению Я.С. Дабкина, версальская система не только не устранила противоречия между Германией и державами-победительницами, но еще более углубила их [4. С. 288]. Я.С. Дабкин отмечал, что ситуация, созданная в Германии Версальским миром, наложила свой отпечаток на всю последующую историю Веймарской республики [4. С. 288].

После подписания Версальского мирного договора перед Германией встала проблема выплаты репараций. Советские историки рассматривали репарационную проблему как прямое продолжение грабительского

характера Версальского договора. Н. В. Фарбман замечал по этому поводу: «Сама по себе справедливая идея репараций – возмещения материального ущерба, причиненного агрессором – была превращена авторами Версальского договора в домогательство контрибуции» [13. С. 197]. Репарации резко ухудшали и без того сложное экономическое положение Германии и, по словам Г. М. Трухнова, «...легли тяжелым бременем на плечи широких народных масс» [9. С. 14].

Репарационный вопрос стал мощным инструментом давления и вмешательства во внутреннюю политику Германии со стороны держав-победительниц и, одновременно, привел к глубокому расколу правящую элиту Веймарской республики. Для стабильного функционирования политической, социальной и экономической системы Веймарская Германия жизненно нуждалась в пересмотре наиболее строгих статей Версальского договора и ликвидации давления репарационных соглашений.

Первым крупным успехом германской дипломатии и лично министра иностранных дел Г. Штресмана на пути ревизии Версальского договора и репарационных постановлений стал план Дауэса. Г. М. Трухнов характеризовал решение Лондонской конференции 16 июля – 16 августа 1924 года, принявшей новый репарационный план Дауэса, как очередную попытку возложить тяготы репарационных выплат на плечи трудящихся и укрепить германский империализм [9. С. 99-100]. С. В. Никонова полагала, что этот план был плодом межимпериалистических противоречий, благодаря которым Германии удалось получить определенные дивиденды в облегчении репарационного бремени [6. С. 20-22], хотя, по ее словам, план Дауэса был призван укрепить позиции германской буржуазии. С. В. Никонова также выделяет два этапа в развитии внешней политики Веймарской республики в 20-е годы: 1) до 1924 года – подготовка к ревизии Версальского договора; 2) 1924-1929 гг. – дипломатическое и политическое наступление Германии против Версальского договора. Принятие плана Дауэса свидетельствовало о начале этого наступления.

Следующим важным шагом в стабилизации внешнеполитического положения Веймарской Германии стал Локарнский гарантийный пакт 1925 года. С. В. Никонова замечала, что германское правительство умело воспользовалось накопившимися противоречиями между Англией и Францией и сумело обратить их себе на пользу [6. С. 227]. Таким образом, по мнению С. В. Никоновой, пакт гарантировал неизменность западных границ Германии и включал ее в решение европейских проблем [6. С. 61]. В советской исторической литературе отмечалось, что заключение Локарнского гарантийного пакта явилось первым реальным шагом «мирной ревизии» Германией Версальского мирного договора [6. С. 60]. Подписание Локарнского гарантийного пакта, по мнению советских авторов,

позволило Веймарской республике сделать еще один шаг на пути ревизии Версальского договора – вступить в 1926 году в Лигу Наций. Тем самым, по словам С. В. Никоновой, «...завершился один из важнейших для германского правительства этапов в его борьбе за ревизию версальских постановлений...» [6. С. 101]. Окончательное решение эти проблемы получили в 1929-1932 гг. По мнению Л. И. Гинцберга, новый репарационный план Юнга был выгоден германской буржуазии, так как она надеялась, что он еще больше ослабит репарационные выплаты [2. С. 271]. Несмотря на то, что Гаагская конференция в начале 1930 года несколько ухудшила для Германии условия выплаты репараций по плану Юнга, тем не менее, сам план стал шагом вперед в решении репарационного вопроса.

В целом, советская историография проводила мысль о значительной вине держав-победительниц, которые в 1920-е гг. своей политикой дали возможность германскому милитаризму и реваншизму создать базу для перевооружения Германии в 1930-х гг. Политика ревизии Версальского договора рассматривалась советскими исследователями как возрождение германского империализма и реваншизма. Они априорно исходили из мысли об изначальной агрессивности германского империализма. Любые попытки германской правящей элиты выйти за рамки Версальских соглашений трактовались советскими авторами как возрождение реваншистских устремлений Веймарской Германии, а позиция держав-победительниц сводилась к антисоветской направленности их германской политики.

Касаясь анализа политики ревизии Версальского мирного договора в исторической науке, нельзя не затронуть оценку деятельности ее творца – Густава Штреземана. Советская историография негативно относилась к деятельности Г. Штреземана на посту министра иностранных дел Веймарской Германии (который он занимал с 1923 по 1929 год) и проводимому им внешнеполитическому курсу. Квинтэссенцию таких взглядов выразила С. В. Никонова, которая характеризовала Г. Штреземана, как «... наиболее видного проводника ревизионистско-реваншистской политики Веймарской республики» [6. С. 345].

Важнейшей частью отечественной историографии Веймарской республики 1950-1980-х гг. стало исследование советско-германских отношений. В этой области историографических исследований идеологический, пропагандистский и научно-познавательный интерес соединялся с легендарным ореолом дружбы и добрососедства, которым были окутаны советско-германские отношения в период Веймарской республики. Действительно, феномен советско-германского сотрудничества 1920-х гг. занимает особое место, как в истории дипломатии СССР, так и в европейских межгосударственных отношениях XX века. Веймарская Германия стала первой крупной капиталистической страной, признавшей

Советскую Россию. В то же время, Советская Россия первой протянула руку помощи поверженной Германии. Вершиной советско-германских дипломатических, политических и экономических отношений периода Веймарской республики стал Рапалльский мирный договор, подписанный 16 апреля 1922 года.

Рапалльский договор считается высшей точкой в межгосударственных взаимоотношениях Советской России и Веймарской Германии и по праву принадлежит к числу больших достижений европейской дипломатии межвоенного периода. На протяжении 1950-1980-х гг. советская историография неоднократно возвращалась к анализу и оценке Рапалльского договора. Предпосылки его заключения, ход переговоров и анализ договора освещены в работах И.К. Коблякова, И.А. Росенко, Н.Л. Рубинштейна, Г.М. Трухнова [5. 7. 8. 10]. Рапалльская политика и ее итоги исследуются в монографиях А.А. Ахтамзяна, Г.М. Трухнова, С.В. Никоновой [1. 11. 6].

Характеризуя предпосылки заключения Рапалльского договора, И.А. Росенко отмечает, что само состояние политических и экономических отношений между Советской Россией и Веймарской Германией подталкивало обе страны к подписанию полномасштабного политического и экономического соглашения [7. С. 50-58]. А.А. Ахтамзян, говоря о причинах заключения Рапалльского договора, указывал на то, что подписание договора со стороны Веймарской Германии стало возможным после длительной и сложной борьбы внутри германской политической и экономической элиты [1. С. 31].

Советские историки не оставили без внимания вклад рейхсканцлера Веймарской республики И. Вирта, который он внес в развитие советско-германских отношений в 1921-1922 гг., прежде всего его роль в подготовке и подписании Рапалльского договора. Л.И. Гинцберг указывал на то, что мысль подписать полномасштабный договор с Советской Россией возникла у И. Вирта летом 1921 года [3. С. 65]. И. Вирт рассчитывал получить серьезные экономические выгоды от сотрудничества с Советской Россией [3. С. 67]. Л. И. Гинцберг показывает, как И. Вирт постепенно готовил общественное мнение Германии к осознанию необходимости заключения равноправного договора с Советской Россией.

Основная суть Рапалльского договора сводилась к признанию равноправных дипломатических и экономических отношений между Советской Россией и Веймарской Германией и отказу от взаимных претензий друг к другу. А. А. Ахтамзян называл Рапалльский договор первым крупным успехом политики мирного сосуществования [1. С. 49]. По его словам, договор «...открыл целую историческую полосу в отношениях между двумя странами...» [1. С. 77]. И. А. Росенко характеризовал Ра-

палльский договор как подлинно демократический без аннексий и контрибуций [7. С. 78]. По мнению Л. И. Гинцберга, договор создал новую атмосферу в советско-германских отношениях [3. С. 93]. Кроме того, в отечественной историографии отмечалось, что подписание Рапалльского договора проложило дорогу к дальнейшим успехам молодой советской дипломатии, послужило началом широкого признания советского государства другими капиталистическими странами.

Советско-германские отношения после подписания Рапалльского договора получили свое отражение в работах А. А. Ахтамзяна, С. В. Никоновой, Г. М. Трухнова [1. 6. 10. 11]. Названные авторы характеризовали этот период в развитии советско-германских отношений, как образец политики мирного сосуществования. Например, А. А. Ахтамзян писал в этой связи: «Перспективность рапалльской политики основывалась на взаимной заинтересованности двух стран в политических и экономических отношениях» [1. С. 291].

В советской исторической литературе советско-германские отношения второй половины 1920-х годов подробно исследованы в монографии Г. М. Трухнова [11]. Автор обоснованно утверждает, что с подписанием Рапалльского договора советско-германские отношения развивались по восходящей линии, несмотря на всю сложность международной обстановки. 1926-1929 годы, по мнению Г. М. Трухнова, стали годами наиболее эффективного претворения в жизнь принципов рапалльской политики.

В центре внимания советских историков, прежде всего, находились проблемы, связанные с дальнейшим расширением договорно-правовой базы советско-германского сотрудничества, а именно Московский экономический договор 1925 года и Берлинский договор о нейтралитете 1926 года. Г. М. Трухнов писал, что необходимость заключения широкомасштабного экономического соглашения между Советской Россией и Веймарской Германией была вызвана уточнением экономических аспектов Рапалло, а также стремлением советского руководства, после принятия плана Дауэса и подписанием Локарнского гарантийного пакта, не допустить антисоветского поворота во внешней политике Веймарской республики. Поэтому, по его мнению, «заключение взаимовыгодного договора в такой критический для советско-германских отношений момент было несомненным успехом советской дипломатии...» [10. С. 129]. Однако он недооценивает вклад германской дипломатии в заключение Московского договора. А. А. Ахтамзян подчеркивал, что подписание Московского договора имело большое значение для дальнейшего развития отношений двух стран [1. С. 173].

Некоторые трудности, которые возникли в советско-германских отношениях после 1925 года, советская историческая наука связывала с ло-

карнской политикой правящих кругов Веймарской Германии. Советские историки-германисты давали неоднозначную оценку внешней политики Веймарской Германии в отношении Советской России после Локарно. По их мнению, с одной стороны, Рапалльский договор заложил прочную основу для стабильного развития дипломатических, политических, экономических и культурных контактов между СССР и Германией. С другой – четко наметившаяся линия во внешней политике Веймарской Германии на сближение с западными державами-победительницами способствовала охлаждению первоначальной эйфории по поводу перспектив Рапалло. Иногда это приводило к серьезным осложнениям. Наиболее ярким примером кризисов подобного рода стал налет полиции на советское торгпредство в Берлине 3-го мая 1924 года.

По словам С. В. Никоновой, Локарнский пакт и вступление Германии в Лигу Наций «...в некоторой степени затрудняли советско-германские отношения...» [6. С. 190]. Л. И. Гинцберг, характеризуя общее направление внешней политики Веймара, писал, что «эволюция внешнеполитического курса Германии вызывала в Советском Союзе обоснованные опасения за судьбу советско-германских отношений» [3. С. 143]. А. А. Ахтамзян приходит к выводу о том, что локарнские соглашения и начавшийся поворот Веймарской Германии к сотрудничеству с Западом «...нанесли определенный ущерб рапалльской политике» [1. С. 185].

В результате настойчивых усилий советской дипломатии в 1926 году был подписан Берлинский советско-германский договор о нейтралитете. Г. М. Трухнов оценивал этот договор как новый этап в развитии системы европейской безопасности [10. С. 172, 176]. А. А. Ахтамзян подчеркивал большое значение Берлинского договора в истории двусторонних отношений Советского Союза и Веймарской Германии, который, по его мнению, подтвердил рапалльский курс [1. С. 209].

Советско-германские отношения в 1926 - 1929 гг., после заключения Берлинского договора, оправданно характеризовались советскими историками, как соответствующие духу Рапалло, хотя и не лишённые определенных противоречий, вина за которые была возложена на немецкую сторону [1. 11. 6.]. Определяющим фактором советско-германских отношений в этот период стало экономическое сотрудничество. К середине 1920-х гг. Веймарская Германия превратилась в основного экономического и торгового партнера СССР в Европе. В то же время советские авторы отмечали, что правящим кругам Германии было все сложнее и сложнее выдерживать политику маневрирования между Советским Союзом и Западом.

Экономический кризис начала 1930-х годов, рост реваншистских и милитаристских настроений в Германии сыграли, как полагали советские

историки, отрицательную роль в процессе развития рапалльской политики. Дальнейшее сближение правящих кругов Веймарской Германии с державами-победительницами объяснялось в советской исторической литературе тем, что «...классовые позиции германской буржуазии определяли ориентацию внешней политики на Запад...» [1. С. 235]. Политика мирного сосуществования постепенно сменялась политикой конфронтации.

В. Б. Ушаков усматривал причины отхода Веймарской Германии от курса Рапалло в принятии плана Юнга, который позволил германскому империализму добиться серьезного облегчения его экономического и политического положения [12. С. 130]. А. А. Ахтамзян правильно связывал отход немецкой политической и экономической элиты от духа Рапалло с усилением правых антисоветских кругов Веймарской Германии. Ответственность за фактический разрыв рапалльских соглашений, по его словам, целиком «лежала на реакционных и шовинистических кругах германского капитала» [1. С. 295].

Советские историки отмечали внутривнутриполитическую борьбу в Веймарской Германии по вопросу сохранения курса Рапалло, а также усилия советских дипломатов в этом направлении. Общий вывод советской историографии относительно состояния советско-германских отношений в начале 1930-х гг. сводился к констатации факта их постепенного ухудшения и перехода преимущественно в экономическую плоскость. Мировой экономический кризис вынуждал германский капитал помимо его воли искать пути сотрудничества с СССР.

Таким образом, отечественная историография 1950-1980-х гг. существенно продвинулась вперед в изучении различных аспектов внешней политики Веймарской республики и, в первую очередь, истории советско-германских отношений. Была значительно расширена проблематика исследований, выявлены и проанализированы основные тенденции внешнеполитического курса первой немецкой республики. Очевидно, что эта тематика была одной из наиболее разработанных в советской исторической литературе, посвященной истории Веймарской Германии.

Однако состояние советской исторической науки в вышеуказанный период не позволило историкам-германистам более объективно показать эволюцию внешнеполитической доктрины и практики Веймарской республики. Конечно, применение классового подхода к исследованию внешней политики дает определенный положительный результат в выявлении скрытых пружин внешнеполитических решений. Но абсолютизация такого подхода, как это произошло в советской исторической науке, выводит из поля зрения историков общегосударственные внешнеполитические интересы страны.

Список источников и литературы:

1. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 годах. / А.А.Ахтамзян. - М.: Международные отношения, 1974.
2. Гинцберг Л. И. Пересмотр плана Дауэса и Парижская конференция экспертов 1929 г. / Л.И.Гинцберг // Ежегодник германской истории, 1973. – М.: Наука, 1974. - С. 236-272.
3. Гинцберг Л. И. Друзья новой России: Движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии / Л.И.Гинцберг. – М.: Наука, 1983.
4. Драбкин Я. С. Становление Веймарской республики / Я.С.Драбкин. - М: Наука, 1978.
5. Кобляков И. К. От Бреста до Рапалло: Очерки истории советско-германских отношений в 1918-1922 гг. / И.К.Кобляков. – М.: Госполитиздат, 1963.
6. Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1926 - 1929 гг.: (От плана Дауэса к плану Юнга). / С.В.Никонова. – М.: Наука, 1977.
7. Росенко И. А. Советско-германские отношения (1921 - 1923). / И.А.Росенко. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965.
8. Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921-1925 годах. / Н.Л.Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1953.
9. Трухнов Г. М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции (16 июля - 16 августа 1924 г.). / Г.М.Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1959.
10. Трухнов Г. М. Поучительные уроки истории: Три советско-германских договора (1922-1926 гг.). / Г.М.Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1979.
11. Трухнов Г. М. Рапалло в действии: Из истории советско-германских отношений (1926-1929 гг.). / Г.М.Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1982.
12. Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. / В.Б.Ушаков. – М.: Изд-во ИМО, 1958.
13. Фарбман Н. В. Германский империализм на пути к ревизии репарационных постановлений Версальского договора (1920-1922 гг.) / Н.В.Фарбман // Ежегодник германской истории, 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 196-224.
14. Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998.

УДК 338.2

Д.В. Офицеров-Бельский
Кандидат исторических наук, доцент,
декан Социально-гуманитарного
факультета НИУ ВШЭ-Пермь

Россия, г.Пермь, ул. Студенческая
38 – 105.
тел. +7 (912) 9889400,
e-mail: DmitriyBelskiy@gmail.com

D.V. Ofitserov-Belskiy
National Research University Higher
School of Economics.
PhD in History, Associate Professor,
Dean of Social and Humanity Sciences
faculty.
Russia, Perm, Studencheskaya ulica 38-
105. tel. +7 (912) 9889400
e-mail: DmitriyBelskiy@gmail.com

Д.В. ОФИЦЕРОВ-БЕЛЬСКИЙ **ИМИТАЦИЯ ПАРТНЕРСТВА: ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ** **ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА**

Польско-германские отношения на протяжении веков были непростыми, и современная Польша унаследовала из прошлого большой груз исторических обид и подозрений. Однако в начале этого десятилетия обе страны демонстрировали все признаки партнерства на международной арене. В статье говорится о том, что практического сотрудничества по наиболее важным вопросам все же не было, объем противоречий был достаточно велик и появление напряженности между двумя странами связано, прежде всего, с разочарованием польской стороны в сложившемся формате отношений с Германией.

Ключевые слова: Польша, Германия, польско-германские отношения

D.V. OFITSEROV-BELSKIY **IMITATION OF PARTNERSHIP: POLISH-GERMAN RELATIONS** **ON THE BACKDROP OF EUROPEAN CRISIS**

Polish-German relations over the centuries was complicated and contemporary Poland has inherited from the past a big load of historical grievances and suspicions. However, at the beginning of this decade, both countries showed all signs of partnership in international agenda. The article says that practical cooperation on critical issues still have not been and amount of controversy was large enough. The tense in relations between the two countries is outcome, primarily, of disappointment of Polish politics in existing format of relations with Germany.

Keywords: Poland, Germany, Polish-German Relations

Польско-германские отношения в своей новейшей истории пережили несколько этапов. После падения железного занавеса, а заодно и Берлинской стены, и последовавшего подписания Маастрихтских соглашений в 1992 году, давших начало ЕС, Германия не торопилась претендовать на европейское лидерство. Вместе с тем, она заняла наиболее активную позицию среди западноевропейских стран в вопросах сотрудничества с

бывшими соцстранами – это касалось не только политики, но и экономики. Среди стран региона Польша занимала особое место в германской внешней политике и была изначально символически выведена в ранг равного партнера в качестве участника Веймарского треугольника.

При этом, Германия была сложным партнером для прочих европейских стран, включая кандидатов на вступление в ЕС. Причем специфика этой сложности заключалась в том, что германские власти опасались формулировать внешнеполитические задачи исходя из определения национального интереса и вообще избегала отстаивать его на международной арене. В этом смысле Германия долгое время была страной с отсутствующим четким внешнеполитическим вектором, испытывавшей дефицит внешнеполитического напряжения и неспособной предложить достаточную глубину партнерства.

Ситуация серьезно изменилась в ходе развернувшегося в конце прошлого десятилетия экономического кризиса. Неявность внешнеполитических амбиций вкупе с очевидным экономическим преобладанием в Европе сделали Германию консенсусным лидером ЕС. Стало очевидно, что основные европейские институты, усиленные Лиссабонскими соглашениями, все не могут взять на себя ответственность за дальнейшее углубление европейской интеграции. Причем и для США, что немаловажно, Берлин в то же время стал основным европейским партнером, если не считать Великобритании. Старый шутиливый вопрос Г.Киссинджера: «Куда мне позвонить, если я хочу позвонить в Европу», – в определенной мере стал просто шуткой.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Германия ставшая партнером «номер один» практически для каждой страны в экономическом смысле, обрела столь же важный статус и в политическом аспекте. Польша не была исключением. Американский фактор тоже сыграл здесь свою весомую роль. Можно заметить, что современная Польша стремится синхронизировать свою политику с американской едва ли не по всем направлениям, делая это вовсе не по причине какой-либо экстраординарной зависимости, а создавая тем самым предпосылки для увеличения плотности политических коммуникаций и дальнейшего углубления сотрудничества. Одним из первых шагов администрации Б.Обамы было обновление отношений со странами «старой Европы», заметно испорченных в период его предшественника. В контексте этих изменений, Польша, претендовавшая на особое партнерство с США проявляла обеспокоенность возможной потерей статуса своих отношений, и предпочла реанимировать свои связи с Германией и проявлять большую лояльность в отношениях с Брюсселем.

Нужно отметить, что прежде отношения с Германией находились на очень низком уровне и были худшими, сравнительно с любой другой

европейской страной. Но с победой Б. Коморовского на президентских выборах 2010 г. началось их постепенное оживление. Однако выступление польского министра иностранных дел Р. Сикорского 29 ноября 2011 г. на Берлинском форуме по внешней политике прозвучало, как гром среди ясного неба. Польша всегда была нелегким партнером для остальных членов ЕС и нередко требовала для себя особых условий и привилегий, теперь сама заявила о необходимости отказа для стран ЕС от части своего суверенитета в пользу институтов ЕС и о скорейшем превращении Евросоюза в подобие Соединенных Штатов Европы. Опережая вопросы о том, что подобное развитие событий неизбежно приведет к германской гегемонии, Р. Сикорский пояснил, что считает наибольшей угрозой для безопасности и процветания Польши не терроризм, не российские ракеты и не немецкие танки, а возможный единой Европы. "Я требую от Германии, – сказал Р. Сикорский, – чтобы она, ради вашей и нашей общей пользы, помогла еврозоне выжить и процветать. Вы знаете, что никто другой не сможет этого сделать. Наверное, я буду первым в истории министром иностранных дел Польши, который это скажет: Я начинаю меньше бояться немецкой мощи, чем немецкого бездействия" [7].

Речь Р. Сикорского сразу же была подвергнута острой критике в собственной стране. Лидер парламентской оппозиции Я. Качиньский даже инициировал голосование в Сейме о вотуме недоверия министру иностранных дел, а также собрал противников прогерманской ориентации на уличном митинге. Основные подвергнутые критике заявления министра были сделаны не на его выступлении, а во время ответов на вопросы, которые, разумеется, не были согласованы с премьер-министром или президентом. Поэтому оба они после выступления Р. Сикорского заняли выжидательную позицию и не сразу решились комментировать его слова. Достаточно уклончиво прокомментировал выступление Р. Сикорского пресс-секретарь польского правительства П. Граш, заявивший, что содержание выступления было согласовано в целом, но не во всех деталях, и вообще оно носило неформальный характер и не отражает позицию правительства*. Президент Польши Б. Коморовский, который в момент выступления Р. Сикорского находился с визитом в Киеве, по всей видимости, вообще был застигнут врасплох выступлением Р. Сикорского и заме-

* В пояснениях журналистам П. Граш сказал следующее: "Не до каждой запятой, однако не только с господином премьером, но и с другими польскими политиками господин министр Сикорский говорил об этом прежде вполне определенно. Это выступление было сделано после консультаций, скажем так." См.: Graś: przemówienie Sikorskiego było konsultowane z Tuskiem // Wprost. 12.01.2011. URL: <http://www.wprost.pl/ar/281364/Gras-przemowienie-Sikorskiego-bylo-konsultowane-z-Tuskiem/>.

тил, что подобного рода заявлениям должна предшествовать дискуссия внутри страны [8]. Впоследствии премьер-министр Д. Туск, выступая 14 декабря в Европарламенте по случаю окончания шестимесячного председательства Польши в ЕС, смягчил прогерманскую позицию министра иностранных дел, заявив, что "лидерство в ЕС не может быть лидерством одной, двух или трех стран, даже самых сильных. Это должно быть лидерство, основанное на европейских институтах" [5].

Несмотря на то, что Польша всегда демонстрировала особое видение европейских интересов, которое зачастую принимают за евроскепсис, в годы нахождения у власти «Гражданской платформы» стала заметна тенденция к сближению общеевропейских и польских национальных интересов. В вопросе продолжения и углубления европейской интеграции между Брюсселем и Варшавой в начале нынешнего десятилетия практически не осталось противоречий, которых было немало прежде, в период президентства Л. Качиньского. Более того, польские политики пошли впереди изменений, требуя ускорения процесса интеграции. Интерес Польши, каким его видел кабинет Д. Туска, состоял в том, чтобы не допустить начала европейской дезинтеграции и не остаться на периферии Европы слабым игроком, зажатым между Германией и Россией. Руководство Польши стало рассматривать альянс с Берлином как инструмент более успешной европейской политики, хотя именно на этом направлении он принес наименьшие результаты. Поддержка Германии обернулась для правительства Д. Туска лишь ответными комплиментами из уст федерального канцлера и сильной критикой оппозиции на родине. Польскому премьеру даже пришлось заявить, что "нельзя оставлять Европу Парижу и Берлину" [6].

Одной из дилемм интеграции для Польши в тот момент стал выбор между регионализацией европейского политического пространства и центростремительным движением стран, пытающихся обрести устойчивость при поддержке ключевых европейских держав. Выражением последней тенденции и стала вышеупомянутая речь Р. Сикорского. Интерес Польши представляется двояким. С одной стороны, польская дипломатия сама всячески стимулировала процессы регионализации, по крайней мере, в восточной части Европы, и прежде активно сопротивлялась "германской гегемонии" и "диктату Брюсселя". С другой стороны, именно польские политики всегда настаивали на консолидированной позиции европейских стран в вопросах восточной политики, обороны и энергетической безопасности. Каждый из этих вопросов был важной составляющей польско-германской повестки отношений.

Одним из наиболее результативных с точки зрения интересов Польши стало сотрудничество с Германией на восточном направлении. Здесь

оно решало целый ряд проблем. Первая и по сей день состоит в том, что польскую дипломатию на постсоветском пространстве не воспринимают в полной мере всерьез, и определяющую роль в контактах с Европой отводят Германии*. В то же время Германия стремится к руководству, а не к монополизации восточной политики ЕС, что и побуждает немецких дипломатов к более активному сотрудничеству с Францией, Польшей и рядом других стран. Другая проблема польской восточной политики связана с форматом "Восточного партнерства" – программы, инициатором которой была сама польская дипломатия. Реализация программы привела к тому, что произошло фактическое разделение политики в отношении России и прочих стран постсоветского пространства. При этом польская дипломатия фактически утерья любые возможности инициативы в отношениях ЕС и России, заняв менее привлекательную политическую нишу куратора демократического процесса в Беларуси, Украине и ряде других стран. Тогдашняя польская правая оппозиция рассматривала это как большую политическую ошибку, обвиняя в недальновидности кабинет Д. Туска и персонально министра Р. Сикорского. Сближение с германской политикой на восточном направлении должно восстановить цельность польской политики на постсоветском пространстве.

Сотрудничество польской и германской дипломатий шло как в двустороннем режиме, так и в расширенном, с участием Франции. Возрождение формата "Веймарского треугольника", по сути, представляло собой попытку влить новое вино в старые мехи и служило задачам выработки общей линии в вопросах внешней политики и безопасности. Эта тематика доминировала на совещаниях стран "Веймарского треугольника", но была явно второстепенной по отношению к более актуальным сейчас экономическим проблемам. Считать "Веймарский треугольник" полноценным тройственным сотрудничеством вряд ли можно, правильнее вести речь о двух парах сотрудничества – франко-германской и германо-польской. В первом случае сотрудничество изначально существенно шире веймарского формата и охватывает наиболее актуальные вопросы европейской политики – прежде всего экономические, обсуждение которых Польше не полагалось ни по статусу, ни по причине отказа от всту-

* Директор русских программ финского Института международных отношений Аркадий Мошес полагает, что Германия играет ключевую роль в выработке политики Евросоюза в отношении восточноевропейских соседей: "Речь идет о том, что необязательно прятаться за спинами тех стран, которые действительно имеют особые интересы в регионе, есть смысл вывести на арену европейского тяжеловеса". См.: Вестервелле и Сикорский попытаются донести до Лукашенко послание Евросоюза // Deutsche Welle. 01.11.2010. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6180143,00.html>.

пления в зону евро. Во втором случае отношения были построены вокруг достаточно второстепенных в начале этого десятилетия вопросов внешних связей, безопасности и энергетики.

Несмотря на то, что между Польшей и Германией был найден общий язык, имелись и расхождения. Со стороны Польши были слышны требования о необходимости значительного увеличения финансирования европейской внешней политики и программ в сфере безопасности. По умолчанию предполагалось, что основное бремя затрат должно лечь на Германию, к чему кабинет А. Меркель до начала широкого противостояния с Россией был совершенно не готов. Противоречия во франко-польских отношениях были заметны еще в период председательства Польши в ЕС во второй половине 2011 г. В частности, Польша встретила активное сопротивление французской дипломатии в вопросе участия в заседаниях стран еврозоны, и подписание бюджетного пакта в январе 2012 г. могло вообще не состояться. Польскую позицию в этом вопросе тогда поддерживала Германия, впрочем, не очень активно. "Веймарский треугольник" в начале десятилетия обрел новые грани политического сотрудничества, но перспективы его уже тогда были очень сомнительны. Лимиты консенсуса были быстро определены и исчерпаны, а вероятность нарастания противоречий изначально была очень велика. Обострение ситуации на Украине и противостояние великих держав потребовали не только распределения конфликтных ролей, но и определения участников переговорного процесса. В Польше возлагали определенные надежды на то, что именно «Веймарская тройка» будет представлять позицию Европы в украинском конфликте и его обсуждении с Россией. Почти так и вышло, только без Польши. В Варшаве считают, что Германия не приложила усилий для того, чтобы включить Польшу в нормандский переговорный формат. Надежды на то, что украинский кризис реанимирует «треугольник» по сути рухнули – произошло прямо противоположное.

Взаимопонимание и сотрудничество с Польшей складывались преимущественно в тех вопросах, в которых Германия не была готова действовать в одиночку – в силу неготовности или же по имиджевым причинам. Это внутриевропейские вопросы, в которых поддержка Польши имела значение, а также политика на постсоветском пространстве. Теневая роль Германии в проекте «Восточное партнерство» всегда была очень существенна, но его непосредственным куратором выступала именно Польша. Понимая, что конфликтный потенциал «Восточного партнерства» достаточно высок, германская дипломатия была рада передать ответственность за него Польше, готовой к обострению отношений с Россией. В Варшаве не сразу поняли, что фактически это означало разделение восточной политики ЕС на две практически самостоятельных составляющих – отно-

шения с Россией и всеми прочими странами европейской части постсоветского пространства. Соответственно, из первой польская дипломатия оказалась практически исключена и лишь позже, в качестве своего рода компенсации, германская дипломатия стала привлекать Польшу к переговорному процессу с Москвой. Первая трехсторонняя встреча министров иностранных дел С. Лаврова, Г. Вестервелле и Р. Сикорского прошла в Калининграде в мае 2011 г., где были продолжены переговоры о введении "ограниченного" безвизового режима, а также обсуждались вопросы сотрудничества Российской Федерации с НАТО и ЕС. По заверениям Г. Вестервелле, трехсторонние переговоры глав МИД России, Германии и Польши должны были стать регулярными [4]. Следующая встреча прошла в Берлине 21 марта 2012 г., и хотя прежде было заявлено, что на ней будут обсуждаться вопросы общей истории трех народов, основное внимание было уделено актуальным проблемам [3]. Главным образом обсуждался сирийский вопрос, что несколько повышает международный статус польской дипломатии, так как вовлекает ее в обсуждение вопросов, относящихся больше к компетенции держав.

Для российской дипломатии участие в многосторонних встречах с европейскими представителями было нарушением традиционной тактики выстраивания двусторонних отношений с одними государствами и игнорирования других. К числу первых всегда относилась Германия, а к последним – Польша. Трехсторонний формат в определенной мере позволял говорить с Россией от лица единой Европы, что отчасти компенсировало переговорную слабость европейских институтов и отдельных стран. Однако сложно было рассчитывать на то, что российская дипломатия согласится обсуждать в трехстороннем формате действительно важные вопросы, тем более относящиеся к общеевропейским интересам. Последующий рост конфронтационных настроений на Западе стал одной из причин, почему многосторонний переговорный формат не прижился.

Отношения России с европейскими партнерами и США стали гораздо более напряженными еще со второй половины 2011 г. – на это повлияло продвижение в планах США по ПРО в Европе и критика антидемократических тенденций в России. Демонстративным жестом стало направленное 8 ноября 2011 г. совместное открытое письмо Г. Вестервелле и Р. Сикорского к верховному представителю ЕС по внешней политике и безопасности К. Эштон, посвященное отношениям с Россией. Министры признали, что "между ЕС и Россией сохраняются разногласия" и подвергли критике современные тенденции российской политики, подчеркивая недопустимость пренебрежения европейскими ценностями в отношениях с Москвой. Вместе с тем была отмечена необходимость преодоления политической и экономической летаргии в отношениях России и ЕС [2].

В письме, наряду с отмеченной необходимостью разработки новой стратегии ЕС в отношении России, одновременно сообщалось, что штабы планирования внешнеполитических ведомств Германии и Польши уже разработали концепцию стратегического партнерства. Оба заявления вызывают недоумение, так как заведомо ставят прочие европейские страны в положение, при котором они попросту должны присоединиться к предложениям Берлина и Варшавы. Впрочем, таких предложений потом не последовало, хотя причины этого могут быть разные – в том числе и то, что Польша и Германия так и не смогли согласовать эту концепцию. Возможно, этой концепции не было вообще, а само заявление имело демонстративный характер.

Эта, очень позитивная картина сотрудничества двух стран в начале нынешнего десятилетия представляла собой полную внешних эффектов имитацию партнерства. Фактическое положение дел, напротив, демонстрировало неготовность Берлина включать Варшаву в обсуждение ключевых вопросов европейской политики, рассматривать как формирующую повестку сторону и учитывать ее позицию при выработке решений. Очень характерным является пример «Северного потока» и «Северного потока-2». Во время обсуждения первого проекта Польша многократно выступала против их реализации, критикуя экономические и политические основания проектов, а министр иностранных дел Р. Сикорский даже приравнивал первый из них к пакту Молотова-Риббентропа [9]. Однако эти возражения практически не рассматривались в Германии, что вполне естественно, но все же не соответствует логике близкого партнерства с Польшей.

Отношения двух стран серьезно изменились после парламентских и президентских выборов в Польше, которые привели к власти прежнюю правую оппозицию. Внешне осложнения выглядели как следствие недемократических тенденций в самой Польше. Однако они были логичным результатом асимметричных отношений, сложившихся между двумя странами в прошлые годы, когда Варшава была ведомой за Берлином, но не была способна извлекать из этого выгоды. К тому же Германия стала испытывать серьезные проблемы в европейской политике, связанные с перспективами выхода Великобритании из ЕС, миграционным кризисом, ослаблением авторитета Еврокомиссии и общим ростом евроскепсиса, все чаще приобретающего антигерманский оттенок. Восточная политика ЕС, в которой прежде роль Германии росла, в итоге оказалась провальной – «Восточное партнерство» фактически потерпело крах, а кризис и гражданская война на Украине оказались для Берлина отнюдь не источником политических возможностей. Слабость германской дипломатии постепенно привела к снижению ее влияния на постсоветском пространстве и замещению его американским. Картину кризиса германского лидерства в

Европе дополняет перспектива скорого ухода А. Меркель с поста канцлера, что ожидается в 2017 году. В этих условиях польские власти нацелены на выстраивание отношений уже с новым руководством Германии.

Все это в совокупности обесценило для Польши сотрудничество с Германией на данном этапе. В Польше предпочли не реагировать на критику Берлина по вопросу свободы СМИ, большая часть которых принадлежит германскому бизнесу, а также по вопросу реформы Конституционного суда. Последний породил серьезнейшую критику в ЕС, но это не заставило поменять курс польской национальной политики. Более того, новые польские власти пошли на прямой вызов Берлину, выступив с жесткой оппозицией предложенному А. Меркель проекту переселения мигрантов по квотам. Цели Польши в этом противостоянии заключались не столько в принципиальном нежелании принимать арабских мигрантов, сколько в подрыве директивной роли Еврокомиссии и дальнейшем ослаблении германского лидерства в Европе. Сейчас Польша является едва ли не ведущим европейским лоббистом изменения ключевых договоров ЕС, в частности Лиссабонского и Шенгенского соглашений. Такая политика, разумеется, не находит понимания в Берлине и служит еще одним источником напряжения в отношениях двух стран.

В перспективе отношения двух стран могут улучшиться, даже при нынешней власти в Польше. Однако возвращение к полноценному партнерству маловероятно, но не по причине слишком далеко зашедших разногласий, а потому, что такого партнерства никогда не было. Была его имитация и готовность Германии удовлетворять некоторые имиджевые запросы польских партнеров – от совместных переговоров с Россией, до открытой демонстрации общей позиции в ряде международных проблем и продвижения кандидатуры Д. Туска на пост главы Европейского Совета. Именно отсутствие практического смысла, а не субъективные политические факторы, стало решающей причиной его фактического разрыва.

Список источников и литературы:

1. Вестервелле и Сикорский попытаются донести до Лукашенко послание Евросоюза // Deutsche Welle. 01.11.2010. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6180143,00.html>.
2. Германия и Польша разработали новую стратегию ЕС для России: перемены в тандеме "не вселяют надежд" // Газета.ru. 13.11.2011. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/11/13/n_2093686.shtml.
3. Главы МИД России, ФРГ и Польши обсудят общую историю // Взгляд. 20.01.2012. URL: <http://vz.ru/news/2012/1/20/555273.html>.
4. Переговоры глав МИД РФ, ФРГ и Польши будут проходить регулярно – Вестервелле // Trend. 21.05.2011. URL: <http://www.trend.az/regions/world/europe/1879828.html>.

5. Туск: "Евросоюз – на краю пропасти" // Euronews. 14.12.2011. URL: <http://ru.euronews.net/2011/12/14/eu-presidency-slams-eurosceptic-britain/>.

6. Donald Tusk dla "Corriere della Sera": nie można zostawić Europy Paryżowi i Berlinowi // Gazeta Wyborcza. 19.01.2012. URL: http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114873,10991824,Donald_Tusk_dla_Corriere_della_Sera_nie_mozna_zostawic.html.

1. Polska a przyszłość Unii Europejskiej. Radosław Sikorski, Minister Spraw Zagranicznych RP. Berlin, 28 listopada 2011 r. URL: http://www.msz.gov.pl/files/docs/komunikaty/20111128BERLIN/radoslaw_sikorski_polska_a_przyszlosc_ue.pdf

7. Prezydent: Zabrakło dyskusji przed wystąpieniem Sikorskiego // Rzeczpospolita. 30.11.2011. URL: <http://www.rp.pl/artikul/762403.html?print=tak&p=0>.

8. Sikorski: niech Rosja wyjaśni, dlaczego protestuje przeciwko amerykańskiej bazie w Polsce. Wiadomości, 28.07.2006. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,9271,wid,8421192,wiadomosc.html?ticaid=117ea9>.

УДК 338.2

С.И.Дмитриева
Воронежский государственный
университет,
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры
международных отношений
и мировой политики
Россия, г.Воронеж,
тел. +7 (473) 2247402,
e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de

S.I.Dmitrieva
Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor
of International Relations and World
Politics Chair, International Relations
Department
Russia, Voronezh,
tel. +7 (473) 2247402
e-mail: sophia_dmitrieva@yahoo.de

В.Н. Морозова
Воронежский государственный
университет,
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений
и мировой политики факультета
международных отношений,
Россия, г. Воронеж, тел. (473)
224-74-02; e-mail: ipd.vsu@gmail.com

V.N. Morozova
Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of
International Relations and World Politics
Chair, International Relations Department
Russia, Voronezh, tel. (473) 224-74-02;
e-mail: ipd.vsu@gmail.com

С.И. ДМИТРИЕВА, В.Н. МОРОЗОВА НОВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ: СПУСТЯ ШЕСТЬ ЛЕТ

В статье подводятся промежуточные итоги реализации «Энергетической стратегии 2050» в Германии. Авторы выявляют факторы, оказы-

вающие влияние на ход преобразований, и приходят к выводам о неоднозначном восприятии результатов энергетической политики немецкого правительства последних лет.

Ключевые слова: ФРГ, энергетическая стратегия, энергетический поворот, энергетическая политика

S.I. DMITRIEVA, V.N. MOROZOVA

THE NEW ENERGY POLICY OF GERMANY: 6 YEARS LATER

The article is devoted to the preliminary assessment of results of Germany's "2050 Energy strategy". Authors mark factors, which influence the process of transformation and come up with a conclusion that the results of Germany's government energy policy are rather ambiguous.

Key words: Germany, energy strategy, energy turn, energy policy

В сентябре 2010 года правительство ФРГ приняло «Энергетическую концепцию – 2050». С тех пор в общественную жизнь ФРГ прочно вошло новое выражение – «энергетический поворот» (Energiewende). Н.В. Сухан, исходя из движения в сторону устойчивого энергообеспечения за счет возобновляемых источников энергии наряду с отказом от использования ископаемого топлива, предлагает другие варианты перевода данного термина, например, «энергетическая трансформация» и «энергетический переход» [3. С.291].

Согласно официальной оценке федерального правительства, новая энергетическая политика представляет собой «путь в безопасное, экологичное и экономически успешное будущее» [7]. С помощью этой программы правительство ФРГ намерено как можно быстрее достичь века возобновляемой энергии. Германия должна стать одной из самых эффективных и экологичных экономик мира при сохранении конкурентоспособных цен на энергию и высокого уровня жизни [подробнее об этом: 2].

Программа Федерального министерства экономики и энергетики, одобренная в июне 2014 года, включает 10 пунктов:

1. поддержка сектора возобновляемых источников энергии с целью повышения его конкурентоспособности;
2. создание Европейской рамочной концепции в сфере климата и энергетики – 2030 и реформирование системы эмиссионной торговли (ETS);
3. трансформация рынка электроэнергетики с целью повышения его эффективности при возрастающей роли возобновляемой энергии;
4. углубление регионального сотрудничества в рамках ЕС, дальнейшая интеграция европейского внутреннего энергетического рынка;
5. строительство новых и усиление существующих энергопроводящих сетей;

6. модернизация распределительных сетей с помощью ввода «умных» измерительных систем;

7. усиление стратегии энергоэффективности за счет принятия Национального плана действий в сфере энергетики (NAPE);

8. принятие стратегии повышения энергоэффективности зданий (ESG) в целях достижения к 2050 году их нейтрального состояния для климата;

9. так как четверть энергопотребления Германии обеспечивается за счет газа, предусмотрено создание максимально безопасных условий для этого в дальнейшем;

10. мониторинг реализации энергетической стратегии «Энергия будущего» и участие в процессе общественных объединений [8].

С момента принятия «Энергетической концепции – 2050» прошло шесть лет. Сегодня можно констатировать следующее. Во-первых, сейчас 25% всей энергии в ФРГ производится из ветра, солнца, биомассы и воды. Для сравнения: в 2010 году этот показатель составлял 16%, запланировано достичь 35 % к 2020 году [11. S.11]. Во-вторых, это предоставляет 371.000 рабочих мест. В-третьих, такой подход стимулирует инвестиции: только в 2014 году 18,8 млрд. евро было вложено в возобновляемые источники энергии, 44 млрд. евро – в санирование зданий, а это, в свою очередь, способствует развитию машиностроения, строительной отрасли, транспортной сферы. В-четвертых, использование альтернативных источников энергии позволяет сократить импорт традиционных энергоносителей. Так, один только 2013 год принес 9,1 млрд. евро экономии [4. S.2].

Согласно официальной информации Министерства экономики и энергетики, практически все из 10 пунктов уже реализуются [8]. Принятием нового пакета законов 8 июля 2016 года была открыта следующая глава в истории энергоповорота.

По признанию министра экономики и энергетики Зигмара Габриэля, до принятия этого пакета министерству пришлось иметь дело с отдельными проектами и направлениями в сфере энергетики, практически не связанными между собой. В данной связи речь идет об исправлении допущенных ошибок и структурировании всех начинаний таким образом, чтобы обеспечить не только устойчивую взаимосвязь и целостность всей стратегии, но и сделать энергетическую трансформацию «бесповоротной» [5].

Пакет состоит из трех законов. Первый, так называемый EEG 2017, представляет собой модификацию закона о возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) от 2014 года. В нем были заложены механизмы субсидирования отрасли и гарантированы жесткие тарифы, что по замыслу

правительства, должно было способствовать конкурентоспособности отрасли. В процессе реализации закона достигнуты следующие промежуточные показатели: использование энергии ветра находится на 1 месте из всех ВИЭ и составляет 8%. ФРГ занимает 3 место в мире по объему ветроэнергии после КНР и США [4. S.3]. На втором месте уже несколько лет удерживается энергия солнца благодаря таким технологиям как фотоэлектрические панели и солнечные коллекторы. На территории Германии установлено уже порядка 1,4 млн. солнечных батарей [4. S.4].

EEG 2017 предусматривает отказ от политики государственного регулирования цен в сфере ВИЭ и переход на следующий уровень – к рыночным механизмам, в условиях которых главным показателем является наличие большого числа разнообразных акторов в данном сегменте рынка. За счет их свободной конкуренции правительство намерено перешагнуть изначально поставленную планку и к 2025 году достичь по ВИЭ показателя в 45% [8].

Два других закона принятой в июле триады касаются дальнейшего развития рынка электроэнергии и электронного измерения энергопотока. В сфере электроэнергетики предусмотрено свободное ценообразование и повышенная ответственность производителей. Что касается электрификации (дигитализации, как это называется в Германии) энергетики, то здесь речь идет об интеллектуальных измерительных системах, платформах, позволяющих управлять энергопотоками. Прежде всего, имеются в виду инновационные технологии Smart Grid, Smart Meter и Smart Home, старт которых правительство официально открывает принятием нового закона [8].

За прошедшее с момента обнаружения «Энергетической стратегии – 2050» время произошли небезынтересные сдвиги и открылись новые технологические нюансы в сфере энергоэффективности жилого сектора. В частности, оказалось, что так называемый «эффективный дом» (Effizienzhaus) эффектен, но неэффективен, поскольку его проектирование и строительство обходятся дорого (экспериментальный дом в Берлине обошелся в 2,2 млн. евро), а само планирование энергоэффективности уже после его постройки и заселения отнимает много времени и сил [9].

Программа санирования жилья является составной частью общей стратегии повышения энергоэффективности жилого фонда, поскольку за счет санирования можно добиться существенного сокращения теплопотерь. Дело в том, что $\frac{3}{4}$ так называемого «старого жилого фонда» насчитывают более чем 30 лет. Системы отопления в этих зданиях не соответствуют сегодняшнему дню. Предлагается за счет использования новых технологий сократить энергопотери старых зданий на 80%, а заодно существенно увеличить долю использования возобновляемых источников

энергии. Программа проводится при федеральной поддержке, свой вклад вносят также федеральные земли. Начиная с 2006 года saniровано уже 4,3 млн. единиц жилья [10. S.5]. Однако в процессе реализации программы обнаружилась более высокая пожароопасность saniрованных зданий, что снизило интерес к использованию новых энерготехнологий. Для уже построенных домов действуют предыдущие стандарты. Правда, с 2013 года работает новое правило: для каждого дома необходимо заполнить энергетический паспорт, который владельцы жилья должны предъявлять квартиросъемщикам и агентствам недвижимости. Энергопаспорт выдается на 10 лет и стоит от 300 до 500 евро. Владельцы жилья, не выставяющие его на продажу и не сдающие в аренду, имеют право не оформлять энергопаспорт. Но в случае нарушения с них взимается штраф. Введение энергопаспортов служило сразу нескольким задачам – позволило создать дополнительный источник дохода в государственный бюджет и новые рабочие места, однако усложнило аренду–продажу жилья и на стоимости, естественно, отразилось. В данной связи вполне очевидно частое недовольство простых немцев новой практикой.

Электромобили – это еще один важный сегмент новой энергетической программы, о развитии которого немало говорят статистические данные. В 2012 году на 43 миллиона автомобилей на бензиновом, дизельном и газовом топливе в Германии приходилось 4,5 тысячи электромобилей [1]. В 2015 году было зарегистрировано 12 000 электромобилей. В 2016 году по немецким дорогам ездят около 20 000 е-мобилей [7]. С одной стороны, тенденция роста, безусловно, налицо. С другой, в общем количестве автомобилей – 44 миллиона – приведенные выше числа просто растворяются, определенно далеки они и от поставленной цели – 1 миллион электромобилей в 2020 году. Покупатели е-мобилей на 10 лет освобождаются от уплаты транспортного налога. Но это, на первый взгляд, неоспоримое преимущество по сравнению с другими автовладельцами не вызвало ажиотажного спроса на данную категорию автомобилей. Причины вполне объяснимы: электромобили дорогие, едут без подзарядки от 30 до 60 км, заправочных станций для них, по оценкам потребителей, мало – около 5000 по всей территории Германии [7]. Крупные автопроизводители делают ставку на гибридные автомобили, но и они существенно дороже обычных и по-прежнему довольно медленные. Хотя за последние несколько лет на автомобильном рынке появился достойный образец электрокара. Речь, разумеется, о марке «Тесла», е-мобили которой способны ускоряться от 0 до 100 км/ч за 4,4 секунды. Но представляется, что при цене от 76 000 до 150 000 евро в зависимости от модели этот электрокар еще долгое время будет оставаться предметом роскоши для обычных граждан.

В результате развития ситуации вокруг электромобилей в Германии возник каламбур «рынок эко-автомобилей не заводится» [7] и появилось альтернативное предложение об экологичном общественном транспорте. Согласно расчетам, 10000 электроавтобусов могут сократить выбросы CO₂ в таком же объеме, как 1 млн. электромобилей [7]. Плюс электроавтобуса состоит еще и в том, что он значительно комфортнее е-мобиля и технически удобнее, ведь остановки общественного транспорта известны заранее, и в это время его можно подзаряжать.

Несмотря на вполне оптимистичные итоги, которые подводит федеральное правительство [4, 9], взгляды рядовых потребителей на возможности, предоставляемые так называемым «энергетическим поворотом», несколько иные. Проект «Эффективный дом» не оправдал ожиданий в полной мере в связи с большой затратностью, электромобили пока не вызывают ажиотажного спроса. В секторе возобновляемых источников энергии произошел откат, связанный с резким падением цен на нефть в 2015 году. Единственным по-настоящему успешным сегментом пока является санирование зданий. Однако в обществе существует довольно ощутимое сопротивление введению энергопаспортов и самому санированию. Поскольку любые общественные перемены находят моментальное отражение в языке, в Германии появились выражения «Öko-Wahn-Land» (страна с эко-манией), «Dämm-Dich-Kaputt-Gesellschaft» (общество-засагнируй-себя-до-смерти).

Таким образом, несмотря на федеральное финансирование и повсеместную информационную поддержку «Энергетической стратегии – 2050», реализация ее отдельных сегментов оказалась непростой задачей. Не в последнюю очередь это связано с масштабностью самого проекта, который вызывает и удивление, и восхищение одновременно. Эксперты отмечают при этом, что «только сама попытка этого энергетического поворота уже изменила Германию так сильно и устойчиво, как никакая другая политическая инициатива последних 20 лет» [6. S.164]. Помимо эпической широты задачи, на реализацию, безусловно, влияет международная экономическая конъюнктура, где слишком много переменных, как, например, волатильность нефтяных цен, интересы крупных игроков, а также возможности обычных граждан, далеко не каждый из которых может себе позволить высокие и потому весьма затратные экостандарты.

Список источников и литературы:

1. Бушуев М. Меркель верит в электромобили. 02.10.2012. Deutsche Welle. – URL: <http://dw.de/p/16IK7> (дата обращения 14.09.2016)
2. Дмитриева С.И. Энергетическая концепция ФРГ и начало ее реализации

/ С.И.Дмитриева // Международные отношения и инновационное обновление России: экономические и политические тенденции глобального и регионального развития. Сборник материалов международной научной конференции. – Воронеж, 2012. – С.36-40.

3. Супян Н.В. Особенности процесса энергетической трансформации в ФРГ / Н.В.Супян // Современная Германия. Экономика и политика: [монография] / Под общ. ред. В.Б.Белова; Федеральное гос.бюдж.учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. Наук. – М.: Издательство «Весь мир», ИЕ РАН, 2015. – С. 291-304.

4. Bilanz zur Energiewende 2015. – URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/2015/03/2015-03-23-bilanz-energiewende-2015.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения 09.10.2016)

5. Bundesminister Gabriel vor dem Deutschen Bundesrat. Rede zum Gesetz zur Einführung von Ausschreibungen für Strom aus erneuerbaren Energien und zu weiteren Änderungen des Rechts der erneuerbaren Energien am 8.7.2016. - Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. - URL: <http://www.bmwi.de/DE/Themen/Energie/energiewende,did=773264.html> (дата обращения 09.10.2016)

6. Dempsey J. Das Phänomen Merkel. Deutschlands Macht und Möglichkeiten. Hamburg, 2013. – 201 S.

7. Der Markt kommt nicht in Fahrt. - Deutschlandfunk. 19.02.2016. - URL: http://www.deutschlandfunk.de/elektroautos-der-markt-kommt-nicht-in-fahrt.724.de.html?dram:article_id=346178 (дата обращения 09.10.2016)

8. Die nächste Phase der Energiewende kann beginnen! Drei Gesetze. Ein Ziel: Ordnung bei der Energiewende. - Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. - URL: <http://www.bmwi.de/DE/Themen/Energie/Energiewende/gesamtstrategie.html> (дата обращения 09.10.2016)

9. Eine finanzielle Bilanz zum Heulen. – FAZ.net. - 20.04.2015. – URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/immobilien/effizienzhaus-plus-13533106.html> (дата обращения 10.10.2016)

10. Erneuerbar. Effizient. Erfolgreich. Deutschlands Weg in eine umweltfreundliche Zukunft. - Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. August 2016. - URL: <http://www.bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/Publikationen/erneuerbar-effizient-erfolgreich,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf> (дата обращения 09.10.2016)

11. Zweiter Monitoring-Bericht „Energie der Zukunft“. Kurzfassung. - Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. März 2014. – URL: <https://www.bmwi.de/BMWi/Redaktion/PDF/Publikationen/zweiter-monitoring-bericht-energie-der-zukunft,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf> (дата обращения 09.10.2016)

УДК 314.15(430)(=161.1

Е.В.Бадалова

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и
мировой политики

Воронежский государственный
университет

Россия, г. Воронеж, тел. (903) 855-67-65;

e-mail: mail@kardas.vrn.ru

E.W.Badalova

PhD in History, Associate Professor of
International Relations and World Policy
Chair

Voronezh State University
Russia, Voronezh, tel. (903) 855-67-65;

e-mail: mail@kardas.vrn.ru

Е.В. БАДАЛОВА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена проблемам интеграции российских немцев в германское общество.

Ключевые слова: российские немцы, Германия, интеграционная политика.

E.V.BADALOVA

THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF INTEGRATION OF RUSSIAN GERMANS IN GERMANY

The article is devoted to problems of integration of Russian Germans in the German society.

Keywords: Russian Germans, Germany, integration policy.

Характерным отражением проблем интеграции мигрантов в Германии стала широко развернувшаяся в обществе и политических кругах страны дискуссия с участием первых лиц государства о мультикультурализме и интеграции иммигрантов.

Основной группой, прибывшей в ФРГ из России и стран СНГ, являются так называемые «русские немцы» (нем. Russlandsdeutsche), составляющие около 80% от всех мигрантов с территории бывшего СССР.

В качестве основных элементов процесса интеграции российских немцев в Германии можно выделить:

1) внутренние структурные компоненты, к которым относятся:

- побудительные мотивы (суть причины), в силу которых они решились на переезд в другую страну, поскольку от степени реализации этих мотивов (соответствия ожиданий от акта эмиграции действительному положению вещей) во многом зависит успех интеграционного процесса;
- необходимые личностные качества и способности;

2) внешние структурные компоненты для интеграции – наличие в принимающей стране институциональных (технических) возможностей и государственной системы поддержки в процессе интеграции (языковых и интеграционных курсов, системы социальных пособий, программ оказания помощи в поиске работы, предоставлении жилья и пр.).

Говоря о российских немцах, нужно заметить, что для представителей этой группы обычно характерно наличие нескольких побудительных мотивов (причин) для принятия решения о переезде в Германию.

Во-первых, это мотивы воссоединения семей, желания поддерживать и сохранить немецкие культуру и традицию.

Во-вторых, этнических немцев из России привлекает в Германии законодательно установленный для них статус привилегированной группы иммигрантов.

В-третьих, если принять во внимание концепцию К. Циммермана и Т.Бауэра – известных исследователей проблем миграции, то можно отметить значительную роль функциональных сетей [14, Р.143-149]. Поясним последний тезис. С большей вероятностью люди иммигрируют в страну, где есть «функциональные сети», а именно – есть друзья, знакомые, поддержка со стороны государственной системы; наличие подобных сетей существенно уменьшает риски и затраты при миграции. При этом несомненным является тот факт, что за долгие годы, в течение которых идет процесс переселения этнических немцев из России в Федеративную Республику Германия, в стране приема сформировалась достаточно крупная этническая группа, и вновь прибывшие мигранты рассчитывают не помочь и поддержку при необходимости.

Наконец, специфическим психологическим мотивом для российских немцев при принятии решения об эмиграции в Германию выступает внутреннее убеждение, в том, что данная страна является априори более благополучной во всех отношениях (экономическом, правовом, культурном и т.д.), по сравнению с РФ.

Что касается необходимых личностных качеств и способностей, составляющих внутренние структурные компоненты интеграции, то к ним следует отнести: способности к адаптации и обучению (владению) официальным языком и культурой другого общества; желание стать полноправным членом нового общества; социальное поведение, отвечающее требованиям и стремлением общества, готовность работать и приносить пользу своей новой стране в различных сферах (экономической деятельности, науке, культуре, спорте и т.д.).

Для российских немцев, эмигрирующих в Германию, в стране приема создан целый комплекс внешних структурных компонентов – условий для успешной интеграции. Для переселяющихся в Германию этнических

немцев, из других стран, в том числе и России, предоставляются наиболее широкие права во всех сферах жизни общества, что делает их привилегированным типом эмигрантов. Далее, отметим основные из них.

Необходимым условием интеграции в общество является получение гражданства ФРГ. В соответствии с Конституцией ФРГ, при отсутствии иных законодательно установленных правил, «немцем... является каждый, кто обладает германским гражданством, или нашел убежище в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности, его супруга или потомка»; каждый человек, являющийся немцем по национальности, может приобрести германское гражданство (ст. 116) [6].

Статус «позднего переселенца» определен в Законе ФРГ «Об устранении последствий войны» от 21 декабря 1992 г. В соответствии с данным документом «Данный статус могут получить только лица, являющиеся этническими немцами. Этническим же немцем является тот, кто всегда признавал себя на родине причастным к немецкой культуре, традициям и т.п. и у которого это подтверждается определенными признаками (происхождение, язык, воспитание, культура)» [8].

Причем только российские немцы не должны доказывать, что испытывали на себе последствия войны на территории России и СНГ после 1992 г. [4, С. 68].

В соответствии с «Законом о регулировании вопросов гражданства» (Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG) поздний переселенец является немцем в смысле статьи 116 абз. 1 Основного Закона. Его супруг немцонациональности, если брак на момент выезда с места прежнего проживания был действителен не менее трех лет, а также его потомки приобретают этот статус одновременно с приемом на территории действия данного закона. В соответствии с ст. 7 StAG им предоставляется немецкое гражданство [13].

В отличие от других групп иностранцев, въезжающих в ФРГ, российские немцы-переселенцы и их супруги, с 1 января 2005 г. получают право на бесплатный интеграционный курс, включающий 600 часов занятий по немецкому языку [3], а также на изучение на безвозмездной основе ориентационного курса, содержащего материал по правовой системе Германии, основам ее истории и культуры [11].

Кроме того, поздние переселенцы на бесплатной основе, равно как и члены их семей, могут изменить имя и фамилию.

Хотя, по сравнению с прочими мигрантами в Германии, русские немцы здесь не иностранцы, они – немцы, т.е. номинальные представители титульной нации. Однако, в большинстве случаев их в немецком обществе воспринимают как русских. Даже А. Меркель в одном из своих недавних выступлений высказалась о том, что, хотя русской диаспоры (в отличие от турецкой) в Германии не существует, но есть большое «рус-

скоязычное сообщество» со своими интересами, существенно отличающимися от интересов обычных немцев [1].

К сожалению, в последние годы в связи с не прекращающейся (в силу известных событий на Украине) антироссийской полемикой в европейских СМИ, негативный образ России (захватчика, агрессора, противника «демократических ценностей» [5, С. 57-60]) неизбежно проецируется рядовыми гражданами Германии на их соотечественников из РФ. Это также препятствует интеграции российских немцев, поскольку в силу их привязанностей к прежней родине, они вынужденно занимают политическую и гражданскую позицию, противоречащую доминирующим настроениям в германском обществе.

В соответствии с §10 «Закона об изгнанных и беженцах» (BVFG) российским немцам-переселенцам гарантируется «облегчение профессиональной, культурной и социальной интеграции для жизни в Германии», подтверждается право на признание профессиональной квалификации и образования во всех сферах [12].

Отмеченный закон рассматривает данное право в качестве обязанности немецкого государства. Однако, признание этого права отнюдь не означает, что оно должно происходить автоматически; из него не следует, что получаемые в результате подобных процедур документы о квалификации уравниваются с сертификатами, дипломами, и иными документами, выданными немецкими учебными заведениями профессионального образования. В ряде случаев немецкая сторона даже может не признать полученную в определенных образовательных учреждениях квалификацию, например, при отсутствии там необходимых международных механизмов и процедур стандартизации и сертификации образовательных программ [Подробнее см.: 4, С. 70].

В сфере пенсионного обеспечения российские немцы – единственная группа, трудовой стаж которой полностью или частично признается в ФРГ органами пенсионного страхования. Соответствующие органы зачитывают периоды внесения взносов в систему пенсионного страхования в стране, из которой репатриировался этнический немец, хотя и с уменьшением до 40% размеров пенсионных выплат по сравнению с проживающими в Германии немцами [10].

Кроме того, для переселенцев, рожденных до 1 января 1956 г. для возмещения ущерба, понесенного в результате нахождения в местах лишения свободы и/или ограничения свободы передвижения в бывшем СССР, предусмотрена выплата единовременного пособия от государства. Например, для родившихся до 1 января 1946 г. сумма пособия равнялась 3067,75 евро; а для рожденных в период с 1 января 1946 до 31 марта 1956 г. компенсация составляла 2045,17 евро [3].

Наконец, независимо от даты рождения предусматриваются: компенсация расходов, понесенных в связи с возвращением в Германию, выплата пособия по безработице и оплата расходов по обустройству в ФРГ.

Действенным способом интеграции российских немцев в Германии может стать «предварительная подготовка» будущих переселенцев в России на базе различных общественных организаций российско-немецкого сотрудничества, например, региональных Центров немецкой культуры, Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы» и др. В программу такой подготовки должны входить пакетные комплексные программы обучения (включающие в себя языковые курсы, курсы профессиональной подготовки, социальной адаптации, историко-традиционные, правовые и т.п.), реализуемые обязательно с участием сертифицированных специалистов из Германии. К сожалению, этот путь возможен только для тех, кто пока еще только планирует эмигрировать в Германию.

Поскольку в Германии фактически существует стабильное русскоязычное сообщество (практически этническая диаспора российских немцев), то необходимо наличие у нее соответствующего «представительского органа».

Пожалуй, такая структура в Германии уже сложилась – это Координационный совет соотечественников. Этот орган создавался по инициативе России при большой внутренней потребности в самом русскоязычном сообществе. Такой орган, как Совет – хороший шанс для решения общих проблем, будь то вопросы интеграции, национальной или культурной идентичности или любые другие. Необходимо в этой связи расширять взаимодействие Координационного совета соотечественников с земельными и федеральными органами власти в ФРГ.

Вместе с тем в Германии постоянно ищут новые варианты решения проблемы интеграции российских немцев. Так уже на протяжении 15 лет (с 2000 г.) реализуется государственный проект, направленный на индивидуальную интеграцию переселенцев. С этой целью в 8 городах Германии между недавно прибывшими российскими немцами и правительством были заключены так называемые «Договоры по интеграции» (всего в программе приняли участие свыше 5 тыс. человек) [7]. В соответствии с этими документами мигранты берут на себя обязательство работать над самообразованием и изучением немецкого языка, а государство – предоставлять переселенцам условия для успешного вхождения в жизнь Германии, а также местного жителя, который помог бы российским немцам пройти первичную адаптацию [9, С.23].

Представляется, что реализация подобных программ индивидуальной интеграции переселенцев – довольно перспективное направление

работы. Этот эксперимент следует расширять (как территориально, так массово), привлекая к нему как можно большее количество российских немцев.

Таким образом, в целом, российские немцы, эмигрирующие из России в Германию в интеграционном плане получили хорошие условия, так как они прибывают в государство, где уже созданы определенные условия для их адаптации, другие эмигранты поставлены перед проблемой индивидуального поиска путей интеграции. Принимающим сообществом были создана очень удобная база для интеграции российских немцев в Германии. А вот специфика и возможности использования этой базы во многом связаны с внутренними компонентами интеграции и желанием самих переселенцев воспользоваться предложенными условиями.

Приток мигрантов оказывается существенной нагрузкой для немецкого государства. Однако возрастающие при этом проблемы, стоящие перед немецким социальным государством, большинству исследователей представляются «не столько свидетельствами его несостоятельности или полного краха, сколько подтверждением динамического характера модели социального государства, являясь структурно-имманентным индикатором необходимости гибкости во взаимоотношениях между органами власти и ориентированной на социальную помощь общественностью» [2, С.90].

В качестве перспективных путей (возможных направлений, методов, программ) для решения проблем и трудностей интеграции российских немцев в германское общество можно предложить: дальнейшее развитие внутренних мигрантских структур (землячеств, обществ) политической, экономической, социокультурной, образовательной направленности; реализация программ «предварительной подготовки» будущих переселенцев в России на базе различных общественных организаций российско-немецкого сотрудничества; расширение деятельности в ФРГ Координационного совета соотечественников и других органов, представляющих интересы российских немцев перед органами власти; реализация и расширение государственных программ индивидуальной интеграции переселенцев со стороны правительства ФРГ и земельных органов власти.

Список источников и литературы:

- 1) Ангела Меркель заявила о провале мультикультурализма в Германии. – URL.: <http://news.tochka.net/53390-merkel-ne-nuzhny-migranty-bez-znaniy-nemetskogo> (дата обращения 26.04.2016).
- 2) Бадалова Е.В., Морозова, В.Н. Нормативно-правовая база и практика информационного сопровождения социальной политики ФРГ / Е.В.Бадалова, В.Н.Морозова // Научный вестник Воронежского государственного архитектур-

но-строительного университета. Серия социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 1(9). – С. 90-97.

3) Войлокова Т.Н. Русские в Германии. Пример успешной интеграции? / Т.Н.Войлокова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkie-v-germanii-primer-uspeshnoy-integratsii> (дата обращения 14.10.2016).

4) Гулина О.Р. Spätaussiedler, или Русские немцы в Германии / О.Р. Гулина // Современная Европа. – 2010. – № 2. – С. 68.

5) Дмитриева С.И., Морозова В.Н. От «стратегического партнерства плюс» к «трудному партнерству»: российско-германские отношения в 2000-2015 гг. / С.И.Дмитриева, В.Н.Морозова // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. Выпуск 6. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – С.50-61.

6) Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. – URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 25.09.2016).

7) Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг – Эрланген) / М.С.Савоскул. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (дата обращения: 05.10.2016).

8) Факты и выводы о переселенцах в Германии. – URL: <http://www.paterton.ru/news/fakty-i-vyvody-o-pereselentsakh-v-germanii.html> (дата обращения: 05.10.2016).

9) Шнайдер М. Интеграция по обязательству / М. Шнайдер // Контакт. – 2001. – №24 (168). – С. 23.

10) Aussiedler und ihre Rente. – URL: http://www.deutsche-rentenversicherung.de/Allgemein/de/Inhalt/5_Services/03_broschueren_und_mehr/01_broschueren/01_national/aussiedler_und_ihre_%20rente.html (дата обращения 14.10.2016).

11) Bundesverwaltungsgericht, Urteil vom 04.09.2003, Absatz.:5. – URL: <http://www.bverwg.de/entscheidungen/entscheidung.php?ent=040903U5C35.02.0> (дата обращения 20.09.2016).

12) Gesetz ueber die Angelegenheiten der Vertriebenen und Fluechtlinge. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/> (дата обращения 14.10.2016).

13) Staatsangehoerigkeitsrecht. – URL: http://www.wellington.diplo.de/content-blob/923350/Daten/3394976/Merkblatt_Staatsangehrigkeitsrecht_DDDatei.pdf (дата обращения 14.10.2016).

14) Zimmerman K. Network migration of ethnic german / K. Zimmerman, T. Bauer// International Migration Review. – 1997. – № 1. – P. 143–149.

УДК: 94

Е.С. Полунин

«Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж),
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
14 научно-исследовательского отдела
1 научно-исследовательского
управления научно-исследовательского
центра (проблем применения,
обеспечения и управления авиацией
ВВС)

Россия, г. Воронеж,
тел.: 8-920-219-83-37;

e-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru

E.S. Polunin

“Air Force Academy
named after professor N.E. Zhukovsky and
Y.A. Gagarin” (Voronezh)”

PhD in History,
research fellow
of 14 Research Department of
1 Research Management of
Research Center (problems
of use, logistic and management
of Air Force aircraft)

Russia, Voronezh,
tel.: 8-920-219-83-37;

e-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru

Е.С. ПОЛУНИН

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ 1944–1945 ГГ. В ДОВОЕННЫХ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ГЕРМАНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Работа посвящена анализу воспоминаний немецкого населения восточных провинций Третьего Рейха в качестве источника по истории последнего года Второй Мировой войны в Центральной и Восточной Европе. Автор рассматривает недостатки и преимущества обращения к данному комплексу исторических источников. Много внимания уделяется возможности изучения по воспоминаниям немцев некоторых аспектов истории 1944–1945 гг.: участие гражданского немецкого населения в возведении оборонительного вала на востоке Третьего Рейха и организация фольксштурма, лишения и страдания мирного населения в условиях ожесточенных боев на советско-германском фронте, отступление вермахта и поведение немецких солдат, отношение советских военнослужащих к немецкому населению. При этом автор останавливается как на фактологии происходившего, так и на отношении немцев-очевидцев к событиям конца Второй Мировой войны.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, восточные провинции Третьего Рейха, немецкое гражданское население, воспоминания, Восточный вал, фольксштурм, боевые действия, отступление вермахта, советские солдаты.

E.S. POLUNIN

RECONSTRUCTION OF THE EVENTS OF 1944–1945 IN THE PRE-WAR EASTERN PROVINCES GERMANY ON MATERIALS OF MEMORIES OF THE GERMAN POPULATION

The paper analyzes the memories of the german population of the eastern provinces of the Third Reich as a source for the history of the last year of Second World war

in Central and Eastern Europe. The author considers the advantages and disadvantages of recourse to this set of historical sources. Much attention is paid to the possibility of studying the memories of the Germans of some aspects of the history of 1944–1945: the German participation of the civil population in the construction of defensive wall in the east of the Third Reich and the organization of the Volkssturm, hardships and sufferings of the civilian population in the conditions of fierce battles on the Soviet-German front, the Wehrmacht retreat and the behavior of the German soldiers, the attitude of the Soviet troops to the German population. The author stops at both the facts of what was happening, and in respect of the eyewitnesses to the events of the German end of the Second World war.

Key words: the Second World war, the eastern province of the Third Reich, the German civilian population, memories, East wall, Volkssturm, fighting, retreat of the Wehrmacht, the Soviet soldiers.

В исторической науке при анализе событий как далекого, так и недавнего прошлого традиционно отдается предпочтение официальным письменным документам перед источниками мемуарного характера. Это обусловлено множеством потенциально искажающих историческую правду обстоятельств, в большинстве своем вытекающих из субъективной природы воспоминаний. Эта ситуация характерна и для исторического анализа событий Второй Мировой войны. Однако нет сомнения, что при должной критике источники личного характера позволяют дополнить реконструкцию событий прошлого на основе официальной документации, а также могут помочь в освещении неохваченных в документах вопросов. С другой стороны, обращение к мемуарным источникам выглядит актуально в связи с возросшим интересом современной науки к повседневной истории, к судьбе простого человека. Кроме того, анализ более или менее известных по официальным источникам событий в свете воспоминаний позволяет добиться научной новизны исследования.

В отечественной историографии событий последнего этапа Второй Мировой войны, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания воспоминаниям населения довоенных восточных провинций Третьего Рейха (Восточная Пруссия, Восточная Померания, Силезия), перевод которых в письменную форму начался в Западной Германии еще в 1950-е гг. Министерство по делам изгнанных, беженцев и жертв войны собрало целый архив протоколов о случившемся в конце и после войны с немецким населением Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. И до сих пор в Германии издаются все новые воспоминания от небольших текстов до крупных мемуаров, от приближенных к документальной форме публикаций до художественной литературы. К настоящему моменту сформировался огромный массив воспоминаний; однако этот материал как комплекс исторических источников не лишен заметных недостатков. Во-пер-

вых, нередко в текстах речь идет о событиях, о которых авторам известно лишь по рассказам прочих лиц. Во-вторых, большой пласт источников представлен воспоминаниями детства, что заметно сказывается на характере текста, его фактичности и полноте. Известно также, что в сознании, в особенности, ребенка коллективные воспоминания семьи нередко замещают личную память. Например, Б. Вальцер во время бегства ее семьи из Восточной Пруссии (Шудиттен) в 1945 г. было лишь четыре года, и она признает, что картину произошедшего ей приходится восстанавливать не без помощи других участников событий [1. S. 52]. В-третьих, нельзя забывать о сильном воздействии на авторов со стороны нацистской пропаганды, а в последующие годы – мышления времен «Холодной войны». В-четвертых, кроме определенной политической предвзятости на объективности рассматриваемых текстов сказывается также то обстоятельство, что воспоминания немецких беженцев и переселенцев из Восточной Европы играют для них роль своего рода коллективного сознания, источника самоидентификации этой группы. Это выражается, в частности, в подчеркивании переживаний и страданий, выпавших на долю довоенных восточных немцев [2. S. 13–14]. В этой связи стоит также упомянуть и об определенном эмоциональном отпечатке, связанном с тоской по утраченным родным местам [3. S. 8]. Нельзя не отметить, что, как уже упоминалось выше, многие воспоминания не лишены художественности. Это обстоятельство требует соответствующей критики источников [4. S. 14]. Кроме того, на достоверности и полноте рассматриваемых текстов не могло не сказаться то, что самые ранние из воспоминаний были переведены в письменную форму только в начале 1950-х гг.

Однако есть и преимущества работы с мемуарными источниками из областей расселения немцев к востоку от Одера и Нейсе. Тяготы войны и связанных с ней лишений из-за их ярчайшей эмоциональной окраски должны были наиболее глубоко запечатлеться в памяти очевидцев [5. S. 92–94]. По той же причине внимания заслуживают детские воспоминания. Запомнившиеся из детства фрагментарные и разрозненные факты нередко на удивление очень детальные, хотя, с другой стороны, многое напрочь забывается (есть мнение, что это объясняется отсутствием системности и логичной взаимосвязанности явлений и событий в детском восприятии). Но главная ценность воспоминаний, на наш взгляд, в том, что благодаря им существует возможность взглянуть на прошлое глазами простого человека (об этом пишет, в частности, Д. Тош [6. С. 264–266]). Источники личного происхождения как нельзя лучше помогают рассмотреть реальную жизнь, которая не всегда просматривается в формализованных и порой предвзятых официальных письменных текстах.

Как отмечает Ф. Маубах, воспоминания немецких беженцев и переселенцев из Восточной Европы достаточно однообразны по набору тем и хронологическим рамкам повествования. Обычно речь в этих текстах идет о событиях с середины 1944 г. по середину 1945 г.: отступление вермахта по территориям к востоку от Одера и Нейсе, тотальная мобилизация, бегство, возвращение после капитуляции, послевоенное выселение [7. S. 92–94]. Это позволяет сделать некоторые обобщения по ряду вопросов, а также провести проверку данных сопоставлением свидетельств других людей из различных районов. Как уже отмечалось выше, воспоминания немцев из региона к востоку от Одера и Нейсе позволяют по-новому взглянуть на более или менее известные эпизоды последнего года Второй Мировой войны: привлечение населения к постройке укреплений и организации местной самообороны, боевые действия на востоке Третьего Рейха, отступление вермахта и поведение немецких солдат, освобождение восточных имперских территорий советскими войсками, следовавшие после капитуляции Германии изменения в жизни немецкого населения к востоку от новой германской границы по рекам Одер и Нейсе.

Обширный пласт воспоминаний начинается с непосредственно предшествовавших перенесению боевых действий на территорию Восточной Пруссии, Восточной Померании и Силезии событий. Часть гражданского населения (женщины, подростки, пожилые люди) были задействованы на земляных и строительных работах по возведению укрепительных сооружений в приграничных районах восточных провинций Рейха. Так, в Восточной Померании осенью 1944 г. представители местного населения, к примеру, округа Белгард были задействованы в строительстве так называемого Померанского вала [8. Bl. 1]. В то же время в округе Ландсберг на востоке Бранденбурга гражданское население возводило пять оборонительных линий [9. Bl. 1]. Эта составная часть Восточного вала, как и укрепления в Восточной Пруссии [10. S. 31–32] находились на главном направлении продвижения на запад советско-германского фронта. По воспоминаниям кроме общей информации о половозрастной категории привлекаемых к постройке оборонительных линий и организации их работы можно также узнать об отношении гражданского населения к возведению Восточного вала, который оказался фактически бессмысленным в военном отношении.

Похожие настроения господствовали среди мирного немецкого населения востока Третьего Рейха и в отношении мобилизации юношей и пожилых мужчин в фольксштурм. Женщины и дети при приближении фронта эвакуировались или бежали в западном направлении, а мужчины оставались работать на заводах, следить за хозяйством, а также служить в качестве «фольксштурмеров». Этот сценарий разыгрывался на огромном

пространстве расселения немцев от Восточной Пруссии [11. S. 174] на северо-востоке до Чехословакии [12. S. 3] и Югославии на юге. Население прекрасно понимало, что призыв в военных целях детей, а также пожилых людей свидетельствовал о критическом для Гитлеровской Германии положении дел на фронте. В военном отношении фольксштурм также представлялся бессмысленным: ему не хватало ни обмундирования, ни вооружения, ни соответствующей подготовки. К примеру, выходцы из выше упомянутого округа Ландсберг сообщают, что сформированные на местах группы фольксштурма оружия не получили [9. Bl. 1]. Судя по свидетельствам очевидцев, при возможности население пыталось избежать службы в фольксштурме (к примеру, отец Вернера Кроковски скрывался в лесу [13. S. 130–131]), ведь семьи нуждались в помощи подростков и стариков, да и боялись за их жизни. Таким образом, воспоминания довоенных восточных немцев могут выступить в качестве источника изучения отношения населения к мероприятиям в рамках объявленной Геббельсом «тотальной войны».

Много внимания в корпусе материалов уделяется страданиям немецкого гражданского населения от боевых действий, отличавшихся особой жестокостью на восточном фронте. Много разрушений и смертей мирного населения приносили налеты авиации, прежде всего, англосаксов, устроивших, по мнению самих немцев, против Германии целую «воздушную войну». В качестве примера можно привести обстрел 8 американским воздушным флотом гавани Свинемюнде 12 марта 1945 г. Здесь укрывалось 30 тыс. беженцев из провинций к востоку от Одера и Нейсе, в результате воздушной атаки погибло около 22 тыс. человек [14. S. 165–166]. От бомбардировок страдали не только Дрезден и Кельн, немало разрушений война принесла и в города довоенных восточных провинций Германии, таких как Кенигсберг. В памяти немецких очевидцев надолго запечатлелись всегда многочисленные в таких кровавых военных конфликтах случаи гибели людей: в населенных пунктах, за городом, на дорогах [15. S. 80].

Мирное население страдало не только непосредственно от бомбардировок и артобстрелов, но и от вызванных ими разрушений городской и сельской инфраструктуры. Треки немецких беженцев нередко попадали на линию боевых действий, что неизбежно заканчивалось плачевно [16. S. 76]. К тяжелым последствиям, например, приводило разрушение ледового покрова гавани Фриш-Гаф под ударами авиации, ведь эта дорога на запад активно использовалась беженцами, в особенности, из Восточной Пруссии [14. S. 153–154]. Путь немецких беженцев по морю оказался едва ли не более опасным, чем продвижение на запад на крестьянских телегах, в автомобилях и по железной дороге. На плавательных средствах

всех типов от лодок до огромных судов людей набиралось сверх нормы, что предопределило крупные потери в случае катастрофы. Так, из всех пассажиров погибшего в гавани Пиллау корабля «Штойбен» (2000 беженцев и 2500 раненных) спаслось лишь 600 человек [14. S. 156–159]. Около 6 тыс. погибло при крушении судна «Гоя» [14. S. 28]. Крупнейшая и известнейшая катастрофа на море с участием немецких беженцев произошла 30 января 1945 г., когда был потоплен гигантский «Вильгельм Густлоф», на борту которого находилось около 10 тыс. человек. В рассматриваемых воспоминаниях лишения и страдания гражданского населения в войне предстают не просто в форме цифр, а в виде переживаний конкретных людей, позволяя тем самым взглянуть на ситуацию изнутри.

В текстах немецких воспоминаний отражаются также некоторые общие характеристики боевых действий: направления продвижения на запад советско-германского фронта, характер боев за населенные пункты; отдельные особенности обороны и отступления вермахта, а также наступления советских войск. К примеру, очевидцы вспоминают, что в округ Белгард советские войска продвигались с трех направлений: с юга, юго-запада и юго-востока. Интерес представляет оценка гражданским немецким населением степени сопротивляемости отступающего вермахта. Во многих местечках того же восточно-померанского округа Белгард немецкие войска практически не оказали сопротивления наступающим советским армиям. Однако под Шивельбайном, Гросс Рамбином, в районе между Бруновом и Рейнфельдом, близи Польцина и Арнхаузена прошли сильные схватки. Очевидцы из этого округа опровергают сообщения вермахта о тяжелых боях за окружной центр – Белгард [8. Bl. 1]. А в восточно-бранденбургском округе Ландсберг сильные бои по воспоминаниям шли за Штольценберг (эта информация, в частности, подтверждается в воспоминаниях Г.Д. [17. Bl. 8]), а Ландсхут был сдан почти без боя, как и вся остальная территория округа. Население свидетельствует о том, что большая часть Ландсберга, в том числе, центр города выгорела. Около тысячи квадратных метров городской территории от вокзала до ратуши оказалась разрушена [9. Bl. 1]. Определенную ценность для исследователя может нести информация участников событий о датах сдачи вермахтом населенных пунктов восточных провинций Третьего Рейха от небольших как восточно-померанский Цухен (5 марта 1945 г.) [18. Bl. 17] до крупных типа окружных центров как Ландсберг (27 января 1945 г.) [19. Bl. 7] и Алленштейн (около 22:30 21 января 1945 г.) [20. Bl. 190]. Но наиболее значимыми в научном плане представляются сообщения о сроках и маршрутах продвижения немецких беженцев. К примеру, по воспоминаниям мы знаем, что такая небольшая община как Поллихен-Голлендер по распоряжению ортсгруппенляйтера Кицманна-Липке 30 января 1945 г.

заблаговременно до продвижения на эту территорию фронта была полностью очищена от гражданского населения [21. Вл. 8]. Хотя многое из информации о боевых действиях на востоке Рейха реконструируется по письменным источникам, и данные очевидцев о ситуации на фронте не всегда объективны; все же немецкие воспоминания могут дополнить и разнообразить имеющиеся по данному вопросу представления.

Небезынтересно обратиться и к затрагиваемой в рассматриваемых текстах теме отношений между солдатами вермахта и гражданскими немцами. Кроме раздражения населения в связи со сдачей войсками населенных пунктов без боя, гражданские и в целом нередко были недовольны поведением военнотружущих-соотечественников. Военные упрекали беженцев в задержке отступления немецкой армии [17. S. 82–83], вермахт перенаправлял гражданских на побочные дороги, заставлял уступать место военным. Гражданские немцы явно не приветствовали, что военные, в особенности, ближе к концу войны заботились лишь о своем спасении. Во многих текстах можно встретить упоминания о том, что в преддверии капитуляции и с окончанием военных действий некоторые немецкие солдаты переодевались в гражданское, бросали военный транспорт и смешивались с мирным населением [22. S. 161]. К примеру, В. Кроковски вспоминает: первоначальное удивление в связи с отсутствием немецких солдат и техники во встречающихся по пути его бегства населенных пунктах сменилось пониманием, что военные знали об обреченности Восточной Пруссии и просто бросили население на произвол судьбы [11. S. 130–131]. Отступление вермахта негативно воздействовало на гражданское немецкое население, вызывая удручающие чувства [23. S. 203] вплоть до страха [24. Вл. 107]. Таким образом, в воспоминаниях немцев с территорий к востоку от Одера и Нейсе просматривается эволюция отношения немецкого населения к германской армии от воспитанного геббельсовской пропагандой восхищения и веры в непобедимость германского оружия до разочарования и отчаяния из-за увиденного собственными глазами панического бегства немецких войск и не всегда лицеприятного поведения солдат.

Одной из самых противоречивых тем в воспоминаниях немцев Восточной и Юго-Восточной Европы представляются данные о контактах гражданского немецкого населения с советскими солдатами. Немцы нередко обвиняют красноармейцев в произволе, злоупотреблениях. Однако следует помнить, что авторы воспоминаний не всегда являлись непосредственными очевидцами описанных событий. К тому же, как известно, подобные нарушения в Красной Армии наказывались строжайшим образом. Интересно, что немецкие исследователи зачастую упускают из внимания многочисленные положительные воспоминания немецкого гражданско-

го населения о советских военнослужащих. Так, А.Б. из округа Белгард рассказывает о том, что продвижение в его родную общину передовых советских войск 5 марта 1945 г. прошло планомерно и организовано [19. Вл. 17]. Многие вспоминают о том, как искали помощи у советских солдат и, чаще всего, получали ее. Красноармейцы делились с гражданским немецким населением провизией, не давая умереть от голода в тяжелые военные и первые послевоенные времена [21. Вл. 17]. Наиболее теплые воспоминания о советских солдатах связаны с отношением последних к немецким детям. Наши солдаты брали их на руки, обнимали, целовали [25. S. 120]. Красноармейцы делились с немецкими ребятами едой – сладостями (при наличии) или просто солдатским пайком [26. S. 105], хлебом [23. S. 208–209]. Р. Брокоп вспоминает, что дети были запуганы пропагандистским образом советского солдата. На деле же оказалось, что красноармейцы отнеслись к ним с лаской и вниманием. Следует также отметить, что у проживавших к востоку от Одера и Нейсе немцев при выстраивании взаимоотношений с советскими военными было одно преимущество перед немцами центральной Германии. Восточные немцы, проживавшие по соседству со славянскими народами (поляками, чехами, словаками, сербами), как правило, знали славянские языки и могли изъясняться с русскими. Нередко это помогало уладить вопросы взаимоотношений. К примеру, мать Брокопа говорила на польско-силезском диалекте, что позволяло ей выступать посредником между немецким населением и советскими военнослужащими [27. S. 131–132]. Одним словом, подробное изучение воспоминаний немцев позволяет уточнить или даже пересмотреть представления о контактах между немецким гражданским населением и советскими военнослужащими в конце и после Второй Мировой войны.

Наконец, небезынтересно взглянуть на память немцев с территорий к востоку от Одера и Нейсе о событиях капитуляции Третьего Рейха. Как и все народы, многие простые немцы радовались завершению войны. Немецкие беженцы из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в надежде на восстановление довоенной жизни потянулись назад [25. S. 120]. Причем возвращение охватило не только немцев довоенных провинций Германии, но и немецкие меньшинства восточноевропейских стран вплоть до таких немногочисленных как югославские швабы [28. S. 178]. После завершения военных действий жизнь в действительности начала постепенно налаживаться: разбирались руины, возобновилась работа больниц, пошел транспорт [21. Вл. 7]. Однако будущего у немцев к востоку от новой границы Германии по Одере и Нейсе не было. Память о роли немцев в истории Второй Мировой войны перечеркнула возможность для дальнейшего нормального сосуществования восточноевропейских народов с немецкими меньшинствами.

В отличие от немецкой исторической науки и публицистики отечественные исследователи германской истории мало обращаются к воспоминаниям проживавшего до Второй Мировой войны к востоку от Одера и Нейсе немецкого населения. На это есть как обычные для всех источников такого рода (прежде всего, субъективность, неполнота, неточность), так и специфические, то есть характерные именно для данных воспоминаний, причины. Представляется, что особую роль среди последних играет идеологическое влияние на восприятие немецким гражданским населением востока Германии событий конца войны: вначале на умы восточно-европейских немцев воздействовала национал-социалистическая пропаганда, а впоследствии – риторика «Холодной войны». Все же при обстоятельной и должной критике использование этих мемуарных материалов для исследования ряда вопросов истории 1944–1945 гг. (да и первого послевоенного времени) представляется не только возможным, но и в известной степени перспективным. В первую очередь рассматриваемый комплекс источников позволяет взглянуть на формы и степень вовлеченности довоенных восточных немцев в события конца Второй Мировой (мероприятия «тотальной мобилизации», эвакуация, отступление вермахта), а также на отношение авторов воспоминаний к происходившему. Реконструкция событий последнего этапа Второй Мировой войны в Восточной и Центральной Европе по данным немецких воспоминаний позволит расширить накопленные исторические знания в области судьбы простого человека на изломе эпох.

Список источников и литературы:

1. Possienke (Walzer) B. Mein schwieriger Weg von Schuditten in Ostpreußen nach Hessen: 1945 bis 48 als Wolfskind in Ostpreußen überlebt – 1948 in die Sowjetzone ausgewiesen – 1948 ins freie Deutschland herausgekämpft / B. Possienke // *Flucht, Vertreibung, Ansiedlung, Integration – Vertriebene erzählen ihre Schicksale* / hrsg. von der Arbeitsgemeinschaft sudetendeutscher Lehrer und Erzieher e. v. pädagogischer Arbeitskreis Mittel- und Osteuropa in Zusammenarbeit mit Heimatkreis Mies-Pilsen e.v., - Dinkelsbühl, 2013. - S. 51–56.

2. Bömelburg H., Traba R. Erinnerung und Gedächtniskultur. Flucht und Vertreibung in deutschen und polnischen Augenzeugenberichten / H. Bömelburg, R. Traba // *Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich* / hrsg. von H. Bömelburg, R. Stöbinger, R. Traba. – Olsztyn, 2006. – S. 7–25.

3. Förtsch F. Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomen der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts / F. Förtsch // *Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang*. – Greilsheim, 2009. – 223 S.

4. Helbig L.F. Der ungeheure Verlust. Flucht und Vertreibung in der deutschsprachigen Belletristik der Nachkriegszeit / L.F. Helbig. – 2. Auflage. – Wiesbaden, 1989. – 295 S.

5. Braun G. Erinnerungen eines Flüchtlingsjungen aus Ostpreußen in Wittgensdorf-Herrenhaide-Burgstädt / G. Braun // *Von Memel bis an die Mulde. Ankunft von*

Evakuierten, Flüchtlingen und Vertriebenen in der Region während und nach dem Zweiten Weltkrieg / hrsg. von A. Eichler. – Chemnitz, 2008. – S. 92–112.

6. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М., 2000. – 296 S.

7. Маубах Ф. «Военная помощница» – парадигматическая фигура конца войны / Ф. Маубах // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / редактор серии И. Калинин, редактор-составитель второго издания М. Габович. – М, 2005. – С. 549–562.

8. Landkreis Belgard / Pommern // Bundesarchiv (далее – BArch). Ost-Dok. 2. № 1. IV Pommern. Kreis Belgard. Bl. 1–6.

9. Stadtkreis Landsberg / Warthe-Neumark. Hamburg, d. 13. November 1953 // BArch. Ost-Dok. 2. № 162. V Ostbrandenburg. Kreis Landsberg. Bl. 1–4.

10. Karweina G. Der große Treck. Dokumentarbericht über die Flucht und Austreibung von 14 Millionen Deutschen / G. Karweina. – Stuttgart/Wien, 1958. – 392 S.

11. Spröer S. Werner Krokowski: “Hier hast du dein Päckchen” / S. Spröer // Fremde Heimat. Das Schicksal der Vertriebenen nach 1945. Das Buch zur Fernsehserie. – Berlin, 2011 – S. 128–133.

12. Weise U., Fleischer R. Mit dem Treck nach Langenchursdorf / U. Weise, R. Fleischer // Von Memel bis an die Mulde. – S. 171–180.

13. Erlebnisbericht (Brief) des Landwirts Dipl.-Ing. Franz Kuhn aus Jägerndorf. Original, 11. Januar 1956, 5 Seiten, handschriftlich (hschr.) // Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus der Tschechoslowakei / hrsg. von ehemaligen Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte. – 2. Band. – Augsburg, 1994. – S. 3–5.

14. Röhl K.R. Verbotene Trauer. Ende der deutschen Tabus / K.R. Röhl. – Berlin, 2002. – 238 S.

15. Krauss M. Fremde Heimat: Ankunft und erste Jahre (bis 1949) / M. Krauss // Fremde Heimat. – S. 25–31.

16. Terpitz W. Wege aus dem Osten: Flucht und Vertreibung einer ostpreußischen Pfarrersfamilie / W. Tirpitz. Bearb. von M. Schwartz. – München, 1997. – 228 S.

17. Ropertz I. Zwischen den Rädern. Erinnerungen / I. Ropertz. – Langwaden, 1996. – 217 S.

18. Bericht (Abschrift) des ehem. Bürgermeisters H.D. aus Pollychen-Holländer Kr. Landsberg/Warthe. Hamburg, 9. Dezember 1952 // BArch. Ost-Dok. 2. № 162. V Ostbrandenburg. Kreis Landsberg. Bl. 7–9.

19. Bericht von Herrn A.B. aus Zuchen, Krs. Belgard/Pommern. Barkau, den 31.1.51 // BArch. Ost-Dok. 2. № 1. IV Pommern. Kreis Belgard. Bl. 17.

20. Brief von Fräulein G.B. Stadtlohn. 2.1.1951 // BArch. Ost-Dok. 2. № 1. I Ostpreußen (alte Provinz vor 1918). Kreis Allenstein. Bl. 190–191.

21. Das Hilfswerk der evangelischen Kirchen in Deutschland. Zentralbüro. Stuttgart // BArch. Ost-Dok. 2. 62. V Ostbrandenburg. Kreis Landsberg. Bl. 7.

22. Sommer N. Das Kriegsende in Birnai im Elbetal und unsere wilde Vertreibung aus der Heimat im August 1945 nach Schernberg in Thüringen / N. Sommer // 65 Jahre – Zivildeportation und wilde Vertreibung der Deutschen aus der ČSR 1945. 8 Zeitzeugen berichten, wie sie nach schlimmsten Erlebnissen bei Deportation und Vertreibung

am Ende und nach dem 2. Weltkrieg ihr Leben gemeistert haben, bzw. Ihre Angehörigen es hingeben mussten / hrsg. von Sudetendeutsche Landsmannschaft Oberösterreich sowie in Zusammenarbeit und mit finanzieller Unterstützung der Hausner Stiftung Deutschland und der Stiftung der deutschsprachigen Heimatvertriebenen Österreichs. – Dinkelsbühl, 2011. – S. 161–175.

23. Nagel A. „Ich war doch erst zehn...“ / A. Nagel // Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich. – S. 203–215.

24. An W. Sondermann. Lagebericht. Berlin, den 14. Juli 1944. Maertins // BArch. R 55/616, Bl. 107–108.

25. Ernst G. Der Weg aus dem Trauma / G. Ernst // Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich. – S. 118–125.

26. Buller D. Vertreibung aus Schlesien aus dreifacher Perspektive / D. Buller // Vertreibung aus dem Osten. Deutsche und Polen erinnern sich. – S. 104–106.

27. Spröer S. Robert Brokoph: “Die Ehre lass ich mir nicht abschneiden” / S. Spröer // Fremde Heimat. – S. 46–51.

28. Burk H. Eva Petto und Franz Bachert: “Wir galten als Zigeuner” / H. Burk // Ibid. – S. 173–179.

УДК 94(430).086

Рудая О.И.

кандидат исторических наук,
доцент

Донского государственного
технического университета

Адрес:

344010 г. Ростов-на-Дону, Гагарина пл., 1

Эл. почта: oiru2011@yandex.ru

Rudaya O.I.

PhD (History),

Associate Professor of

Don State Technical University

Post Address:

344010 Rostov-on-Don Gagarin Sq.,1

e-mail: oiru2011@yandex.ru

О. И. РУДАЯ

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ БОЙКОТ ЕВРЕЙСКОГО БИЗНЕСА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933 ГОДУ: АПРОБАЦИЯ НАСИЛИЯ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Статья посвящена первому этапу нацистской политики антисемитизма. В ней анализируется партийная программа НСДАП «25 пунктов», ставшая идеологическим обоснованием данной политики. Дается характеристика антисемитской кампании марта 1933 года и реакция на нее международной общественности. Особое внимание уделяется бойкоту еврейского бизнеса, санкционированному нацистской партией 1 апреля того же года, результаты которого побудили гитлеровское руководство изменить тактику в решении «еврейского вопроса».

Ключевые слова: Германия, антисемитизм, НСДАП, программа «25 пунктов», А. Гитлер, бойкот еврейского бизнеса, Й Геббельс.

O. I. RUDAYA
THE BOYCOTT OF JEWISH BUSINESSES
THE 1st OF APRIL 1933 IN NAZI GERMANY:
APPROBATION OF THE VIOLENCE IN NATIONWIDE SCALE

The article is devoted to the first phase of the Nazi anti-Semitic policies. It analyzes the NSDAP party program "25 points", which became the ideological basis of this policy. The author characterizes the anti-Semitic campaign in March 1933, and the reaction to it of the international community. Special attention is paid to a boycott of Jewish businesses, sanctioned by the Nazis party of April 1 of that year, the results of which prompted the Nazi leadership to change tactics in solving the "Jewish question."

Key words: Germany, anti-Semitism, the Nazi Party, the program "25 points", A. Hitler, a boycott of Jewish businesses, J Goebbels.

Политика антисемитизма, получившая в нацистской Германии статус официальной, носила поэтапный характер. На ее разработку и практическую реализацию оказывали влияние различные факторы как субъективного, так и объективного порядка, связанные с особенностями внутри и внешнеполитического положения рейха в тот или иной период времени. Первым шагом на пути осуществления антисемитской политики в общенациональном масштабе стал бойкот еврейского бизнеса, организованный властями 1 апреля 1933 года.

Идеологическим обоснованием эскалации насилия в отношении иудейского населения Германии, численность которого в процентном отношении составляла всего 0,9 [1. С. 117], являлась программа «25 пунктов», принятая национал-социалистической германской рабочей партией (НСДАП) еще в феврале 1920 года. В ней четко было прописано, что «ни один еврей не может быть отнесен к немецкой нации, а также являться гражданином Германии». Исходя из этого положения, «право занимать посты, связанные с законотворчеством, управлением государством» имели «исключительно граждане» государства. Данное требование распространялось и на «всех сотрудников, редакторов и издателей немецких газет, печатающихся на немецком языке». Лицам негерманской национальности соответственно запрещалось «иметь любой финансовый интерес и влияние на немецкие газеты» и занимать «должности в любой публичной организации, любого уровня». Приоритетным направлением деятельности нацистской партии объявлялась «безжалостная борьба против тех, кто своей деятельностью вредит интересам общества» и оказывает «разлагающее влияние на народ». «Партия борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что дальнейшее выздоровление нашего народного организма может быть достигнуто путем постоянного оздоровления вну-

три себя» – провозглашалось в 24 пункте партийной программы нацистов [2].

Важно отметить, что немногочисленное еврейское население, являвшееся в Германии национальным меньшинством, как социальная группа не было замкнутым и постоянно сокращалось вследствие заключения смешанных браков, естественной убыли и эмиграции. Однако в силу того, что его представители заметно выделялись в социально-экономическом, общественно-политическом, культурном и религиозном отношениях, что оказалось возможным после установления в стране Веймарской демократии, евреи стали объектом ярых нападок со стороны НСДАП и ее вождя А. Гитлера. Активно используя националистическую демагогию, которая находила широкий отклик у рядовых обывателей, страдавших от многочисленных бед после проигранной мировой войны, нацисты сделали иудеев главными виновниками всех трудностей и неудач.

Провозгласив евреев опасными для германского этноса существами, нацистские руководители стремились с одной стороны привлечь в свою партию всех недовольных и колеблющихся членов общества, а с другой, подорвать экономические возможности еврейских граждан. Руководствуясь партийной программой, они требовали «создания здорового среднего сословия» и «немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их в наем по низким ценам мелким производителям» [2].

Наступление на евреев началось практически сразу после назначения нацистского лидера рейхсканцлером Германии 30 января 1933 года. В стране резко увеличилось количество антиеврейских выступлений и провокаций. Современник тех лет Н. В. Устрялов – известный русский правовед и политический деятель, констатировал, что «антисемитские страсти» сторонников Гитлера «стали бушевать с несравненной свирепостью и уверенностью в себе. Начались сплошные насилия над евреями. В ряде городов отряды чернорубашечников закрывали еврейские магазины, устраивали обыски в еврейских организациях, избивали на улицах прохожих, внешний облик которых казался им подозрительным» [3].

Подобную ситуацию наблюдал и американский корреспондент Ширервуд, находившийся в то время в Германии. Он, в частности, отмечал, что добропорядочные обыватели улыбались молодым штурмовикам, «собиравшимся покончить с Версальским договором. Они были довольны тем, что... Гитлер обещал защитить лавочников, тем, что газеты предвещают скорое наступление лучших времен. Они были довольны тем, что евреи, их конкуренты,...оказались виновными в поражении Германии, в охватившей страну инфляции и будут за это наказаны» [4. Т.1. С. 206].

Для пропагандистского обоснования «наказаний» нацисты использовали достаточно простой и убедительный, с их точки зрения, аргумент.

Поскольку евреи на протяжении многих лет «обкрадывали» немецкий народ, меры по изъятию у них собственности являлись закономерным актом реституции, в соответствии с которым богатство возвращалось исходному владельцу – рейху.

Уже в марте 1933 года во многих областях Германии начались увольнения еврейских граждан с работы. Министерства увольняли евреев чиновников, магистратуры и адвокатуры – судей и адвокатов, промышленные предприятия и банки – служащих, городские больницы – врачей, рассчитывали преподавателей и профессоров, которых часто «вытаскивали» прямо из аудиторий. На митингах и в расистской прессе царил «зоологический национализм». Все беды и проблемы страны объявлялись результатом «еврейской политики». По выражению Устрялова, «никогда Германия не была столь далека от духа Гете и Шиллера, как теперь» [3].

Примечательно, что в разных регионах рейха степень проявления антисемитских настроений и действий была различной. Там, где нацистская риторика не получила высокой поддержки со стороны избирателей, коричневорубашечники вели себя достаточно сдержанно и умеренно. Совсем иная картина существовала в округах, подвластных нацистам. Здесь штурмовики, чувствуя свою безнаказанность, проявляли особую жестокость. В Бреслау, столице Силезии, где нацизм был популярен, гитлеровские молодчики арестовали еврейского торговца скотом, обстригли ему волосы, поставили клеймо в виде свастики и натерли рану солью. Поскольку это был далеко не единственный случай подобного обращения с представителями иудейского населения области, местный начальник полиции запросил помощи у национальной полиции. Однако он получил отказ, более того, ему посоветовали избегать стычек со штурмовыми отрядами (СА), а неделю спустя его уволили и заменили лояльным нацистом. Нападения продолжались даже после того, как еврейская община Силезии отправила жалобу в Лигу Наций [5. С. 60-61].

Антисемитские акции нацистов вызвали крайне негативную реакцию международного сообщества. Как отмечал Устрялов, «весь мир встрепетнулся», события в Германии были восприняты «как небывалый скандал для цивилизации». Мировые издания запестрели пылкими статьями о «варварах» и «гунах» [3]. В Англии, Франции, Греции, Нидерландах, Польше и Румынии прошли митинги протеста против преступлений нацистов и началась кампания бойкота немецких товаров. Знаменитый итальянский дирижер А. Тосканини в знак протеста даже отменил свое выступление на Вагнеровском фестивале в Байрейте. В международных кругах заговорили не только о «моральной изоляции» Германии, но и о прямом давлении на нее через Лигу Наций. Министр народного просве-

щения и пропаганды Й. Геббельс с сожалением признавал, что «изоляция Германии поражает» [5. С. 61].

В этих весьма неблагоприятных не только для государства, но и партии условиях, когда ее репутация существенным образом пошатнулась, нацистам необходимо было вносить определенные изменения в свою тактическую деятельность в решении «еврейской проблемы». Поскольку мировая общественность не воспринимала расистскую демагогию о «еврейской угрозе» и считала ее надуманной, нацистское руководство было вынуждено сделать видимость некоторых уступок. По настоянию Гитлера вице-канцлер фон Папен написал в американскую Торговую палату открытое письмо, в котором убедительно заверял, что евреям в Германии ничто не угрожает [5. С. 61]. Аналогичные заявления перед прессой сделали и другие представители немецких деловых кругов. В частности, крупнейший финансист Третьего рейха Я. Шахт встречался с влиятельными евреями в Нью-Йорке. Как справедливо подметила современная британская исследовательница К. Кунц, Гитлер умело поддерживал свой имидж умеренного лидера. В этот решительный момент он стремился избегать рассуждений на расовую тему и не хотел рисковать своей популярностью [5. С. 61-62].

И все же, несмотря на негативную реакцию за рубежом и в стране, где большинство немцев также не одобрило незаконные нападения на еврейских граждан, нацисты продолжили антисемитскую кампанию, продемонстрировав решимость проводить в жизнь свою программу в области идеологии. Уже через несколько дней после того, как рейхстаг проголосовал за предоставление вождю НСДАП диктаторских полномочий, в руководстве стали обсуждаться планы национального бойкота евреев.

Решение об его организации было принято Гитлером 20 марта 1933 года. 26 марта он вызвал Й. Геббельса, и, дав ему соответствующие инструкции, отстранился от практической реализации данной акции и покинул Берлин. Антисемитские эксцессы предыдущих недель, носившие стихийный и локальный характер, было решено направить в общенациональное русло нацистской политики. Геббельс в своем дневнике, подытожив результаты встречи с фюрером, написал: «Мы можем только побороть ложь за границей, если мы доберемся до тех, кто ее порождает или до тех евреев, проживающих в Германии, которые до сих пор пребывали в покое. Поэтому мы должны перейти к большому бойкоту всего еврейского бизнеса в Германии. Возможно, евреи за границей передумают, когда их товарищи по расе в Германии начнут получать по шее...» [Цит. по: 6. Р. 522].

Как и в прежние времена, самыми популярными объектами нападок были магазины и универмаги, принадлежавшие иудеям. Эти акции обыч-

но проводились в форме бойкота, поскольку считалось, что карман – самое чувствительное место еврея. Штурмовики СА преграждали входы в «еврейские» магазины и выстраивали пикеты со щитами: «Это магазин еврея. Не покупай здесь, не предавай немецкую нацию».

В этой связи предстоящая акция против германских евреев изображалась как сугубо оборонительная мера, подготовка к которой осуществлялась достаточно широко и открыто. 27 марта 1933 года В. Клемперер – немецкий филолог и журналист еврейского происхождения – сделал дневниковую запись: «Всплывают новые слова, старые же обретают новый, особый смысл, возникают новые словосочетания, мгновенно застывающие в словесные штампы... Евреи за рубежом, в особенности же французские, английские и американские, называются отныне «всемирными евреями» (Weltjuden)..., которые организуют «пропаганду ужасов», распространяют «сказки о якобы совершаемых зверствах»... Тем временем готовится бойкот еврейских магазинов и врачей-евреев. Вовсю идет противопоставление понятий «арийский» и «неарийский» [7. С. 20].

Опубликованная 28 марта программа бойкота была объявлена как реакция немцев на «пропаганду ужаса», которую вела «еврейская» печать за границей против новой Германии. По утверждению нацистов, эта пропаганда не только очернила доброе имя страны, но и причинила ей финансовый ущерб. На всей территории рейха широкое распространение получили объявления следующего содержания: «Братья-немцы! Сестры-немки! Виновники этого чудовищного преступления, этого ужасного подстрекательства - евреи Германии. Это они восстановили своих соплеменников за границей против немецкого народа, распространяли ложь и клевету. И поэтому всегерманское руководство «Движения за освобождение Отечества» решило в качестве акта самозащиты... объявить бойкот всем еврейским предприятиям, магазинам, бюро и прочим, начиная с субботы, 1 апреля 1933 года, с 10 часов утра. Мы призываем вас, немецкие мужчины и женщины, способствовать этому бойкоту. Не покупайте в еврейских универмагах и фирмах! Не обращайтесь к еврейским адвокатам! Избегайте еврейских врачей! Покажите евреям, что они не могут пренебрегать честью Германии и порочить ее, не неся за это ответственности. Лицо, поступающее вопреки этому призыву, тем самым докажет, что оно – сторонник врагов Германии» [Цит. по: 8. С. 177-178].

Ответственным за организацию и проведение бойкота был назначен издатель антисемитского еженедельника «Der Stürmer» Ю. Штрейхер. Как и планировалось, 1 апреля он произнес речь, в которой открыто призывал «бороться против «нации кровопийц» и вымогателей, в течение тысячи лет распространявшейся по всему миру» [9. С. 8]. Геббельс, руководивший пропагандисткой кампанией, в этот день «ходил по улицам»

и «наблюдал за происходящим». Вот что он отмечал в своем дневнике: «весь еврейский бизнес ... закрыт, у входа стоят члены СА. Публика ведет себя сочувственно и оказывает поддержку. Царит строжайшая дисциплина. Впечатляющее зрелище! Это большая победа Германии!» [10. С. 45].

Таким образом, по словам министра пропаганды, первая общегосударственная антисемитская акция была проведена успешно. Успех заключался в основном в том, что нацистам удалось произвести устрашающее впечатление на немецкое и еврейское население рейха, а также международных наблюдателей. Однако в беседе с британским журналистом Геббельс оказался более сдержанным в своей положительной оценке бойкота и признавался: «Оружие оборонительного бойкота может притупиться, если использовать его слишком часто. Влияние немецких евреев должно быть ограничено с помощью дополнительных мер» [Цит. по: 5. С. 63]. Германский министр констатировал, что на самом деле ситуация была не такой радужной, как казалось на первый взгляд.

Поскольку идея бойкота изначально не получила поддержки ни в правительственных кругах, ни в обществе в целом, уже 1 апреля нацистская партия столкнулась с серьезными внутривластными проблемами. Ограничение акции сроком в один день (лишь в некоторых местностях, например, в Тальборге она продолжалась 3-4 дня) было обусловлено давлением, оказываемым на Гитлера с разных сторон. Члены рейхстага осаждали нацистского канцлера предостережениями и советами умеренности. Президент П. Гинденбург, в частности, еще 30 марта высказался однозначно против бойкота. Аналогичную позицию занял и министр иностранных дел фон Нейрат, который даже заявил Гитлеру о своей возможной отставке «в связи с волной враждебных Германии выступлений за границей» по поводу ее антиеврейской деятельности [11. С. 4]. Министр по вопросам экономики, сельского хозяйства и продовольствия А. Гугенберг также выразил свое неодобрение антисемитскими мерами нацистов.

Кроме оппозиции внутри правительства нацисты столкнулись с проблемой чисто экономического характера. Бойкот, проходивший под лозунгом «защиты германского труда», в действительности нанес удар и по немцам, так или иначе связанным с еврейскими предприятиями. И без того не простое социально-экономическое положение рейха от проведения подобной акции отнюдь не улучшилось. В этих условиях нацистские руководители пришли к закономерному выводу о том, что «народные» бойкоты уже были неэффективны и решение «еврейского вопроса» требовало более тщательной разработки.

С этого времени для реализации генеральной линии своей партии по «борьбе с еврейско-материалистическим духом» гитлеровское прави-

тельство стало использовать меры юридического характера, осознав их действенность и перспективность. Первоапрельский бойкот послужил прологом к развертыванию широкомасштабного наступления на правовое положение еврейских граждан, которое было призвано устранить их «вредоносное» влияние на немецкое общество. Этот путь открывал перед нацистами дополнительные возможности придать законное обоснование всем последующим акциям в отношении евреев. Новая тактика, прозванная современниками «холодным погромом», свое практическое выражение получила прежде всего в квотах, которые существенно ограничивали членство иудеев в профессиональных и общественных объединениях. Одновременно с этим устанавливались всевозможные льготы для лиц нееврейской национальности, дававшие им преимущество перед евреями при занятии должностей различного уровня. Данные меры позволяли нацистам в осуществлении своей антисемитской политики заручиться либо активной поддержкой немцев, либо по меньшей мере их молчаливым согласием.

Результатом многочисленных мартовских эксцессов и первоапрельского бойкота стали эмиграция и волна самоубийств, прокатившаяся среди еврейского населения. Многие евреи не выдерживали атмосферы ненависти и унижений, в которую их погружал гитлеровский режим, и, чувствуя безысходность, шли на крайние меры. Особенно тяжело приходилось лицам интеллигентных профессий. Известный германский журналист еврейского происхождения М. Райнер, оказавшийся одним из тех, кто покинул Германию, в апреле 1933 года посетил еврейское кладбище в Берлине, где наблюдал обилие свежих двойных могил, которые принадлежали супружеским парам, осуществившим совместный уход из жизни. По некоторым данным число самоубийств евреев на данный период достигло 300 – 400 человек [С. 298].

Таким образом, следует подчеркнуть, что первоапрельский бойкот имел огромное значение в истории формирования нацистского антисемитизма. Он ознаменовал начало государственной политики НСДАП против всего еврейского населения Третьего рейха. «Выдворение» евреев из экономики и других сфер общественной жизни должно было лишить их возможности проживать на его территории и вынудить к эмиграции. Иными словами многовековой бытовой антисемитизм, существовавший в Германии еще до прихода Гитлера к власти, был возведен в ранг официальной политики.

Список источников и литературы:

1. Черденникова А. Ю. Еврейское национальное меньшинство в Веймарской республике: проблемы самосознания, ассимиляции, антисемитизма. // Веймарская

республика: история, историография, источниковедение. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Иваново, 2004. С. 105-118.

2. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1348975>.

3. Устрялов Н. В. Германский национал-социализм. 1933. // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry019.htm>.

4. Толанд Дж. А. Гитлер. В 2 т. М.–Х., 1993.

5. Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007.

6. Dawidowicz L. S. The War Against the Jews. 1933-1945. N.–Y., 1986.

7. Клемперер В. ЛТТ: Язык Третьего рейха: записная книжка филолога. М., 1998.

8. Михман Д., Вайц И. Подъем нацизма и формирование антиеврейской политики в Третьем рейхе в 30-е гг. // В кн.: Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995.

9. Шульмейстер Ю. А. Гитлеризм в истории евреев. Киев, 1990.

10. Гутман И., Шацкер Х. Катастрофа и ее значение. Н.–Й., 1990.

11. Шантаж фашистских погромщиков. // Правда. 1933. 2 апреля.

12. Паламарчук Е.А. Антисемитизм и антиеврейская пропаганда как инструмент манипуляции общественным сознанием «арийского» населения Третьего Рейха. // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 3. Ростов-н/Д., 2008.

УДК 940.5

Лепетухин Николай Владимирович
Кандидат исторических наук
Доцент кафедры философии и
социально-гуманитарных дисциплин

Ивановского государственного
политехнического университета

Адрес: 153037, г. Иваново,
ул. 8 Марта, 20

Эл. почта: lepetukhin5@mail.ru

Lepetukhin Nicolas V.
PhD in History

Ivanovo State Polytechnical University.

Post address: 153037, Russian Federation,
Ivanovo, 8 Marta str., 20

e-mail: lepetukhin5@mail.ru

Н.В. ЛЕПЕТУХИН

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И «ОСНОВЫ XIX ВЕКА» Х.-С. ЧЕМБЕРЛЕНА

Статья посвящена формированию нацистской расовой идеологии. Одним из главных ее текстов были «Основы XIX века» Х.-С. Чемберлена (1855-1927), натурализовавшегося в Германии англичанина. В «Основах XIX века», первый раз изданные в Германии в 1900 г., Чемберлен создает очередной расистский миф о превосходстве арийской расы и немцев и опасности для цивилизации евреев. Терминологическая путанность и не возможность точного, научного определения «арийцев», «немцев», «евреев» и т.п., создавали благоприятные условия для пропаганды «германской исключительности», но препятствовали для использования в работе бюрократического аппарата и правовой системы Третьего рейха.

Ключевые слова: Третий рейх, расистская и нацистская идеология, Х.-С. Чемберлен, «Основы XIX века», А. Гитлер, «Нюрнбергские законы».

N.V. LEPETUKHIN

**TERMINOLOGICAL DIFFICULTIES OF NAZI IDEOLOGY AND
"BASES OF THE 19TH CENTURY"
OF H.-S. CHAMBERLAIN**

Article is devoted to formation of nazi racial ideology. "Bases of the 19th century" of H.-S. Chamberlain (1855-1927) naturalized the Englishman in Germany were one of her main texts. In "Bases of the 19th century", the first time published in Germany in 1900, Chamberlain creates the next racist myth about superiority of Aryan race and Germans and danger to a civilization of Jews. The terminological inconsistency and not a possibility of exact, scientific definition of "Aryans", "Germans", "Jews", etc., created favorable conditions for promotion of "the German exclusiveness", but interfered for use in work of officialdom and legal system of the Third Reich.

Keywords: Third Reich, racist and nazi ideology, H.-S. Chamberlain, "Bases of the 19th century", A. Hitler, "The Nuremberg laws".

15 сентября 1935 года на ежегодном нюрнбергском съезде партии, перед приблизительно 500 депутатами рейхстага А.Гитлер произнес необычно короткую для него публичную речь, в которой затронул еврейскую тему [1, С. 203]. Далее Гитлер попросил Геринга зачитать второпях составленные «Закон о гражданстве рейха» и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», вошедшие в историю как «Нюрнбергские законы». Согласно первому расовому закону, закону о гражданстве в рейхе, евреи лишались гражданства и определялись как «лица, относящиеся к рейху». Второй закон запрещал браки и сексуальные отношения между евреями и гражданами рейха, запрещал евреям нанимать слуг-христиан моложе 45 лет и пр. [2]. Торопливый, спешный характер этих законов подтверждается тем, что, во-первых, их чтение исключили из прямой общегосударственной радиотрансляции, а, во-вторых, что важнее, в самих законах не было дано основного определения – кто такой «еврей»? Сам Гитлер и другие нацистские идеологи испытывали затруднение в точном определении главного, на их взгляд, врага немецкого государства. Исполнение законов всегда нуждается в четкой терминологии, но «Нюрнбергские законы» были лишены этой привилегии, что вызывало в юридической системе III рейха сумятицу.

Что являлось предпосылками этих законов? И почему исполнительная немецкая бюрократия в своем стремлении сохранить чистоту арийской крови, тонула в семантическом болоте?

В конце 1933 года министр внутренних дел В. Фрик создал «Комитет рождаемости и расы», который вскоре выдвинул закон о принудительной

стерилизации, направленный, прежде всего, против евреев. Закон был принят, но Комитет не разработал больше не одной антисемитской меры, поскольку члены Комитета не смогли прийти к единому мнению по поводу достаточного процента еврейской крови. В это же время нацистский юрист Г. Франк (личный юрист Гитлера) основал «Академию немецкого права», одной из важных задач которой было приведение законодательства в соответствии с расовыми ценностями. Многочисленные эксперты множества подкомитетов Академии запутались в основных понятиях: «ариец», «немец», «смешанная кровь», «родственная кровь». Концептуальный туман дискредитировал расистскую идеологию. И эта понятийная путаница была, в общем-то, принципиальной.

В конце XIX – первых десятилетиях XX веков расово-антропологическая тема в Германии была и популярна в обществе и востребована государством. Этой актуальной проблематикой интересовались небольшое количество профессионалов и постоянно увеличивающаяся масса дилетантов и шарлатанов.

Популяризацией расистских теорий и идей активно занимался «Пангерманский союз», представлявший собой центр бесчисленных объединений (тайных лож, открытых учебных кружков и т. п.), которые занимались «германоведением». Им ставилась цель: культивировать в немецком обществе расистское чувство особой национальной ценности. «Пангерманский союз» располагал крупным по тем временам «научным» и пропагандистским инструментарием, в том числе – мюнхенским издательством, которое выпускало обязательный для всех врачей «Мюнхенский медицинский еженедельник», поощряло внедрение расизма в немецкую антропологию и медицину [3, С. 30].

Поощряли распространение расизма в Германии и крупные немецкие предприниматели. Так, в 1903 году сталепромышленник Крупп объявил открытый конкурс на лучшую работу «об использовании достижений учения о происхождении и наследственности в социальной жизни». Премию получила работа Шальмайера, которая, опираясь на «Евгенику» Ф. Гальтона, стала исходным пунктом развития в Германии так называемой «расовой гигиены» [4, С. 31]. Еще в 1913 году председатель «Пангерманского союза» Г. Класс вступил в контакт Х.-С. Чемберленом. Они начали выпускать журнал «Обновление Германии», который с началом мировой войны в тысячах экземплярах распространялся среди солдат на фронте [3, С. 32]. В начале XX века Х.-С. Чемберлен был известной фигурой в Германии. Выход в свет его книги «Основы XIX века» в 1900 году стало своего рода сенсацией. В течение десяти лет книга выдержала 8 изданий тиражом 60 тыс. экземпляров; к началу Первой мировой войны было продано 100 тыс. экземпляров, а к 1932 году, когда объявили

уже о 24-м издании книги, продано более четверти миллиона ее экземпляров [4, С. 140].

Хьюстон-Стюарт Чемберлен родился в Англии в 1855 году, но вскоре перебрался на континент, где добровольно обрел свою «вторую родину» в Германии. Получив образование в Женевском университете, Чемберлен увлеченно занимался пропагандой «нового искусства» Р. Вагнера и участвовал в делах музыкального фестиваля в Байрейте. Х.-С. Чемберлен – автор многих трудов, в которых перемешались его обширные познания в искусствоведении, философии, истории и естественных науках. Но самой известной его работой были «Основы XIX века».

Свою основную работу Чемберлен писал с февраля 1896 по сентябрь 1898 годов. Окончательный вариант исследования включил в себя более 1200 страниц. Так появился его двухтомник «Основы XIX века» (*Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts*): первый том – «Основы» и второй том – «Формирование нового мира», плюс «Общее введение» и «Приложение». Однако собирать материал для второй и третьей частей своего труда Чемберлен продолжал всю жизнь. В контексте этой работы им были позднее написаны книги об И. Канте (1905) и И.-В. Гете (1912).

Первый том «Основ XIX века» включает в себя три части: «Наследие», «Наследство» и «Борьба». Каждая из них состоит из глав, всего их – восемь: «Искусство и философия эллинов», «Римское право», «Христос», «Хаос народов», «Появление евреев в истории», «Религия» и «Государство». Второй том состоит из одной главы – «От 1200 г. до 1800 г.». Однако она делится на восемь подглав: «Германцы – создатели новой культуры», «Исторический обзор», «Открытия (от Марка Поло до Гальвано)», «Наука (от Роджера Бэкона до Лавуазье)», «Промышленность (от распространения бумаги до паровой машины Уатта)», «Социальная экономика», «Политика и церковь (от 1215 г. до Французской революции)», «Философское мировоззрение и религия (от Франциска Ассизского до И. Канта)», «Искусство (от Джотто до Гете)».

Самая длинная глава «Основ...» – «Появление евреев в истории Востока» – посвящена решению важного для автора вопроса: кто же такие евреи? Чемберлен начал осторожно, утверждая, что евреи не являются врагами цивилизации и германской культуры, и предостерег от стремления сделать их «козлами отпущения за все грехи нашего времени» [5, Р. 441]. Он отвергал неоднократно (словно желая подчеркнуть обратное) любую личную враждебность к отдельному еврею и демонстративно посвятил книгу еврею Джулиусу Вейзнеру – старому профессору и ректору Венского университета. Однако, отделив себя от вульгарного антисемитизма, Чемберлен затем сослался на авторитеты (начиная с Тиберия и заканчивая Бисмарком), которые смотрели на евреев как на политическую

и социальную опасность. Поэтому, прежде, чем немцы обретут «иммунитет» от семитского влияния, они должны узнавать своего врага по составленному Чемберленом моральному и физическому портрету.

Занимаясь «Основами...», Чемберлен читал работы по истории еврейского народа, но использовал найденную в них информацию, чтобы подкрепить свое пристрастное мнение. Он сделал наброски истории «настоящих евреев», или израэлитов, созданных смешением трех различных расовых типов. Их основой, писал Чемберлен, заимствуя терминологию у французского расиста и антрополога-любителя (адвоката по профессии) Ж. В. Ляпужа [6, С. 113-157], был *Homo arabicus* – семитский бедуин, в котором преобладала развитая сила воли. Благодаря жизни в суровых условиях пустыни *Homo arabicus* был выносливым, но ограниченным (с неразвитым воображением) человеком. Влияние его крови выказывалось в фанатичном религиозном рвении евреев.

Второй тип – *Homo syriacus* – сильный физически, но слабый и интеллектуально, и морально. Его влияние, пишет Чемберлен, можно найти в деловой хватке и духовной бедности современных евреев. Смешение этих двух типов дало начало *Homo judaeus* (нечистокровному еврею).

Третий расовый тип – *Homo europaeus*, – скрещиваясь с *Homo judaeus*, давал израэлитов. *Homo europaeus* – высокий, светлокожий, голубоглазый ариец – не смог улучшить «испорченный» иудейский тип, т. к. «благородная» арийская кровь в нем растворилась и почти исчезла. Это «почти» позволило Чемберлену отыскать корни некоторых положительных черт и найти объяснение «короткому периоду процветания» израэлитов при Давиде и Соломоне. От чистокровных израэлитов взяла начало еврейская раса.

В высказываниях Чемберлена о евреях – множество самых разных противоречий, что типично для расистов и антисемитов. Так, он называет евреев то «чистой расой», то «негативной» расой, то «нечистокровным народом», чья история, начинаясь из смешения неродственных корней, разрушала все расовые законы. В подобной же манере Чемберлен использует и термины «евреи» (*juifs*) и «семиты» (*semites*): иногда он их взаимозаменяет, а иногда – различает.

Говоря о германских народах, Чемберлен имеет в виду совокупность «различных североевропейских народов, известных в истории, как кельты, собственно германцы и славяне..., из которых произошли народы современной Европы» [5, Р. 349]. Европа сегодня – это «бесконечная пестрота», «бесконечные варианты смешения народов», но существует некое «Единое органичное средоточие» – германская кровь. «Важность каждой нации, ее жизненная сила» определяется пропорцией «чистой германской крови» в народе. «Германец – это душа нашей культуры...

истинная история начинается в тот момент, когда Германец воспринял античное наследие» [5, Р. 349].

Чемберлену было очень важно показать, что в современной пестроте европейских кровей именно немцы унаследовали самый большой процент «германской» крови, именно они являются «благородным» народом. «Очевидно, – рассуждает Чемберлен, – что неравные способности существуют даже у этнических групп, чье происхождение ведется от общих родителей» [5, Р. 374].

Чтобы разобраться в причине этого, он выводит пять «основных» законов. По первому из этих законов, «основное условие (формирования благородных рас. – Н. Л.) – это, без исключения, существование перво-сортного материала исключительного качества» [5, Р. 374-389]. Под «материалом» Чемберлен, по-видимому, подразумевает «благородную германскую кровь», неизвестно откуда берущуюся: «Я абсолютно ничего не знаю об этом...», пишет он [5, Р. 374].

Зато Чемберлен уверен (второй закон), что для сохранения «истинного величия» расы необходим «длительный режим эндогамии», т. е. браков внутри расы. В действенности закона эндогамии он убеждает читателей на примере древних греков, римлян, франков, швабов, итальянцев и испанцев «эпохи расцвета», мавров, англичан и евреев.

Третий закон – закон селекции или отбора – был обязателен, на взгляд Чемберлена, в Древней Греции, Риме и Иудее. Селекция закаляла расовый материал по принципу естественного отбора: «оставление на произвол судьбы больных младенцев» – «один из самых полезных законов».

Формулируя четвертый закон – «формированию всякой выдающейся расы всегда предшествует смешение крови» [5, Р. 376–377], – Чемберлен ссылается на работы Э. Курциуса о Древней Греции, Т. Моммзена о Римской республике и Ж.-А. Гобино, пишущего в «Опыте о неравенстве человеческих рас» о «просачивании семитской крови в греческую» [5, Р. 379]. Пятый закон уточняет четвертый: смешение кровей должно быть ограниченным по времени, иначе оно разрушительно для «благородной» расы.

Чемберленовские законы формирования «благородной расы» – это, по сути, конспективное изложение расовой теории Ж.-А. Гобино, лишенной пессимистической направленности: в них та же «историческая химия» вливания-переливания кровей, тот же пристрастный подбор примеров из античной истории, та же критика современности сквозь призму «фундаментальных» законов. Заявляя во Введении, что без рассмотрения расового вопроса невозможно представить и обсудить историю XIX столетия, Чемберлен вовсе не определяет самого понятия «раса». Он лишь спорит с научным направлением (Райнах С. «Происхождение арийцев», Ранке Дж.

«Человек» и др.), утверждавшим, что раса – это «гипотетическая сущность», аналогичная понятию «человечество». Чемберлен дал определение расе позднее, в работе «Раса и личность» (1925): «Раса – это духовное состояние жизни, произведенное благодаря чистой селекции, связанное с особыми (историко-географическими. – Н. Л.) обстоятельствами, благодаря которым определенные черты характера, интеллекта и строения тела получают ранее не подозреваемое индивидуальное развитие» [7, S. 74]. И далее: «Наконец остается семит, как понятие прарасы, точно так же, как ариец, без которых нельзя ничего понять, но нужно остерегаться, принимая их за чистую монету; настоящая монета – это исторически сложившиеся индивидуальности» [7, S. 74]. Почему же появилось это странное определение расы, выводимое через индивидуальность?

Чемберлен развивал свои аргументы, исходя из изречения Гете о том, что индивидуальность должна быть «внешне ограничена, внутренне свободна». Он представил германцев как расу, которая, сознательно ограничивая поле своей внешней деятельности, была безгранична в своем внутреннем, духовном, мире. Подходы к этому у Чемберлена обнаруживаются уже в «Основах XIX века», когда он говорит о германцах как о творцах всей духовной культуры человечества. Получается, что «благородный» германец, будучи гениальным творцом, сначала создал «истинную» культуру, а сегодня он призван ее охранять, превратившись в истового защитника в божественном ореоле.

Чемберлен прочел массу трудов современных ему антропологов, но в их спорах о европейских или азиатских корнях арийской расы он не принял ничей стороны. Проблема поиска колыбели цивилизации интересовала его меньше, чем «открытие» физических и моральных характеристик высшей расы. Он презирал тех ученых, «которые до сир пор не знали, что очертания головы и структура мозга оказывают решительное влияние на форму и содержание мыслей» [5, P. 663]. Цвет волос, кожи и форма черепа были индикаторами германской крови, но они должны дополняться моральными характеристиками. Духовная глубина, твердое чувство преданности и интеллектуальная свобода, не имеющая ничего общего со свободой, проповедуемой либералами или приверженцами конституций, – выдающиеся качества германского характера по Чемберлену.

Х.-С. Чемберлен упростил расовую картину мира, разделив человечество на германскую и антигерманскую расы. Даже говоря о китайцах, он замечал, что «во многих отношениях эта человеческая разновидность показывает поразительное сходство с евреями, особенно – в полном отсутствии всякой культуры и одностороннем развитии цивилизации» [5, P. 695]. Чемберленовские «Основы...» пропитаны традициями немецкого

идеализма и романтизма. Между тем в них было мало нового. Видение германцев как избранного народа – наследника античности и защитника христианства – можно найти и в других трудах (К. Лассена, Ф.М. Мюллера, Э. Ренана и др.) [8, Р. 199]. Однако в большей мере они навеяны все-таки размышлениями Р. Вагнера о культуре и «Опытом о неравенстве человеческих рас» Ж.-А. Гобино. Да и педантичное нагромождение фактов и собрание данных разнообразных наук служит, скорее, демонстрации авторской осведомленности. Напыщенный стиль, яркая образность, запутанная терминология и понятийный аппарат – характерные черты «Основ XIX века». Неудивительно, что нацисты избрали Х.-С. Чемберлена своим пророком, а «Основы...» стали одним из основных текстов германского расизма и благодатной почвой для фантазий нацистских псевдофилософов вроде А. Розенберга. Но эти же черты «Основ XIX века» вносили свою лепту в то иррациональное состояние, к которому все время склонялась правовая система Третьего рейха и не только в расовом вопросе.

На похоронах Чемберлена в январе 1927 года А. Гитлер присутствовал лично. В последний путь Чемберлена провожали гитлеровские штурмовики. На погребальном венке была пафосная надпись: «Германия похоронила одного из величайших своих мыслителей, борца за германское дело» [9, С. 163].

Список источников и литературы:

1. Кунц К. Совесть нацистов / К.Кунц. – М.: Ладомир, 2007. – 400с.
2. Закон о гражданстве рейха, Закон о защите немецкой крови и немецкой чести // [Электронный ресурс] – URL: www.1000dokument.de/index.html..(дата обращения: 22.05.2016).
3. Опитц Р. Фашизм и неофашизм / Р.Опитц. – М., 1988. – 280 с.
4. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / У.Ширер. – Т. 1. – М., 1991. – 653 с.
5. Chamberlain H.-S. La genèse du XIX siècle / H.-S. Chamberlain. – Т. 1–2. – Paris, 1913. – Т. 1. – 882 р.
6. Тагиефф П. А. Цвет и кровь: французские теории расизма / П.А.Тагиефф. – М.: Ладомир, 2009. – 238 с.
7. Chamberlain H.-S. Rasse und Persönlichkeit / H.-S.Chamberlain. – München, 1937.
8. Field G. Evangelist of race / G.Field. – N.Y.,1981.
9. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / М.Саркисянц. – СПб., 2003. – 400 с.

УДК 94

Погорельский А.В.
кандидат исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и
экономики зарубежных стран

Воронежский государственный
университет
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 239-29-31
e-mail: pogorelsky@mail.ru

Pogorelsky A. V.
PhD in History,
Associate Professor of Department of
Regional Studies and Foreign Countries
Economics
Voronezh State University

Voronezh, Russia,
tel. (473) 239-29-31
e-mail: pogorelsky@mail.ru

А.В. ПОГОРЕЛЬСКИЙ **КРАХ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ**

Данная статья посвящена проблеме падения правящего в ГДР политического режима и создания единого германского государства. В 1988–1989 годам в странах социалгера происходят колоссальные изменения, связанные с либерализацией политического и экономического курса, единственной страной, оставшейся незатронутой этими изменениями, была ГДР. Несмотря на стремление властей ГДР изолировать общество от влияния событий, происходивших в СССР и странах социалистического блока, уже с 1988 года в ГДР начинаются массовые протесты против правящего режима. В результате этих событий произошел крах восточногерманского режима и создание единого германского государства.

Ключевые слова: ГДР, политический режим, массовые протесты, падение Берлинской стены.

A. V. POGORELSKY **COLLAPSE OF EAST GERMAN SOCIALISM AND THE UNIFICATION OF GERMANY**

This article is devoted to the fall of the ruling political regime in the GDR and the creation of a unified German state. In 1988-1989 years in the countries of the socialist camp take place tremendous changes due to the liberalization of political and economic policy, the only country to remain unaffected by these changes was the GDR. Despite the desire of the authorities to isolate the GDR society from the impact of events that occurred in the Soviet Union and the socialist bloc countries, already in 1988 in the GDR begins mass protests against the ruling regime. As a result of these events occurred the collapse of the East German regime and the establishment of a unified German state.

Keywords: East Germany, the political regime, the mass protests, the fall of the Berlin Wall.

6 октября 1989 г. Германская Демократическая Республика торжественно отметила свой 40-летний юбилей. В эти дни никто не мог и подумать, что уже через год ГДР станет историей. На празднование юбилея был приглашен генеральный секретарь КПСС М. Горбачев, который в эти дни провел несколько встреч с руководителем ГДР Э. Хонеккером.

Во время неофициальной части М. Горбачев сказал Э. Хонеккеру свои знаменитые слова о том, что того, кто не успевает делать вовремя, кто не готов к переменам, наказывает время. Этими словами М. Горбачев пытался донести до руководства ГДР понимание того, что промедление с реформированием политической системы восточногерманского государства может привести к непредсказуемым последствиям. В 1988–1989 гг. в странах соцлагеря происходят колоссальные изменения, связанные с либерализацией политического и экономического курса, единственной страной оставшейся незатронутой этими изменениями была ГДР. Глава ГДР Э. Хонеккер не принял новых веяний из Москвы и категорически отказывался копировать советский опыт реформ, дошло до того что в Германской Демократической Республике были запрещены советские периодические издания, поскольку восточногерманские власти считали, что советская пресса разлагающе действует на умы граждан.

Несмотря на стремление властей ГДР изолировать общество от влияния событий, происходивших в СССР и странах социалистического блока, уже с 1988 г. в ГДР начинаются массовые протесты против режима СЕПГ. В Лейпциге и Дрездене проводились так называемые демонстрации по понедельникам, когда люди молча собирались и проходили по главной площади, ничего не говоря, но тем самым демонстрируя свое отношение к действующей власти и желание перемен [1].

Усиливались экономические проблемы. Восточногерманская экономика стремительно теряла свою рентабельность, а товары, произведенные в ГДР, перестали пользоваться спросом на мировом рынке. Негативно на состоянии экономики сказывалась популистская политика режима Э. Хонеккера, сдерживавшего оппозиционные настроения в обществе опережающим повышением уровня жизни. Значительная часть внешних займов использовалась для закупок в западных странах товаров массового потребления с целью удовлетворить растущий спрос населения. Ценой роста благосостояния восточногерманского общества стал стремительный рост государственного долга. Реальной стала угроза финансового краха ГДР. Режим СЕПГ стремительно приближался к своему краху.

Спустя несколько дней, после того как торжественно отметили 40-летие Германской Демократической Республики, 17 октября в результате интриг внутри правящей СЕПГ Э. Хонеккер был снят со всех должно-

стей, что означало начавшиеся серьезные перемены в партийном руководстве ГДР. Новым главой СЕПГ стал Э. Кренц.

Вскоре произошло событие, которое стало прологом к созданию единого германского государства. 9 ноября 1989 года произойдет падение Берлинской стены. В этот день во время пресс-конференции, которую проводила верхушка СЕПГ, секретарь ЦК СЕПГ по вопросам информации Г. Шабовски на вопрос одного из иностранных журналистов, как обстоят дела со свободой выезда и перемещения, и когда будет открыта граница, неожиданно для всех ответил, что прямо сейчас решение об открытии границы вступает в силу.

Пресс-конференция была показана в прямом эфире телевидением ГДР, и уже спустя несколько часов на всех контрольно-пропускных пунктах Берлина стали скапливаться граждане ГДР, требующие открыть границу между ФРГ и ГДР. Пограничники не знали, как реагировать и что делать и лишь звонили вышестоящему руководству, которое тоже не имело представления, как действовать в сложившейся ситуации. После длительного размышления, пограничники принимают решение пропускать граждан ГДР через границу при предъявлении паспорта гражданина ГДР.

За две недели после открытия границы территорию ФРГ посетило примерно 2,5-3 миллиона граждан ГДР. После этих событий руководителям ГДР стало ясно, что перемены, которые были запущены, требуют дальнейших конкретных шагов на политическом уровне.

Уже 1 декабря 1989 г. из конституции ГДР была исключена статья о руководящей роли СЕПГ. Пленум ЦК СЕПГ принял решение об исключении из партии группы бывших руководителей во главе с Э. Хонеккером. 8 декабря 1989 г. был снят со своих постов и Э. Кренц. Новым председателем партии был избран Г. Гизи. Сама СЕПГ была преобразована в Партию демократического социализма. С ноября 1989 г. происходил быстрый процесс трансформации существовавших и образования новых партий. Дорога к объединению Германии в единое государство была открыта, но этот вопрос требовал и международного урегулирования [2].

Основной проблемой при создании единой Германии были взаимоотношения между странами бывшей антигитлеровской коалиции, то есть между Советским Союзом, Соединенными Штатами, Великобританией и Францией, мнения руководства которых относительно создания объединенного германского государства не совпадали. Так М. Горбачев готов был пойти навстречу Г. Колю, федеральному канцлеру ФРГ, который был главным инициатором объединения. Поддержал идею создания общегерманского государства президент США Дж. Буш старший. Однако премьер-министр Великобритании М. Тэтчер первоначально категорически отказалась давать свое согласие на объединение Германии, аргументируя свое

решение страхом перед возрождением Германии, которая может потребовать вернуть себе земли, отторгнутые после Второй мировой войны, а это чревато новой большой европейской войной. Довольно осторожную позицию по вопросу об объединении Германии занял президент Франции Ф. Миттеран.

С большим трудом Соединенные Штаты и СССР при посредничестве президента Франции Ф. Миттерана смогли убедить М. Тэтчер дать свое согласие на объединение. Канцлер ФРГ Г. Коль дал все гарантии, которые от него требовали и Советский Союз, и Великобритания, и Франция [3].

После проведения выборов в новый парламент ГДР было принято решение о присоединении Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германия. В мае 1990 г. между правительствами ГДР и ФРГ был подписан договор об экономическом, валютном и социальном союзе, который вступил в силу 1 июля 1990 г.

22 августа Народная палата ГДР приняла закон о проведении общегерманских выборов на основе избирательного закона ФРГ. Вскоре было принято решение о присоединении ГДР к сфере действия основного закона ФРГ, что фактически означало ликвидацию государственного устройства ГДР и распространение на ее территорию сферы действия законов Западной Германии.

24 августа 1990 г. Бундестаг ФРГ поддержал решение Народной палаты ГДР о присоединении к ФРГ и одобрил закон о проведении общегерманских выборов 2 декабря 1990 г. 31 августа 1990 г. был подписан «Договор об объединении Германии».

3 октября 1990 г. Германия стала единым государством. Важным моментом для понимания этих событий является то, что произошло не объединение двух Германий, а поглощение ФРГ ГДР. В Конституции ФРГ, принятой 1949 г., специально был прописан механизм, позволявший осуществить объединение обоих германских государств.

После объединения на волне всеобщей эйфории казалось, что история разделения страны на две части теперь уже прошедший этап, но вскоре стало ясно, что это не так. Даже спустя два десятилетия после объединения разница между восточными и западными немцами остается до сих пор. Речь идет не только об экономических различиях между западными и восточными землями, но и восприятию восточными и западными немцами друг друга. Эти процессы нашли отражение даже в языке. Появились такие термины как «весси» и «осси», то есть западные немцы и восточные немцы с оттенком взаимного пренебрежения. В восточногерманских землях возникнет такое явление, как «остальгия», то есть ностальгия по ГДР. Эйфория первых лет после объединения, сменилась частичным разочарованием его результатами. Экономический потенциал

земель ГДР и ФРГ оказался настолько разным, что Восточная Германия до сих пор экономически значительно отстает от Западной.

Создание единого германского государства имеет огромное значение для современной Европы. Объединившись, Германия стала самым могущественным и сильным игроком в рамках современного Европейского Союза и локомотивом европейской интеграции. Экономический и научный потенциал современной ФРГ позволяет ей играть роль не только регионального, но и глобального игрока. Однако эта глобальная роль еще до конца не осознана правящей элитой современной ФРГ. Очевидно, что для осознания немцами своего нового статуса требуется определенное время.

Список источников и литературы:

1. Кузьмин И.Н. Крушение ГДР: История. Последствия / И.Н. Кузьмин. – М., 1996.
2. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению / А.М. Филитов. – М., 1993.
3. Истягин Л.Г. Политический портрет Г. Коля / Л.Г. Истягин. – М., 1995.

УДК 327.7(061.1ЄС)

Сидоренко А.С.

Аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений исторического факультета Запорожского национального университета г. Запорожье

Научный руководитель:

к.и.н., профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Запорожского национального университета

Давлетов Александр Рашидович

Адрес:

69069, Украина, Запорожье, ул. Днепрпетровское Шоссе 46/93

Эл.почта: Niflheimrx@gmail.com

Sydorenko A.S.

Postgraduate at the world history and international relations department of the Zaporizhya national university, Zaporizhya

Supervisor:

Candidate of Historical Sciences, full professor at the world history and international relations department of the Zaporizhya national university

Davletov Oleksandr Rashydovych

Post Address:

69069 Ukraine, Zaporizhya, Dnepropetrovsk highway 46/93
e-mail: Niflheimrx@gmail.com

А.С. Сидоренко

**НЕМЕЦКО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ИНИЦИАТИВА
ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ
(ПЛАН ГЕНШЕРА–КОЛОМБО)**

В данной статье автор проводит анализ как самого текста плана Геншера-Коломбо, так и тех оценок и идей, которыми руководствовались министры иностранных дел Федеративной республики Германии и Италии в процессе создания проекта, которым предусматривалось реформирование Европейского Сообщества.

Ключевые слова: Проект Европейского акта, предложения (план) Геншера-Коломбо, Европейские сообщества.

A.S. Sydorenko

**GERMAN-ITALIAN INITIATIVE
ABOUT EUROPEAN COMMUNITIES REFORMATION
(GENSCHER–COLOMBO PLAN)**

In this article analyze the author the Genschler-Colombo Plan text, and those estimates and ideas that guided the Ministers of Foreign Affairs of the Federal Republic of Germany and Italy in the process of creating a project which envisaged reform of the European Communities.

Keywords: Daft European act, Genschler-Colombo proposals (plan), European communities.

Историю Европейского сообщества можно рассматривать как кризисную эволюцию. К концу 70-х – началу 80-х годов XX в. кризисы стали способом жизни, а европейское внутриполитическое пространство изо-

биловало множеством разнообразных докладов и предложений по их решению.

Проект европейского акта, изначально являющийся инициативой министра иностранных дел Федеративной республики Германии (ФРГ) Ганса-Дитриха Геншера и впоследствии поддержанный итальянским министром внутренних дел Эмилио Коломбо, получивший известность под названием «план Геншера-Коломбо», официально был обнародован в ноябре 1981 г. посредством представления его в Европейском парламенте [1. С. 217]. Текст данного документа невероятно краток: он состоит из преамбулы, принципов, предложений, а так же заключительных положений относительно перспектив. Кроме того, проект акта снабжен кратким заявлением по вопросам экономической интеграции [2. С. 120-125].

Проект европейского акта характеризовал состояние Европейского сообщества. В своем проекте авторы отразили основные европейские проблемы – застой, неспособность участвовать в принятии эффективных решений и общий паралич Сообществ. В основном это ощущалось на уровне министерств и в межправительственных эшелонах европейских процессов принятия решений.

Помимо внутриевропейских кризисных явлений, которые актуализировали необходимость реформирования системы Европейских сообществ, значительное влияние на осознание необходимости изменений оказало советское вторжение в Афганистан, которое обеспокоило министерства иностранных дел западных стран. Все десять стран Европейского сообщества осудили вторжение и начали согласованные усилия по вовлечению Советского Союза в процесс переговоров по выводу войск. Однако все эти усилия показали свою несостоятельность. Неспособность Европы существенно влиять на ход событий, ее незащищенность и открытость воздействию внешней агрессии наиболее остро ощущались именно в МИД Германии. В ФРГ осознали то огромное несоответствие между потенциальной политической ролью Европы и ее фактическим влиянием [3. С. 657]. И задалась вопросом, не следует ли приложить усилия для ликвидации этого разрыва? Не являются ли полномочия Сообщества в отношении бюджетной политики и связанных с ней проблем лишь отвлекающим внимание фактором от более фундаментальных вопросов, и нет ли опасности, что европейское общественное мнение может прийти к выводу, о том, что смысл существования Сообщества заключается исключительно в бесконечных финансовых дрязгах, вопреки широким государственным интересам стран-участниц, которым оно призвано служить? Немецкие министры и чиновники были все более обеспокоены ослаблением поддержки идеи существования Европейского сообщества со стороны немецкого народа, эти тенденции

Ганс-Дитрих Геншер будучи лидером Свободной Демократической партии Германии (СвДП), которая была особенно привержена Сообществу, хотел обратить вспять. Советское вторжение в Афганистан оказалось не только отличным поводом к действию, но и выявило необходимость в повышении уровня европейской безопасности, в частности посредством дальнейшей унификации Европы и усиления ее роли на международной арене [4. С. 129-130].

В министерстве иностранных дел ФРГ утверждалось, что данная инициатива необходима для повышения лояльности государств-членов идеалам Сообщества и поддержки процесса объединения Европы [3. С. 658].

Так возникла идея создания проекта декларации о Европейском союзе. Цель данной инициативы состояла в том, чтобы сделать Сообщества более эффективными и актуальными, способными более гибко реагировать на современные вызовы. Выбранные средства и центральные идеи немецкой инициативы, заключались, во-первых, в отмене организационных и процедурных различий между теми вопросами, которые входят в компетенцию Сообществ и теми, которые рассматриваются по линии политического сотрудничества, и, во-вторых, в развитии непосредственного политического сотрудничества с целью включения в его компетенцию вопросов безопасности. В январе 1981 года в Штутгарте, в своей речи под названием «видимый шаг в направлении Европейского союза», которая была произнесена перед СвДП [5. С. 409], Ганс-Дитрих Геншер поднял тему необходимости повышения уровня европейской безопасности посредством объединения Европы. Работа над данной инициативой и формулированием конкретных предложений велась на протяжении всего года. В ходе неформальных консультаций, проводимых осенью 1981 года с министрами иностранных дел десяти стран-участниц Европейских сообществ, было выявлено, что предложения, включающие изменения основополагающих договоров, для ряда стран будут политически неприемлемыми [6. С. 120]. Согласование разнящихся позиций стран-участниц Европейских сообществ требовало внесения изменений в предложенный проект. К тому времени, однако, было трудно изменить текст, ведь это предполагало внесение поправок в документ, который был на завершающей стадии подготовки. Подобные дебаты относительно изменения текста проекта привели к разногласиям, которые впоследствии стали причиной трудностей в переговорах между странами-участницами. Дополнительной сложностью был сам процесс изменения текста, который происходил фрагментарным образом. Кроме того, далеко не на все вопросы Геншер и Коломбо имели одинаковые взгляды, и текст проекта разрабатывался в ходе многочисленных дискуссий [3. С. 659].

В итоге инициатива, предложенная министрами иностранных дел Германии и Италии, состояла из двух отдельных документов. Первый документ «проект Европейского акта» [2. С. 120], идеологом которого являлся Ганс-Дитрих Геншер, был посвящен роли институтов Сообщества и отношениям между ними, отношениям между Сообществами и политическому сотрудничеству, а также развитию межправительственного сотрудничества. Преамбула, посвященная важности самого существования Европейских сообществ, защите фундаментальных прав человека, необходимости дальнейшего сотрудничества стран-членов в политической, культурной, экономической сферах, предшествовала первой части акта, которая называлась «Принципы». В первой части шла речь о необходимости развития политического и межправительственного сотрудничества, особая роль уделялась потребности в общей европейской внешней политике, которая должна была включать в себя координацию политики в сфере безопасности. Вторая часть, «Институты», касалась отношений между структурами Европейских сообществ. Выдающаяся роль была отведена Европейскому парламенту и Европейскому совету, хотя, последний и не упоминался в основополагающих договорах, ему предоставлялся более высокий статус, чем Совету министров. В свою очередь, единый Совет министров, созданный согласно Римскому договору, должен был быть разбит на ряд Советов в соответствии с их отличительными обязанностями, которые должны были обслуживаться Секретариатом совета. Советы должны были действовать в различных сферах, например, в области культуры. Было предложено развивать политическое сотрудничество наряду с созданием собственного секретариата. Отмечалась потребность в совершенствовании процесса принятия решений в Совете, со ссылкой на положения договоров о голосовании, при достижении компромисса относительно их реализации и опираясь на Люксембургский компромисс 1966 года. Заключительная часть проекта «Перспективы» содержала обязательства пересмотреть возможность подписания договора о Европейском союзе по истечению пятилетнего периода [2. С. 125].

Второй документ под названием «Заявление по вопросам относительно европейской интеграции» [3. С. 690] будучи детищем Емилио Колombo, содержал список стратегических приоритетов в пределах компетентности Сообщества. К таким приоритетам были отнесены:

- укрепление общего рынка,
- реформирование общей сельскохозяйственной политики
- усовершенствование бюджетной структуры,
- развитие Европейской валютной системы,
- обозначена важность принятия мер для сокращения уровня безработицы и улучшения инвестиционного климата,

– отдельно выделена важность не только дальнейшего экономического сближения десяти стран-участниц, но и расширения Европейских сообществ за счет присоединения стран Пиренейского полуострова – Испании и Португалии.

«Заявление по вопросам относительно европейской интеграции», по сути, было не столько самостоятельным уникальным документом, но дополнением к основному тексту проекта, резюмирующим перечень вопросов, подлежащих обсуждению, и целей, стоящих перед Сообществом, вместе с тем, он не содержал руководства относительно того, как эти цели могут быть достигнуты.

Идеи и предложения, изложенные в «плане Геншера-Коломбо», основывались на тех оценках, которые его авторы сформулировали на основе внутренних тенденций, сложившихся в Европейских сообществах [4. С. 130].

Наиболее полное официальное обоснование предлагаемого проекта было дано авторами на пленарном заседании Европарламента 19 ноября 1981 года [1. С. 117-120]. Несомненно, помимо официального обоснования, существовали и скрытые мотивы. Однако, на наш взгляд, первостепенную важность имеет обращение к фактическому материалу с целью анализа официального разъяснения тех процессов, исходя из которых и был создан план, для дальнейшего анализа того, в какой степени меры, предложенные в Проекте, соответствовали официально представленным оценкам авторов.

В ходе анализа выступления авторов в Европарламенте и самого текста проекта, на наш взгляд, можно выделить три основных идеи в их оценках сложившейся ситуации внутри Сообществ, которые побудили Ганса-Дитриха Геншера и Эмилио Коломбо к созданию своего плана по реформированию Европейского сообщества и созданию Европейского союза.

Идея первая: недостаточная эффективность системы принятия решений Европейскими сообществами. Важность данного аспекта отражена в первой части проекта (принципах). Так, уже в первом пункте, говорится о том, что для удовлетворения ожиданий народа в продолжении дальнейшей европейской унификации необходимы более эффективные структуры принятия решений.

Неэффективность в сфере принятия решений аргументируется авторами такими факторами как:

А). Фрагментация. И в проекте [2. С. 120-125], и в парламентском заявлении [1. С. 117-120] авторы подчеркивают проблемы, которые являются результатом существования разветвленной системы принятия решений. Они конкретно определяют трудности, связанные с искусственными

различиями между структурами Европейского политического сотрудничества и Европейского экономического сообщества структур.

Б). Демократичность, законность, ответственность. Как в парламентском заявлении, так и в тексте проекта особое внимание уделяется Европейскому парламенту:

- подчеркивается необходимость более глубокого участия парламента в процессе принятия решений в сообществе.

- определена потребность в усилении наблюдательных и контролирующих функций парламента.

- потребность в усилении консультативной роли парламента при заключении международных соглашений Сообщества.

- потребность в усилении сотрудничества между Европейским парламентом и национальными парламентами.

В). Ганс-Дитрих Геншер и его коллега Эмилио Коломбо выделили среди основных проблем в сфере принятия решений неспособность действовать в случае использования одной из стран права вето и заявили о необходимости отказаться от данного принципа [1. С. 218, 220].

Идея вторая: выявляются пробелы (или потенциал) в сфере действия и/или влияния традиционной политики Сообщества и его способности решать актуальные проблемы.

К данному фактору относится не только процесс принятия решений, на улучшение которого направлена инициатива Геншера-Коломбо, но и другие, не менее насущные проблемы:

Первостепенное внимание обращается на экономический кризис, затронувший Европу, к проявлениям которого Геншер отнес безработицу и инфляцию в сочетании с падением совокупного реального национального продукта, высокий внешнеторговый дефицит и другие кризисные симптомы [1. С. 216]. Однако, несмотря на то, что в своем выступлении перед парламентом Геншер акцентирует свое внимание на первостепенности данной проблемы [1. С. 216], в самом тексте проекта ее решению, на наш взгляд, не уделяется должного внимания.

Вторым немаловажным аспектом выделяется «жизнеспособность» Сообщества [1. С. 217], которая, в свою очередь имеет два аспекта:

- 1) искусственный разрыв между внешнеполитическими отношениями и политическим сотрудничеством между государствами-членами Сообщества, который является причиной непоследовательности и непонимания иностранными партнерами.

- 2) вопрос безопасности, который, по мнению авторов не может более оставаться вне сферы внимания Сообщества.

Третьим аспектом является пробел и отсутствие гармонизации и стандартизации в сфере юриспруденции. Разрешить данную проблему,

по мнению авторов, призвано создание общеевропейского правового пространства, что позволило бы не только повысить внутреннюю безопасность Сообщества, но и сделать их более стойкими перед лицом внешних опасностей, таких как международная преступность и терроризм [1. С. 218].

Идея третья: тенденция к ослаблению «идеологии» и «духа» европейских интеграционных процессов.

И Ганс-Дитрих Геншер, и Эмилио Коломбо в своих парламентских выступлениях говорили о необходимости «переосмысления европейских идеалов» и важности «укрепления политической воли Европы», с целью «поощрения стремлений к созданию Европейского союза» [1. С. 218-222]. На таком идеологическом уровне Геншер и Коломбо предлагают оживить идею политического сотрудничества, которая за годы существования Сообществ начала терять свою привлекательность [4. С. 12].

Рассмотрев структуру «плана Геншера-Коломбо» и проанализировав те внутренние процессы Европейских сообществ, которые побудили Ганса-Дитриха Геншера и Эмилио Коломбо к формированию своего плана по созданию Европейского союза, на наш взгляд, является уместным проанализировать также и те меры, которые они предложили для решения вызовов, стоящих перед Европейским сообществом.

Таким образом, можно сделать вывод, что «план Геншера-Коломбо» характеризовал реальное состояние Европейского сообщества. Авторы отразили в своем проекте основные европейские проблемы: застой, неспособность участвовать в принятии эффективных решений и общий паралич сообщества. В основном это ощущалось на уровне министерств и в межправительственных эшелонах европейских процессов принятия решений. В то же время меры, предложенные в «плане Геншера-Коломбо», отражая состояние самого сообщества с его внутренними противоречиями, отчасти кажутся такими же противоречивыми:

- Призыв к обновлению и перезапуску идеи Европейского союза наряду с прагматическим подходом, ограничивающим проект европейского акта предложениями, которые должны способствовать достижению консенсуса между государствами-членами.

- Авторы определяют межправительственность частью проблемы и выдвигают предложения по ее устранению, но в тоже время предлагают структуры, которые могут привести к противоположному эффекту.

- Сложившаяся тенденция создания механизмов и процедур вместо проведения реальной и эффективной политики. Предложенный проект также не был лишен данной проблемы.

- Одной из явных проблем Сообщества были чисто декларативные заявления о роли закона, при одновременном поиске практических мер

уклонения от невыгодных правовых обязательств. Подобную двойственность можно проследить и в предложенном проекте.

Следует отметить, что, невзирая на все свое несовершенство и, возможно, излишне самоуверенную попытку охватить слишком многие сферы одновременно, план стал важнейшим шагом на пути эволюции Европейских сообществ в единый Европейский союз. «План Геншера-Коломбо» подтолкнул Европейское сообщество к более основательной дискуссии о дальнейшем развитии, и впоследствии стал основой не только для Штутгартской декларации, принятой в 1983 г., но и Единого европейского акта 1986 года.

Список источников и литературы:

1. Debates of the European Parliament 1981–1982 Session. Report of proceedings from 16 to 20 November 1981 / Official Journal of the European Communities. – Luxembourg: Office for the official publications of the European Communities, 1982. – 336 p.
2. European Foreign Policy Key documents / edited by Christopher Hill and Karen E. Smith. – London: Routledge, 2000. – 500 p.
3. Neville-Jones P. The Genscher-Colombo proposals on European Union / Pauline Neville-Jones // *Common Market Law Review*. – 1983. – № 4. – P. 657–699.
4. Weiler J.H.H. The Genscher-Colombo draft European act: The politics of indecision / Joseph H.H. Weiler // *Journal of European Integration*. – 1983. – Vol. 4, Issue 2–3. – P. 129–153.
5. Kramer H. Bundesrepublik Deutschland / Heinz Kramer // *Jahrbuch der Europäischen Integration* 1981. – 1982. – S. 409–420.
6. Gilbert M. *European Integration: A Concise History* / Mark Gilbert. – Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. – 296 p.

УДК 329.052

Полянский М.А.
Студент факультета
международных отношений
Воронежского государственного
университета
Адрес:
394068 Воронеж
Московский проспект 88
Эл. почта:
polianski15@gmail.com

Polianskii M.A.
Student at the Faculty
of International Relations
at the Voronezh State
University
Post Address:
394068 Voronezh
Moskovskiy prospekt 88
e-mail:
polianski15@gmail.com

М.А. ПОЛЯНСКИЙ
«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»:
КАНДИДАТ В НАРОДНЫЕ ПАРТИИ ФРГ?

Данная статья посвящена трансформации партийной системы Германии и роли партий «второго эшелона» в этом процессе. После ошеломляющего успеха на выборах в бундестаг 2013 года «Альтернативы для Германии», которая едва не прошла в федеральный парламент, эксперты в очередной раз всерьез заговорили о потенциале малых партий в Германии и о том, какое значение они имеют в политическом процессе ФРГ. В статье выявлено, что при сохранении стремительного падения поддержки населением эстаблированных партий в связи с миграционным кризисом популярность АдГ в Германии будет расти, о чем свидетельствуют последние результаты выборов в ландтаги в марте и сентябре 2016 года. Автор также отмечает, что при продолжении сложившейся тенденции в скором времени «Альтернатива» может занять свое место в парламенте страны и пополнить ряды народных партий Германии.

Ключевые слова: ФРГ, партийная система Германии, «Альтернатива для Германии», миграционный кризис, ислам

M.A. POLIANSKII
“ALTERNATIVE FOR GERMANY”:
A NEW CANDIDATE FOR PEOPLE’S PARTY OF FRG?

This article is devoted to the transformation of the party system of Germany and the role the “rear echelon” parties play in that process. After overwhelming victory in the Bundestag elections in year 2013, where “Alternative for Germany” almost surpassed the 5% threshold, experts yet again started talking about considerable potential of small parties in Germany as well as the role that they play in the country’s political process. The article elicits that with the support of major parties is declining due to the refugee crisis, while AfG is becoming more and more popular, which was confirmed at the last Landtags’ elections in March and September of 2016. The author notes that providing the continuation of the current tendency, “Alternative for Germany” could become a true people’s party of Germany with its place in the Parliament.

Key words: FRG, party system of Germany, “Alternative for Germany”, refugee crisis, Islam

С момента окончания Второй Мировой Войны политическую авансцену ФРГ традиционно занимали такие партии как ХДС, ХСС и СДПГ, чьи лидеры в течение последних семидесяти лет формировали правительство Германии. Однако в результате финансового, миграционного и других кризисов, один за другим потрясающих Европу, в данный момент на немецком политическом ландшафте происходит беспрецедентная по своим масштабам трансформация. Многие эксперты отмечают, что огромную роль в этом процессе играют малые партии Германии и, в первую очередь, появившаяся в 2013 году «Альтернатива для Германии» [2].

Стоит отметить, что роль АдГ не была столь значительной с первого дня ее существования, и партия постепенно набирала свой вес на политической арене, активизируя все больше избирателей под своими лозунгами. Создание этого политического объединения чуть более трех лет назад, кажется, сразу же стало для представителей немецкого истеблишмента «ударом ниже пояса» [14], о чем свидетельствует тот факт, что в адрес АдГ в первые же месяцы работы посыпались обвинения в национализме, популизме и праворадикализме. Тревожным звонком данное событие стало и для христианских демократов, так как впервые в истории Германии на политической арене появилась более консервативная партия, чем ХДС/ХСС. В этой связи рождается вопрос о том, сможет ли «Альтернатива» справиться с жесткой конкуренцией и стать новым элементом партийной системы ФРГ или ее постигнет судьба так же некогда подававших большие надежды малых партий Германии, как, например, «Пиратов»?

В первую очередь, стоит сказать несколько слов о предпосылках появления данной партии и проследить путь «Альтернативы» от никому не известной партии до реальной политической силы. Мировой финансовый и долговой кризис 2008 года стал настоящим вызовом как для европейской экономики, так и для немецкой хозяйственной системы. На волне недовольства тем, как члены Еврозоны пытались справиться с последствиями финансового коллапса, в массах стремительно стала набирать популярность идея отказа от единой европейской валюты, что, в конечном счете, привело к появлению по всей Европе ряда партий «евроскептического» толка, одной из которых и являлась «Альтернатива для Германии». Основную часть членов партии в тот момент составляли действующие преподаватели и профессора в области экономики, что отражалось в явном преобладании экономической повестки в программе АдГ. Кроме того, ряды партии также пополнили успешные немецкие юристы,

либералы и действующие предприниматели, которые традиционно голосовали за ХДС и ХСС. Одним из самых ярких примеров является бывший президент Ассоциации немецкой промышленности Ганс Олаф Хенкель.

Возвращаясь к вопросу о том, действительно ли «Альтернатива» преследует неонацистскую идеологию или партия просто подвергается демонизации со стороны масс медиа, мы, прежде всего, должны обратиться к последней программе партии, которая была принята 1 мая 2016 года. Одним из центральных пунктов в документе под названием *“für ein anderes Deutschland”* (с нем. за другую Германию) является положение Германии в Европейском Союзе и еврозоне, миграционная повестка и интеграция мусульманского населения в немецкое общество [12]. Первый блок вопросов, связанный с европейской политикой, «Альтернатива» предлагает решить с помощью уменьшения роли Брюсселя в европейских делах в пользу государственных властей, а также путем проведения общенародного референдума с целью прекратить эксперимент с введением евро. Предлагается пересмотреть систему европейских договоров в рамках переориентации нынешнего вектора развития Европейского Союза в сторону идеи де Голля «Европы отечеств». Кроме того, АдГ категорически исключает любую возможность вступления Турции в ЕС, так как данный шаг будет иметь целый ряд непредсказуемых социально-политических последствий.

Вторую группу проблем составляют вопросы миграции, политического и иного рода убежища в Германии. «Альтернатива» предлагает введение так называемой «канадской» миграционной системы, которая подразумевает ускоренный процесс получения всех необходимых разрешений мигрантами в случае, если последние выполняют ряд требований для успешной и оперативной интеграции в жизнь страны (знание языка, обладание профессиональными навыками и т.д.). Предполагается, что в течение короткого промежутка времени массовый приток беженцев будет «радикально уменьшен» путем реорганизации процедуры получения разрешения на пребывание в стране в качестве беженца. В соответствии с этим предложением в странах, откуда прибывает большое количество беженцев, должны быть созданы центры по проверке данных потенциальных беженцев на их Родине. За данным предложением «Альтернативы» стоит цель уменьшения тех несчастных случаев, которые происходят во время опасной дороги беженцев в Европу из таких стран как Сирия, Афганистан, Ирак и стран Северной Африки. Тем самым будет создан тот самый «легальный путь в Европу», о создании которого европейские политики говорят с самого начала миграционного кризиса. Безусловно, несмотря на все очевидные плюсы данного предложения, создание таких центров в более чем пяти странах потребует значительных финансовых

средств. Учитывая тот факт, что на данном этапе немецким правительством на беженцев в год расходуется порядка 20-30 миллиардов евро [17], откуда будут взяты дополнительные средства для предлагаемых центров, в программе партии, к сожалению, не указано. Несмотря на все недочеты, одно остается очевидным: «расстреливать на границе мигрантов» никто не собирается*.

И, наконец, третий блок вопросов, связанный с интеграцией мусульманского населения в ФРГ, начинается в программе партии со словами «Исламу нет места в Германии» [7]. Данная формулировка вызвала новую волну критики партийного руководства. В действительности данная фраза, по нашему мнению, является вырезанной из контекста, так как далее в этом же документе говорится, что если потенциальные немецкие граждане ставят на первое место законы ФРГ, а не шариата, они могут успешно интегрироваться в немецкое общество, вместо того, чтобы создавать и пополнять ряды так называемых «Parallelgesellschaften» (с нем. - параллельные общества), которые являются повышенным источником преступности и беспорядков в Германии. Кроме того, в программе «Альтернативы» предполагается запрет минаретов и ношения хиджабов. Обучение мусульманских проповедников, по мнению АдГ, должно проходить исключительно в Германии в специализированных учебных заведениях, а содержание их проповедей не должно скрываться от остальных граждан и, в первую очередь, от властей [15].

Говоря об истории развития партии, стоит отметить следующие этапы. Первый шаг на пути к своему сегодняшнему успеху «Альтернатива» сделала на выборах в бундестаг в 2013 году, где ей удалось набрать 4,7% голосов всех избирателей, едва не дотянув до минимального пятипроцентного порога [21]. Эксперты отмечают, что именно независимое видение немецкой экономики позволило «протестной» партии получить такую широкую поддержку населения Германии. Стоит также отметить, что программа АдГ нашла отклик не только в ФРГ, но и на европейском уровне. В следующем, 2014 году, «Альтернатива» наберет рекордные 7% на выборах в Европарламент, тем самым гарантировав себе семь мест в данном органе [7]. В том же году проходили выборы в земельные парламенты Саксонии, Бранденбурга и Тюрингии, где партии также удалось

* Речь идет о скандальном интервью председателя «Альтернативы для Германии» Фрауке Петри немецкой газете “Mannheimer Morgen”, где она якобы заявила о том, что при крайней необходимости пограничные службы должны иметь право «открывать огонь по мигрантам, нелегально пересекающим границу», что вызвало бурю негодования в немецком обществе. Т. Опперман (член СДПГ) сравнил Петри с Хонеккером и напомнил, что последним германском политиком, при котором открывали огонь по мигрантам, был последний глава ГДР.

добиться значительного успеха, везде перешагнув десятипроцентную отметку[5]. Тогда данный результат не был воспринят европейскими и немецкими политиками всерьез, было решено отложить «Альтернативу» в дальний ящик до следующих выборов. А.Меркель и партнеры рассчитывали на политическую неопытность и программную несостоятельность «Альтернативы», так как на тот момент у партии не было связного плана действий, который был бы способен ответить на основные вызовы, стоящие перед немецким обществом. Как показала практика, в сложившихся условиях протестным партиям Германии вовсе не нужно иметь всестороннюю программу, затрагивающую все сферы жизни страны. Как ни парадоксально, для того, чтобы получить широкую поддержку избирателей, АдГ было достаточно сконцентрироваться на одной, наиболее тревожащей общество, проблеме, сначала на кризисе еврозоны, а потом – на миграционной повестке.

Представляется, что христианским демократам нужно было сразу более четко формулировать свою программу, избегая расплывчатости и неопределенности, так как именно ее несостоятельность (особенно касательно миграционной политики) создала тот политический вакуум, который «Альтернативе для Германии» удалось успешно заполнить. Кроме того, в Германии уже давно существует спрос на новых, харизматичных лидеров, которые способны активизировать и вдохновить граждан на участие в политической жизни страны. Немецкие политологи связывают успехи «Альтернативы» именно с тем, что им, как никому другому, удастся привлечь на свою сторону рекордные количества так называемых «Nichtwähler» (с нем. – не участвующие в выборах) [20]. Более того, специалисты отмечают, что в ФРГ в данный момент нет партии, которая способна по-настоящему сформировать внятную для граждан программу, с применением понятных механизмов ее реализации. Кроме всего прочего стоит отметить, что на выборах АдГ удалось привлечь не только новых, до этого никогда не принимавших участие в выборах избирателей, но и выборщиков других партий. Это, безусловно, избиратели консервативных партий ХДС и ХСС, но также партий левого толка, включая СДПГ, «Союз 90/Зеленые», и, к большому удивлению, даже сторонников «Левых». Больше всего, по мнению специалистов, пострадала Свободная Демократическая Партия Германии (СвДП), не досчитавшаяся благодаря «Альтернативе» порядка 400 тысяч голосов, которые, кстати, могли бы гарантировать ей места в парламенте [4]. Таким образом, именно эти возможности (активизация равнодушных к политике граждан, формирование четких пунктов программы) пытается реализовать «Альтернатива», что позволяет ей все увереннее закрепляться в выбранной ею нише политического ландшафта Германии.

Таким образом, эстаблированные партии сами стали причиной своих бед. В течение десятилетий медленно, но верно происходило сближение устоявшихся партий. По мере участия партий в коалициях их платформы становились мало различимы по основным вопросам, расходясь лишь в незначительных проблемах, таких как введение сборов за пользование автобанами. Христианские демократы вместе с социал-демократами постоянно исключали любую возможность возникновения силы правее их, тем временем плавно дрейфуя влево. Печально известная в Германии НДПГ с треском провалилась, не сумев активизировать сколько-нибудь значимую часть населения, кроме неонацистов и «колеблющихся» избирателей. «Альтернатива» же, в свою очередь, заняв так называемую «новоконсервативную» нишу, постепенно продолжала набирать популярность в немецком общества, а с наступлением европейского миграционного кризиса, партия вышла на качественно новый уровень.

Многие исследователи отмечают, что европейский кризис беженцев и та роль, которую ФРГ играет в нем, стали причиной раскола немецкого общества [19]. Данные высказывания ученые подкрепляют результатами недавних выборов в федеральные парламенты земель Баден-Вюртемберг, Мекленбург-Передняя Померания и Саксония-Анхальт, где АдГ набрала 15,1, 20,8 и 24,3 процентов соответственно [5]. А в Саксонии-Анхальт партия стала второй по представительству в парламенте, с которой, однако, другие политические силы наотрез отказались сотрудничать в возможном строительстве правящей коалиции. Стоит сразу отметить, что нежелание строить коалицию с «новыми» партиями – явление для Германии далеко не новое. Оно объясняется тем, что эстаблированные партии не хотят поддерживать не закрепившуюся конкурирующую силу, которая, к тому же, так не критично воспринимается в обществе. Представляется, что из-за достаточно сильной поляризации мнений немецкого общества относительно лозунгов АдГ любой вид сотрудничества устоявшихся партий с ней грозит им потерей электоральной поддержки.

Правые силы исторически показывали хорошие результаты на территории «новых земель», но мартовские результаты стали настоящим шоком для немецкой политической элиты. В результате опросов выяснилось, что немцы ставят в один ряд страх новых террористических атак (74%) и страх перед прибытием в Германию большого количества беженцев (73%), что умело использовала АдГ в своей предвыборной кампании [10].

Безусловно, программные предложения АдГ могут быть восприняты как вызов истеблишменту, и в первую очередь, главе немецкого правительства Ангеле Меркель. Один из известных лидеров партии Бьорн Хекке во время демонстрации «Альтернативы» в Эрфурте в виду непо-

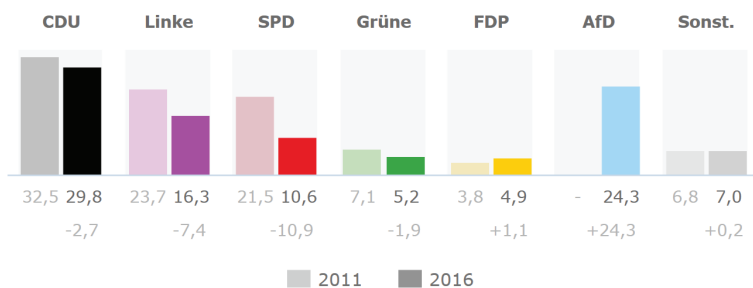

Рис. 1. Полученные партиями голоса на выборах, %. Саксония-Анхальт

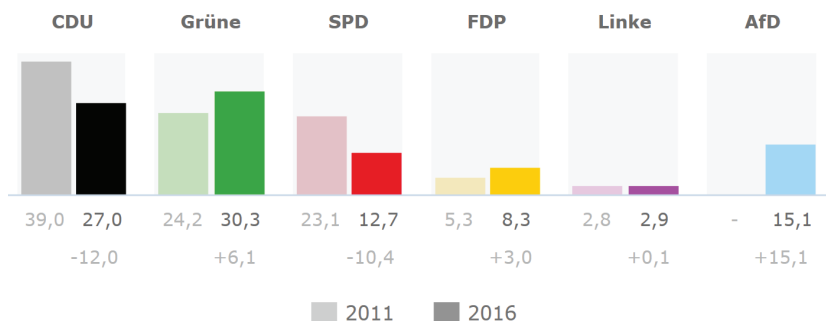

Рис. 2. Полученные партиями голоса на выборах, %. Баден-Вюртемберг

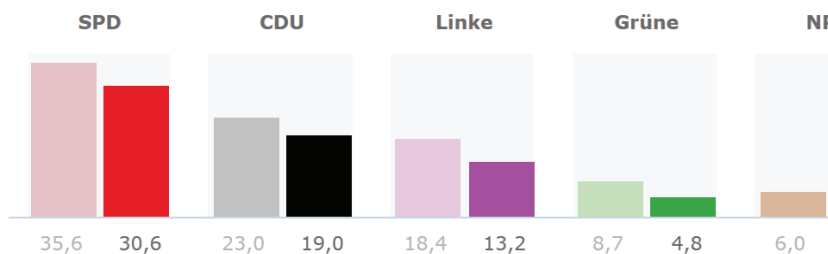

Рис. 3. Полученные партиями голоса на выборах, %. Мекленбург-Передняя Померания

Источник: SPIEGEL.DE

пулярной миграционной политики Берлина призвал «надеть на канцлера смиренную рубашку» и «отправить ее на пенсию» [16]. Более того, одним из основных слоганов собирающихся на демонстрации АдГ стал «Merkel muss weg» (с нем. Меркель должна уйти), что в очередной раз подтверждает антиправительственную направленность данной партии.

Учитывая все большую популярность «Альтернативы», а также растущую волну недовольства сегодняшней политикой канцлера, рождается вопрос: удастся ли «Альтернативе» в скором времени действительно стать новой народной партией Германии или же партия исчезнет из политического ландшафта страны, как только миграционный кризис подойдет к своему логическому завершению? Еще два года назад бывший глава АдГ Бернд Луке назвал «Альтернативу» «новой народной партией» ФРГ после того, как им впервые удалось громко заявить о себе на всю страну сначала на федеральных, а потом и на региональных выборах [18]. Но соответствует ли это действительности или представители партии лукавят, выдавая желаемое за действительное? На данный момент, многие эксперты говорят об «Альтернативе» как о третьей по силе партии в ФРГ, указывая на последние результаты выборов и направление риторики в гражданском обществе Германии [3]. Кроме того, если бы назначенные на 2017 год выборы в нижнюю палату парламента произошли сегодня, то мы бы увидели очередное подтверждение этим предположениям. ХДС/ХСС получили бы 33%, СДПГ-21%, а «Зеленые» с 12% уступили бы АдГ с ее 13%, что действительно бы сделало ее третьей по политической силе партии страны [8].

Вместе с тем, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, нам стоит проанализировать электоральную базу АдГ и попытаться ответить на вопрос, насколько же популярен в Германии в данный момент «новый консерватизм», который «Альтернатива», по их словам, представляет [1]? По актуальным социальным исследованиям, «средний» избиратель «Альтернативы» будет молодым нерелигиозным мужчиной со средним образованием, который поддерживает традиционные семейные ценности. Вопреки расхожему мнению, что выборщики «Альтернативы» ничем не отличаются от последователей НДПГ, избиратели АдГ не являются неонацистами, а наоборот, как недавно было представлено в уважаемой немецкой газете DIE WELT, доход человека, который сегодня проголосовал бы за «Альтернативу», будет выше среднего, и он готов обсуждать сложные политические проблемы своей страны [9]. В политическом плане это люди, которые в корне не согласны с гипертрофированной брюссельской бюрократической системой, выступающие за возвращение национального государства на первые роли в европейских делах (хотя полностью от идеи европейской интеграции не отказывают-

ся). Средний выборщик «Альтернативы», скорее всего, также не готов принимать сложившуюся сегодня в ФРГ политику повсеместной политкорректности (которая, по их мнению, местами доходит до абсурда), включая гендерный расизм и пропаганду гомосексуализма. Действительно, постоянные революции ценностей и насаждение новых культурных идеалов в Германии не удовлетворяют все большее количество немцев, которые утверждают, что «у всего есть предел». Чего только стоит неудавшаяся попытка кабинета Меркель распространения политики мультикультурализма. Современная миграционная и энергетическая политика* руководства Германии продолжают подливать масла в огонь. Учитывая все вышеупомянутые факторы, в период с 2013 года, когда ряды «Альтернативы для Германии» насчитывали менее пяти тысяч человек, число членов партии выросло более чем в четыре раза до 20 тысяч человек, что, безусловно, говорит о популярности не только среди избирателей, но и среди профессиональных политиков [13].

Говоря о внешнеполитическом аспекте программы «Альтернативы», следует отметить, что они выступают за вывод всех иностранных войск с территории Германии, усиление бундесвера за счет возвращения воинской повинности среди мужского населения и нормализацию отношений с Россией. Подтверждением последнему является тот факт, что уже после введения санкций Европейским Союзом против Российской Федерации в 2014 году исполнительный секретарь партии Г. Паздерски вместе с пресс-секретарем К. Лютом посетили российское посольство в Берлине, что было интерпретировано немецкими масс медиа как открытый призыв к нарушению блоковой дисциплины ФРГ [4]. В целом, внешнеполитическое видение партии можно сформулировать так: «Больше Пруссии, меньше Америки» [11]. В европейских же делах АдГ, как уже ранее отмечалось, выступает против наднациональных структур по модели Соединенных Штатов Европы, и настаивает на «Европе отечеств», тем самым, не отвергая, а лишь несколько ограничивая Брюссель.

Таким образом, несмотря на то, что АдГ не имеет в традиционном плане целостной политической программы и предпочитает сосредотачиваться на разных темах (к примеру, выход Германии из зоны евро к 2020 году), их популярность неизменно растет, хотя она еще значительно уступает устоявшимся народным партиям. Однако говорить, что поддержка абсолютна и не знает границ, также нельзя [6]. Немецкому обществу все еще чужды идеи изоляционизма (как Европе, так и в мире), только треть населения Германии готова вернуться к марке, и уж тем более заново «подружиться с русскими». Соответственно, в данный момент не

* Речь идет о закрытии всех АЭС в Германии к 2022 году.

сложилось определенности относительно будущего партии «Альтернатива для Германии», она может повторить судьбу «Союза 90/Зеленых» и тем самым закрепить за собой статус «народной партии» или же уйти в историю как партия «Пиратов». А особенно учитывая постепенное урегулирование миграционного кризиса в Европе и то, что ни одна из парламентских партий не допускает возможности формирования коалиции с АдГ даже на региональном уровне, реализовать первый сценарий «Альтернативе» будет исключительно тяжело.

Список источников и литературы:

1. [Альтернатива для Германии станет новой консервативной силой в ФРГ?] // новостной ресурс. – URL: <http://rg.ru/2014/09/17/alternativa-site-anons.html> (дата обращения 05.10.2016 г.)
2. [В Германии создана партия противников евро] // новостной ресурс. – URL: <https://lenta.ru/news/2013/03/11/antieuro> (дата обращения 01.09.2016 г.)
3. [Правые популисты из АдГ стали третьей политической силой в ФРГ] // новостной ресурс. – URL: <http://dw.com/p/1Hj9t> (дата обращения 06.09.2016 г.)
4. Райнхардт Р.О. Наднациональные механизмы экономической дипломатии Европейского союза // Обозреватель-Observer. 2015. № 6. С.40-49.: <http://materik.ru/upload/iblock/a51/a51c334e9e82ed849b3a4a0027fd7c0f.pdf> (дата обращения 04.10.2016 г.)
5. [Роль малых партий в партийно-политической системе Германии] // новостной ресурс. – URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/314.pdf> (дата обращения 01.09.2016 г.)
6. [Abstimmungen in drei Ländern: Die Ergebnisse der Landtagswahlen im Überblick] // новостной ресурс. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/wahlen-2016-die-ergebnisse-der-landtagswahlen-im-ueberblick-a-1082093.html> (дата обращения 04.06.2016 г.)
7. [AfD steigt auf Allzeit-Hoch] // новостной ресурс. – URL: http://www.focus.de/politik/videos/cdu-csu-fallen-deutlich-erschreckender-rekordwert-afd-steigt-in-umfragen-auf-allzeit-hoch_id_5250780.html (дата обращения 31.08.2016 г.)
8. [AfD will mit Empörung der Etablierten gefüttert werden] // новостной ресурс. – URL: <http://www.welt.de/politik/article155985574/AfD-will-mit-Empoerung-der-Etablierten-gefuettert-werden.html> (дата обращения 02.09.2016 г.)
9. [Aktuelle Umfrage Forschungsgruppe Wahlen] // новостной ресурс. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sonntagsfrage-umfragen-zu-bundestagswahl-landtagswahl-europawahl-a-944816.html> (дата обращения 06.09.2016 г.)
10. [58 Prozent der Deutschen wähen sich in besonders unsicherer Zeit] // новостной ресурс. – URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/2016-01/umfrage-angst-deutschland-kriminalitaet-fluechtlinge-allensbach> (дата обращения 05.10.2016 г.)
11. [Die AfD ist eine Partei der Besserverdiener und Gebildeten] // новостной ресурс. – URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article154899202/Die-AfD-ist-eine-Partei-der-Besserverdiener-und-Gebildeten.html> (дата обращения 02.08.2016 г.)

12. [Die AfD - gekommen, um zu bleiben?] // новостной ресурс. – URL: <https://causa.tagesspiegel.de/die-afd-gekommen-um-zu-bleiben> (дата обращения 30.09.2016 г.)
13. [Das sind die wichtigsten Punkte im AfD-Grundsatzprogramm] // новостной ресурс. – URL :<http://www.welt.de/politik/deutschland/article154930612/Das-sind-die-wichtigsten-Punkte-im-AfD-Grundsatzprogramm.html> (дата обращения 31.08.2016 г.)
14. [Friedlicher Protest gegen Veranstaltung mit AfD-Chefin] // новостной ресурс. – URL: <http://www.welt.de/regionales/hessen/article155966697/Friedlicher-Protest-gegen-Veranstaltung-mit-AfD-Chefin.html> (дата обращения 03.09.2016 г.)
15. [Gauland bezeichnet Merkel als "Kanzler-Diktatorin"] // новостной ресурс. – URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article155970301/Gauland-bezeichnet-Merkel-als-Kanzler-Diktatorin.html> (дата обращения 05.09.2016 г.)
16. [Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland] // новостной ресурс. – URL :<https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (дата обращения 05.08.2016 г.)
17. [Höcke fordert Zwangsjacke für Merkel] // новостной ресурс. – URL :<http://www.mdr.de/thueringen/mitte-west-thueringen/fluechtlinge-demo-afd100.html> (дата обращения 28.07.2016 г.)
18. [Kosten von bis zu 30 Milliarden Euro, jedes Jahr] // новостной ресурс. – URL: <http://www.welt.de/wirtschaft/article147697183/Kosten-von-bis-zu-30-Milliarden-Euro-jedes-Jahr.html> (дата обращения 01.09.2016 г.)
19. [Rechtspopulismus als Gefahr: Brauchen wir eine neue Aufklärung?] // новостной ресурс. – URL: <https://causa.tagesspiegel.de/rechtspopulismus-als-gefahr-brauchen-wir-eine-neue-aufklarung> (дата обращения 01.10.2016 г.)
20. [Soziale Spaltung treibt AfD Wähler zu] // новостной ресурс. – URL: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/statusaengste-soziale-spaltung-treibt-afd-waehler-zu/13346230.html> (дата обращения 04.10.2016 г.)
21. [2013 Bundestagswahlen] // новостной ресурс. – URL : http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/bundesergebnisse/index.html (дата обращения 02.10.2016 г.)

УДК 329.18.019.5 : 94(430) «1933/1939»

Школовая Е.П.,
соискатель кафедры
всемирной истории и
международных отношений
Запорожского национального
университета

Адрес:
69050 Украина, Запорожье,
Космическая ул., 90-75
Эл.почта: olena_shkolova@i.ua

Shkolovaya E.P.
Applicant of the Department of
World History and International
Relations of Zaporozhye National
University

Address:
69050 Ukraine, Zaporozhye,
Kosmicheskaya Street, 90-75
e-mail:
olena_shkolova@i.ua

Е.П. ШКОЛОВАЯ
ПРЕССА, РАДИО И КИНЕМАТОГРАФ НА СЛУЖБЕ
НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1933-1939)

Данная научная статья посвящена исследованию проблемы использования прессы, радиовещания и кинематографа в качестве инструментов пропаганды в нацистской Германии. Автор останавливается на процессе унификации германской прессы. В статье констатируется, что Имперская палата прессы стала инструментом политического контроля. Автор анализирует использование радиовещания и немецкого кинематографа в распространении национал-социалистических взглядов, отмечает широкое использование радиовещания для пропаганды вне территории Германии, а также популяризацию немецкого кинематографа среди различных слоев населения.

Ключевые слова: национал-социализм, нацистская пропаганда, унификация, НСДАП, национал-социалистическая идеология

E.P. SHKOLOVAYA
PRESS, RADIO AND CINEMA ON THE SERVICE
OF NAZI PROPAGANDA (1933-1939)

This scientific article is devoted to the research of using press, radio and cinema as a tool of propaganda in Nazi Germany. The author focuses on the process of unification of the German press. It is described in the article that the Imperial House Press has become an instrument of political control.

The author analyzes the use of radio broadcasting and German cinema in spreading of National Socialist ideology, remarks the widespread use of radio broadcasting for propaganda outside the territory of Germany, as well as the popularization of German cinema among the different segments of the population.

Keywords: National Socialism, Nazi propaganda, unification, NSDAP, National Socialist ideology.

Феномен национал-социализма возник как реакция на социально-политический кризис, постигший Европу после Первой мировой войны. Революции в России и Германии, поражение кайзеровской армии в войне, глубокий национальный кризис, голод, безработица, значительная маргинализация общества, тяжелые последствия Версальского мира – все это, безусловно, было среди причин его зарождения.

Благодаря эклектичности идеологического арсенала национал-социализма, который использовали теоретики и лидеры национал-социалистического движения для распространения влияния на массы, он предлагал квазилогичную идеологию, доступную широким слоям населения, простые ответы на сложные вопросы. Кроме того, нацизм имел и организационные механизмы, способные мобилизовать массы.

Изучение феномена фашизма, и его германского варианта национал-социализма, невозможно без изучения тех людей, которые создавали и воплощали в жизнь эту идеологию, в частности, Адольфа Гитлера, Альфреда Розенберга, Йозефа Геббельса. Основным пропагандистом, безусловно, был Йозеф Геббельс – министр пропаганды и народного образования «Третьего рейха».

Персона Йозефа Геббельса вызывала и вызывает значительный интерес и в отечественной и в зарубежной историографии, поскольку именно он был ведущим мастером пропаганды «Третьего рейха». Об этом свидетельствуют, например, воспоминания еще одного из функционеров нацистской Германии Альберта Шпеера: «... его фразы, из которых каждая поставлены на выигрышное место и четко сформулирована, бушующая толпа, обуреваемая все более фанатичными взрывами восторга и ненависти, адский котел выпущенных на свободу страстей...» [1. С.51]. Именно Й.Геббельс довел манипуляцию сознанием масс до совершенства в период, когда не было ни телевидения, ни видеотехнологий.

Исследователи теории и практики национал-социализма в своих работах затрагивали отдельные вопросы функционирования пропагандистского аппарата НСДАП [2, 3]. В украинской историографии деятельность ведущих нацистских функционеров, в частности Й.Геббельса, а также использование пропагандистской машины НСДАП на пути к власти изучает отечественный ученый А.Р.Давлетов [4, 5]. Среди современных зарубежных научных исследований следует отметить работы английского исследователя Р.Герцштейна [6], немецких ученых В.Бенца [7], Ф.Меллера [8], Г.Кноппа [9], российского историка О.Ю.Пленкова [10].

Источниковой базой исследования являются дневники министра пропаганды Йозефа Геббельса [11], воспоминания государственного деятеля Германии Альберта Шпеера [1], мемуары кинорежиссера Лени Рифеншталь [12], нормативные акты нацистского государства [13, 14]. Анализ

исторической литературы и источников, свидетельствует о необходимости тщательного изучения средств пропаганды в нацистской Германии.

Цель данной работы проанализировать основные векторы использования прессы, радио и кинематографа как средств пропаганды НСДАП в 1933-1939 гг.

Согласно поставленной цели формулируются следующие задачи:

- изучить процесс унификации германской прессы;
- осветить использования радиопропаганды;
- проанализировать роль немецкого кинематографа в распространении национал-социалистических взглядов.

13 марта 1933 было создано Имперское министерство народного просвещения и пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом. На созданный орган была возложена реализация национал-социалистической идеологии в сфере духовной жизни германского общества. Назначенный министр пропаганды в своем дневнике отметил, что с помощью созданного министерства будет проведен «духовный завоевательный поход» [11. С.790].

В течение нескольких месяцев происходило его формирование. В ходе этого процесса Министерство иностранных дел передал ему руководство информационной и пропагандистской деятельностью за рубежом, а также надзор за немецким искусством, кинематографом и спортом за рубежом. В ведении Геббельса также были общие вопросы внутренней пропаганды, организация национальных и государственных праздников, контроль над прессой, радио, искусством, театром и кинематографом непосредственно в государстве. Министерству пропаганды подчинялись и государственные библиотеки. Фактически министерством была монополизировано руководство духовной жизнью страны

Министр пропаганды Йозеф Геббельс, подчеркивая важность деятельности своего министерства в создании человека с национал-социалистическим мировоззрением, отметил: «Пропаганда по сути – практически искусство. И пропагандист, в самом прямом смысле этого слова – создатель народной психологии. Его важнейшая задача состоит в том, чтобы ежедневно, ежечасно прислушиваться к пульсу народа и слушать, как бьется его сердце, и выстраивать свои действия в такт этому сердцебиению» [9. С.28].

В постановлении от 30 июня 1933 «О задачах Рейхсминистерства народного образования и пропаганды», которая законодательно провозгласила монопольное руководство духовной жизнью страны, было сказано: «Рейхсминистр народного образования и пропаганды ведает всеми задачами духовного влияния на нацию, агитацией за государство, культуру и экономику, информирует о них общественность в стране и за ее пределами, руководит всеми учреждениями, служат этим задачами» [13. С.449].

Отдел пропаганды всегда был главным отделом министерства. Это структурное подразделение занималось средствами пропаганды, распространением среди населения национал-социалистического мировоззрения, вопросами проведения съездов и проведением унифицированной пропагандистской кампании на территории Германии. Кроме того, он отвечал за анализ общественной морали. Этот отдел выпускал сборники «Конфиденциальной информации для окружных фюреров» – особые информационные бюллетени, которые поступали гауляйтерам (руководителям областей – Е.Ш.), их заместителям, местным управлениям пропаганды.

Следующим шагом в процессе унификации и управления культурой было создание Имперской палаты культуры – 22 сентября 1933 года [14. С.661]. Этим законом предусматривалось создание специализированных палат по основным отраслям культуры: литература, кино, радио, пресса, музыка, театр, изобразительное искусство. Специализированные палаты непосредственно были подчинены Имперскому министерству народного образования и пропаганды. Это давало возможность осуществлять значительный контроль за культурной жизнью страны.

Имперская палата прессы стала инструментом политического контроля над всеми работниками, которые принимали участие в производстве и распространении периодических изданий – газет и журналов. Во главе палаты прессы был назначен Макс Аманн – директор главного партийного издания «Eher-Verlag».

Управление прессой во времена «Третьего рейха» основывалось на «Зако́не о реда́кторах – *Schriftleitergesetz* от 4 октября 1933 года». Согласно ему газетчиков обязывали «осуществлять свою работу в соответствии с национал-социализмом, который является как философией жизни, так и концепцией правительства... Главный редактор отвечает за все содержание и точку зрения, изложенную в текстовой части газеты» [6. С. 223], фактически законодательно был заложен фундамент контроля содержания публикаций. Этим же Законом было предусмотрено, что все журналисты должны стать членами Имперского союза немецкой прессы и одновременно Имперской палаты печати [15. С.207]. В результате они либо подчинялись требованию законодательства, либо теряли работу. По этому закону около 1300 журналистов (носителей левых взглядов или евреев по национальности – Е.Ш.) были лишены права заниматься профессиональной деятельностью [10. С.354].

Имперская палата прессы получила право «регулировать конкуренцию» между изданиями. Президент Имперской палаты печати различными способами пытался ограничить непартийную прессу и отбирал лицензии у независимых и неподконтрольных НСДАП изданий. В результате

деятельности Макса Аманна и его подчиненных количество периодических изданий по сравнению с периодом Веймарской республики уменьшилась в несколько раз, если в 1932 году издавалось 4700 газет, то к 1944 году их число сократилось до 977 изданий [16. С.207].

Всех издателей периодических изданий обязывали вступать в Национальную ассоциацию немецких издателей периодической печати. Ассоциация состояла из 30 отделов, которые были собраны в шесть отраслевых групп:

- Специальные периодические издания;
- Иллюстрированные журналы для легкого чтения (в том числе молодежные);
- Издание по прикладным наукам;
- Политическая периодика;
- Журналы, посвященные торговле на экспорт;
- Издания по вопросам социального страхования.

Распоряжением президента Имперской палаты прессы от декабря 1933 года была создана специальная организация по делам религиозных газет и периодических изданий, с отделениями протестантской и католической прессы: «Союз евангелической прессы» и «Общество католической прессы», ее задачей было держать под строгим контролем церковные издания. Вообще деятельность церквей по распространению печатных материалов подлежала жесткому контролю со стороны палаты.

Особенностью национал-социалистической пропаганды, которая обеспечила ей значительный успех на территории Германии, было то, что нацистское руководство, и прежде всего Йозеф Геббельс, оценили возможности, которые возникли в связи с научно-техническим прогрессом в области средств информации и связи. В частности, Геббельс одним из первых заметил огромную пропагандистскую силу радиовещания. «То, что книгопечатание осуществило во времена Реформации, радио осуществит в двадцатом» [9. С.18] - провозглашал он. Еще в марте 1933 года Йозеф Геббельс издал указ о переходе немецкой радиовещательной кампании в ведение министерства пропаганды. Таким образом, была установлена монополия НСДАП в эфирном пространстве Германии.

Имперская палата радио объединяла всех людей, которые были связаны с этой отраслью от радиодиктора и продюсеров до радиоинженеров, производителей и продавцов радиотоваров, а вместе с ними миллионы слушателей. Но уже весной 1934 года, несмотря на все возражения Йозефа Геббельса, производители и продавцы радиотоваров были выведены из состава Палаты и подчинены Министерству экономики.

Непосредственно контролировал немецкое радиовещания отдел Имперской палаты радио по созданию программ. По данным Международ-

ного радио союза в 1934 году на 65 млн. Населения Германии слушали радио не менее 26 млн. В распоряжении правительства была одна из самых технически совершенных в мире сеть радиостанций. Она состояла из 10 основных передатчиков и 15 вспомогательных. Характеризуя роль радиовещания в нацистской пропаганде, Йозеф Геббельс говорил: «Без радио и самолетов завоевания и сохранения власти в нынешних условиях невозможно. Можно, не боясь преувеличения, сказать, что если бы не было радио и самолетов, то немецкая революция (то есть захват власти национал-социалистами – Е.Ш.) не смогла бы состояться в том виде, в котором она произошла» [3. С.344].

В соответствии с этой оценкой была перестроена вся работа немецкого радиовещания. Радиопередачи, независимо от темы, формы или содержания (даже литературные и музыкальные) оценивались с точки зрения их пропагандистского воздействия [17. С. 66].

Уже в 1933 году был основан массовый выпуск радиоприемников «UE-3031», которые стоили по 76 марок за штуку, накануне Второй мировой войны появились дешевые в мире радиоприемники «Deutscher klein», стоимостью 35 марок [18. С.132]. Благодаря массовому производству радиоприемников и их существенному удешевлению более 70 процентов семей Германии имели дома радио.

Кроме того, была организована разветвленная сеть «радиослушателей», которые должны были популяризировать радио среди населения Германии. Клубы радиослушателей собирали критические замечания по поводу тех или иных радиопередач и анализировали реакцию населения на них, а также передавали отчеты местным чиновникам, которые отвечали за пропаганду.

Йозеф Геббельс учитывал то, что люди слушают радио для удовольствия, для отдыха, поэтому в 1934 году он своим указом постановил, что после значительного эмоционального воздействия, слушатели получили после партийного съезда в Нюрнберге, радио течение нескольких недель должно было передавать легкую музыку. Учебные программы для населения на радио должны быть содержательными и в то же время простыми. Значительное место в репертуаре радиопередач занимали традиционные марши.

Руководством Имперской палаты радио при непосредственном участии Й. Геббельса был разработан пятилетний план развития немецкого радиовещания, который предусматривал увеличение объемов пропаганды на зарубежные страны с помощью коротковолновых передатчиков. Радиопередатчики из Штутгарта, Фрейбурга и Франкфурта передавали информацию на Эльзас и Лотарингию, кельнская радиостанция – на Бельгию. Дания слушала передачи из Гамбурга, Бремена. Радиопередат-

чик Бреслау работал на Чехословакию, а мюнхенский – на Австрию.

В Цезени под Берлином было расположено 12 коротковолновых станций мощностью по 100 000 киловатт. Англия в то же время имела 16 станций, по 50 000 киловатт. Италия – 4 станции, Советский Союз – 6, а США – 11 станций [15. С.156].

Трансляция проходила на шести языках. Кроме европейских стран радиовещания было распространено на Соединенные Штаты (1933), Южную Африку, Южную Америку, Дальний Восток (1934), Ближний Восток и Центральную Америку (1935). Ежедневный объем увеличился с 1 часа 45 минут в 1933 году до 47 часов в день в 1937 году (то есть круглосуточная работа двух передатчиков).

На высоком уровне были оценены рейхсминистром Геббельсом пропагандистские возможности кино. «Мы убеждены, что кино представляет собой самое современное и научно обоснованное средство воздействия на массы. Следовательно, правительство не должно им пренебрегать» [6. С.328].

Уже в марте 1933 года Геббельс собрал работников кинематографического цеха для беседы на тему о «современных задачах немецкого кино». От имени правительства он требовал «немедленно осуществить поворот кинематографа в сторону современности» и, в частности, обеспечить быструю перестройку документальных фильмов с целью превращения их в действенного пропагандиста национал-социалистических идей и существенно расширить пропагандистское использование немых и учебных фильмов.

С этого дня немецкий кинематограф был взят под особый надзор пропагандистского аппарата, и прежде всего самого министра, без санкции которого практически не мог быть выпущенным на экраны ни один фильм.

Была создана имперская кинопалата, как составная часть имперской палаты культуры. Кинопалатой руководили сотрудники киноотдела министерства пропаганды, то есть фактически Й. Геббельс через своих сотрудников руководил кинематографом. Киноотдел министерства имел несколько административных отделов: кинопроизводства, кинодраматургии, цензуры, кинохроники и экспорта.

Одной из задач киноотдела было доведение кино до широких масс населения. Эта работа была организована в соответствии с иерархической структурой НСДАП – провинциальный киноотдел, киноотдела гау, окружной и местный отделы. В 1937 году насчитывалось 13 провинциальных филиалов, 32 гау филиала, 771 районный и 22000 местных филиалов центрального киноуправления. К 1939 году этот показатель вырос еще на 36 процентов [6. С.322].

Достаточное внимание национал-социалистического руководства к киноиндустрии объяснялось необходимостью стабилизации в этой сфере. Ведь в середине 30-х годов немецкое кинопроизводство было в состоянии тяжелого кризиса, который был вызван бойкотом различных государств, не желавших покупать немецкую кинопродукцию. Для того, чтобы поддержать отечественного кинопроизводителя, нацистским руководством уже в июне 1933 года было основано Фильмкредитбанк, который финансировал фактически 70 процентов фильмов.

Единственный выход по преодолению кризиса нацисты видели в национализации отрасли. Во главе этого процесса был Макс Уинклер – Имперский уполномоченный по делам кино, назначенный Министерством пропаганды.

Об успехе национализации можно было говорить уже в 1937 году, когда четыре крупнейшие кампании по производству фильмов (Тобис, УФА, Бавария и Терра) находились в руках государства. Доля этих концернов в 1935-1936 годах составляла 81% от снятых художественных фильмов. На основе их было создано предприятие с ограниченной ответственностью УФА-Фильм [8. С.135].

Государство стало монополистом и получило полную свободу действий в кинопроизводстве. Государство-монополист не только определяло тематику фильмов, назначала режиссеров и актеров, но и что не менее важно, гарантировало сбыт продукции. Учитывая нежелание зарубежных стран пускать в прокат пропитанные нацистской тематикой фильмы, Министерству пропаганды надо было сделать все возможное для того, чтобы поднять рейтинг отечественного кино в самой Германии. В результате ожидалось увеличение количества посетителей в кинотеатрах и соответственно увеличение отчислений в государственную казну. Министерство пропаганды активно включилось в этот процесс. В 1934 году по инициативе министерства было введено время молодежного фильма. Перед началом кинопросмотра «проводилась вступительная беседа, в ходе которой доступным языком объяснялись зрителям национал-социалистические принципы» [6. С.323].

Ведомство Геббельса не останавливалось на достигнутом. Оно постоянно проводило различные мероприятия, целью которых было увеличить интерес публики к немецкому кинематографу. С осени 1933 года в немецких школах раз в месяц проводились «Государственные школьные киномероприятия». Демонстрация фильмов проходила в спортивных и музыкальных залах, столовых, парках, отелях и сельских площадях.

Для того чтобы донести кинофильмы в самых мест, были организованы «Вечера для сельских жителей» с помощью передвижных киноустановок. Сеансы показа проводились в школах, гостиницах и даже под

открытым небом. За 12 лет существования национал-социалистического государства было выпущено более 1300 кинолент [6. С.329]. Из них только малая часть носили откровенно пропагандистский характер. Но даже развлекательные и аполитичные ленты имели важное значение для функционирования режима, так как отвлекали население от повседневных проблем, особенно во время войны.

Значительный вклад в распространение национал-социалистических взглядов сделала талантливый кинорежиссер и актриса Лени Рифеншталь.

В августе 1933 года она получила предложение снять фильм о пятом съезде НСДАП в Нюрнберге. Она работала над фильмом вместе с известными немецкими операторами Зеппом Альгайером, Францем Вайнмайером и Вальтером Френцом и сама его монтировала. Продюсером фильма выступил министерство пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом. Фильм получил название «Победа веры», он фактически имел характер репортажа. Поскольку в фильме равное внимание было уделено как Адольфу Гитлеру так и руководителю штурмовиков Эрнсту Рему, то он был снят с проката. Совсем другой стала судьба следующего фильма о НСДАП, который сняла Рифеншталь. Фильм был посвящен шестому съезду НСДАП и получил название «Триумф воли».

С помощью новаторских кинематографических методов Рифеншталь создает яркий материал. Фильм становится орудием пропаганды НСДАП для подъема духа немецкого народа и становится идеальным инструментом для привлечения граждан в ряды нацистской партии. Руководство партии восприняло фильм как образец национал-социалистической пропаганды и официально признало его пропагандистский статус [7. С.39]. Во время вручения Немецкой кинопремии за 1934/1935 год за фильм «Триумф воли» режиссера Лени Рифеншталь министр пропаганды Йозеф Геббельс отметил ее профессиональное мастерство, особенно в изображении образа фюрера [8. С.167]. Этот фильм получил премию за лучший иностранный фильм на венецианском биеннале 1935 и золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1937 году.

Таким же пропагандистским был и следующий фильм «Олимпия», посвященный Олимпиаде 1936 года, которая проходила в Германии. Рифеншталь сумела так снять фильм, что победы немецкой спортивной сборной выглядели как победа всего немецкого народа и национал-социалистического движения. Местные партийные организации организовывали специальные просмотры фильма. После этого фильма немцы чувствовали себя единой, сильной нацией. Этот фильм, состоящий из двух частей «Праздник народов» и «Праздник красоты» был также представлен на международном кинофестивале в Венеции в 1938 году [19. С.234].

С точки зрения пропагандистского подхода кинофильмы, которые снимались в нацистской Германии можно разделить на следующие категории:

1) документальные фильмы, которые утверждали героизм немецкого народа, величие фюрера – «Триумф воли» и «Олимпия» (режиссер Лени Рифеншталь);

2) фильмы о войне, с использованием элементов документалистики, которые изображали повседневную жизнь и борьбу немецких солдат – «Подводные лодки, на Запад!» (Режиссер Гюнтер Риттау)

3) художественные фильмы, которые поддерживали нацистскую военную идеологию «Концерт по заявкам» (режиссер Эдуард фон Борсоди).

Ханна Арендт в своем основательном исследовании "Истоки тоталитаризма" отмечает: "Даже после захвата власти тоталитарная пропаганда может направляться на ту часть собственного населения, чье приспособление к новой жизни не сопровождалось достаточной идеологической обработкой" [20. С.391]. Именно так действовало нацистское руководство используя свой пропагандистский аппарат.

Таким образом, уже с первых шагов деятельность Имперского министерства народного просвещения и пропаганды была направлена на подчинение и широкое использование средств массовой информации, радиовещания и кинематографии в пропагандистских целях. С этой целью была создана четкая иерархическая структура – Имперская палата культуры, которая через соответствующие специализированные палаты осуществляла контроль духовной жизни страны:

- в результате деятельности Имперской палаты прессы произошло значительное уменьшение количества печатных изданий – состоялся процесс унификации;

- радиовещание было подчинено государственному контролю; благодаря разветвленной сети радиосвязи и низкой стоимости радиоприемников радиопропагандой было охвачено практически все население Германии;

- высоко оценивая пропагандистские возможности кино, нацистское руководство провело национализацию киноиндустрии, в результате государство стало монополистом в этой области.

Основные перспективы дальнейших научных исследований по данной проблематике заключаются в исследовании деятельности отдельных партийных функционеров НСДАП, которые работали на обеспечение эффективности пропагандистского аппарата в нацистской Германии.

Список источников и литературы:

1. Шпеер А. Воспоминания / Альбер Шпеер ; перевод с нем. И.В.Розанова, С.А.Фридлянд. – Смоленск : «Русич», 1993. – 696с.

2. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика / Борис Бессонов. – М.: Высшая школа, 1985. – 279с.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. / Александр Галкин – М.: Наука, 1989. – 352с.
4. Давлетов А.Р. Пресса, радио и кино в пропагандистском арсенале национал-социалистов (1920-1933 гг.) / Александр Давлетов //Збірник наукових праць історичного факультету ЗДУ. – Запоріжжя, 1993, – Вип.1. – С.175-185.
5. Давлетов О.Р. Паладіни фюрера: з Веймарської республіки до «Третього рейху». 12 політичних портретів. / Олександр Давлетов– Запоріжжя, 2014. – 160с.
6. Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. / Роберт Герцштейн ; перевод с англ. А.Л. Уткина, А.В.Бушуева, И.С..Соколова под общ. Ред. Г.Ю.Пернавского. – Смоленск: Русич, 1996. – 608с.
7. Benz W. Hitlers Kunstler. Zur Rolle der Propaganda im nationalsozialistischen Staat / Wolfgang Benz // Hitlers Kunstler. Die Kultur im Dienst des Nationalsozialismus. – Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 2004. – S 14 – 39.
8. Moeller F. Ich bin Kunstler und sonst nichts. Filmstars im Propagandaeinsatz / Felix Moeller // Hitlers Kunstler. Die Kultur im Dienst des Nationalsozialismus. – Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 2004. – S 135 – 176.
9. Knopp G. Hitlers Helfer./ Guido Knopp – B.: Goldmann Verlag, 1999. – 381s.
10. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. / Олег Пленков – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. – 480с.
11. Goebbels J. Tagebücher 1924-1945. / Joseph Goebbels. – München, Zürich: Piper, 1990.
12. Рифеншталь Л. Мемуары. / Лени Рифеншталь ; перевод с нем. Ю.И.Архипова – М.: Ладомир, 2006. – 699с
13. Verordnung über die Aufbauen des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda. Vom 30 Juni 1933// Reichsgezetztblatt. 5 Juli 1933 Teil 1. № 75. – S.449.
14. Reichskulturkammerngesetzt. Vom 22 September 1933// Reichsgezetztblatt. – 26 September 1933. – Teil 1. – № 105. – S.661-663.
15. Рисс К. Геббельс. Адвокат дьявола. / Курт Рисс ; перевод с англ.: П. В. Рубцов.– М.: Центрполиграф, 2000 – 492с.
16. Kammer H., Bartsch E. Lexikon Nationalsozialismus. Begriffe, Organisationen und Institutionen. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2002. – 350 s.
17. Lorenz H. Mit dem Führer auf Fahrt. Wie die Nationalsozialisten den Alltag eroberten / Hilke Lorenz // Eine Erdbeere für Hitler. Deutschland untern Hakenkreuz. – Fischer Taschenbuch Verlag, 2015. – 250s.
18. Брамштедте Е., Френкель Г., Манвель Р. Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. / Е. Брамштедте, Г. Френкель, Р.Манвель ; перевод с англ. Е.Юрченко. – Ростов-на-Дону, 2000. – 444с.
19. Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. / Джордж Моссе ; перевод с англ. Ю.Д. Чупрова. М – М.: Центрполиграф, 2003. – 446с.
20. Арендт Х. Джерела тоталітаризму. / Ханна Арендт, переклад з англ. В.Верлока, К.Гломозда. – К.: Дух і літера, 2005. – 584с.

УДК 329.051

Орошану А.В.
магистрант факультета
международных отношений
Санкт-Петербургского
государственного университета
Адрес:
394068 Воронеж
Московский проспект 88
Эл. почта: 08alex27@mail.ru

Oroshanu A.V.
Masters Degree Student at the Faculty
of International Relations
at the Saint Petersburg
State University
Post Address:
394068 Voronezh
Moskovskiy prospekt 88
e-mail: 08alex27@mail.ru

Полянский М.А.
студент факультета
международных отношений
Воронежского государственного
университета
Адрес:
394068 Воронеж
Московский проспект 88
Эл. почта: polianski15@gmail.com

Polianskii M.A.
Student at the Faculty
of International Relations
at the Voronezh State
University
Post Address:
394068 Voronezh
Moskovskiy prospekt 88
e-mail: polianski15@gmail.com

А.В. ОРОШАНУ, М.А. ПОЛЯНСКИЙ **ОСОБЕННОСТИ «БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ»** **В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТЕ**

Статья посвящена отличительным характеристикам «большой коалиции» в немецком федеральном законодательном органе. Проблема формирования большинства в парламенте всегда являлась и является существенной для государств, где эта ветвь власти играет одну из ведущих ролей в политическом процессе.

Ключевые слова: ФРГ, парламентская коалиция, большая коалиция, ЕС, многопартийность, фрагментация политического ландшафта.

A.V. OROSHANU, M.A. POLIANSKII **PECULARITIES OF “GRAND COALITION”** **IN THE PARLIAMENT OF GERMANY**

The article is concerned with defining features of the majority coalition in the federal legislative body of Germany. The issue of shaping the majority in the parliament has always been of great importance for the states where this branch of power plays one of the leading roles in the political process.

Key words: FRG, parliamentary coalition, grand coalition, EU, multiparty system, fragmentation of political landscape.

Процесс формирования правительства в Германии после выборов в Бундестаг 2013 года имел свою специфику и отличался от всех предыду-

щих по ряду критериев. Несмотря на достаточно внушительную победу партии нынешнего бундесканцлера Ангелы Меркель, строительство правящей коалиции заняло значительный промежуток времени. Из-за того, что из партийной системы ФРГ выпал небольшой, но крайне важный винтик в лице Свободной партии Германии, которая являлась главным партнером ХДС/ХСС по коалиции, перед Христианскими демократами стоял непростой выбор новых коллег по правительству: теоретически, если сложить голоса, ими могли бы стать: Союз 90/ Зеленые, СДПГ или Левые. Существует мнение, что немецкие левые силы по результатам выборов могли бы самостоятельно сформировать правительство, тем самым оставив за бортом Меркель и Зеехофера, однако осуществление данного сценария явно бы входило в противоречие с «цивилизованным соперничеством политических партий и политических деятелей». Поэтому, вопреки этому мнению, новое правительство в любом случае должно было иметь своим общим знаменателем ХДС/ХСС.

Говоря о партии «Левая» как о возможном партнере партии А.Меркель по коалиции, германисты однозначно выявляют глубокие фундаментальные противоречия представителей этих двух партий. Это позволяет нам сделать вывод о том, что левые и христианские демократы будут смотреть друг на друга исключительно как на соперников в политическом процессе Германии не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Несмотря на кажущуюся схожесть основных идей «Левой» и Союза 90/Зеленых, стоит отметить, что в последнее время идеологический базис второй претерпел значительные изменения, и с точки зрения исторического подхода позволяет говорить нам о том, что в данный момент в концептуальном плане в платформах ХДС, ХСС и Зеленых намного больше общих черт, чем когда-либо. Данный факт свидетельствует о том, что при сохранении данной тенденции в развитии идеологической базы Союза 90 мы сможем увидеть данную партию в статусе коалиционного партнера как СДПГ, так и христианских демократов. Однако в 2013 году представленные события и изменения еще не позволяли им по-настоящему вступить в полноценный союз с ХДС/ХСС. Учитывая тот факт, что, как отмечалось, СвДП не перешагнула установленный законом пятипроцентный барьер на выборах и не попала в Бундестаг, единственной оставшейся партией являлась СДПГ, которая, в конечном счете, и вошла в правительство страны.

Таким образом, несмотря на значимые противоречия, после долгих совещаний было решено воссоздать большую коалицию (ХДС/ХСС/СДПГ), которая вновь, как и в 1966 и 2005 годах, объединила главных тяжеловесов и основных субъектов политического процесса ФРГ [3]. Однако процесс подписания коалиционного договора оказался намного

сложнее, чем предсказывали многие эксперты. Основной блок противоречий складывался вокруг трех главных пунктов. В первую очередь, это установление минимальной почасовой заработной платы, на которой так упорно настаивали социал-демократы. Во-вторых, это требование об установлении минимального размера пенсионного обеспечения – идея, которая тоже исходила от социал-демократов. Кроме того, руководство СДПГ настаивало на окончательном урегулировании ситуации с оплатой так называемой заемной рабочей силы. Хотя ранее упомянутые три пункта А.Меркель и Х.Зеехоферу все-таки пришлось включить в окончательный коалиционный договор, несколько требований З.Габриэля они отклонили, как, к примеру, требование повышения налогообложения, что до сих пор является одним из центральных требований в программе СДПГ. Однако СДПГ была единственной партией, которая настояла на своем. Баварские христианские демократы включили в проект коалиционного договора введение дорожного сбора для легковых автомобилей приезжающих из-за границы за использование немецких автобанов для обновления дорожной инфраструктуры страны. Основными пунктами финального договора, инициатива которых принадлежала ХДС, в свою очередь, стали: дальнейший курс на стабилизацию бюджета (к 2015 году он должен был быть абсолютно выровнен), а также сохранение жесткой политики затягивания поясов в рамках зоны евро.

Коалиционный договор обычно формируется при условии, если ни одна партия сама не может достигнуть большинства самостоятельно, т.е. обладая достаточным количеством мест в парламенте после выборов. Обычно такое политическое явление прослеживается в государствах, чей парламент избирается пропорциональным голосованием. Предпосылкой создания «большой коалиции» является смешанная избирательная система в Германии [2]. В бундестаг половина депутатов избирается по партийным спискам, вторая половина депутатов по мажоритарной системе. Для того, чтобы попасть в бундестаг, партиям необходимо преодолеть барьер в 5 % или, если, партия получила, по крайней мере, 3 мандата по голосованию на местах. Одна из особенностей формирования коалиционного большинства в Германии – это принцип, согласно которому новоизбранный бундестаг не является преемником предыдущего бундестага в плане принятия ответственности за решения и законопроекты.

В парламентской жизни Германии по закону допускается формирование объединения политических партий, которые впоследствии выступают в качестве единой фракции во многих вопросах, особенно, это касается формирования «большой коалиции». Таким долговременным союзом (фракцией), к примеру, исторически является связка партий ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз/Христианско-социальный союз).

Между партиями заключается договор об отсутствии политической конфронтации и борьбы в определенных регионах Германии, где у партий находится их основной электорат. ХДС не выставляет своих кандидатов в Баварии, а ХСС, в свою очередь, не проявляет активность вне Свободного государства Бавария. Партии на всем протяжении совместной работы избирают единого председателя. У этих партий даже учреждена общая молодежная организация – «Молодежный союз», однако эти партии все же остаются отдельными партиями, у которых всегда есть различия и свойственные им программные принципы, которые каждая из партий старается продвигать в ходе политической жизни. Федеральное устройство Германии и достаточная автономия немецких земель играют решающую роль в формировании политического ландшафта и взаимоотношений на этом ландшафте [4].

В Германии союз трёх партий ХДС, ХСС и СДПГ традиционно называют «большой коалицией». Название отражает особенность этого парламентского союза, так как в коалицию включаются не только партии, которые получили наибольшее количество голосов, не только партии, программно близкие к партиям, набравшим большинство голосов, но и партии, которые готовы идти на компромисс, дабы продемонстрировать политическую зрелость ради сохранения стабильности развития государства во всех сферах жизни.

Разумеется, никто не отменял стремление избранных партий получить руководящие должности во власти, чтобы частично суметь реализовать свои программные постулаты, провозглашенные во время избирательной кампании. Недостатком попадания в «большую коалицию» является, отчасти, потеря голосов на последующих выборах. Однако, в Германии в случае удачного компромисса и достойной реализации программных целей отдельной партии, вошедшей в парламентскую коалицию на правах «младшего партнера», это является достижением в глазах избирателей, которые не слишком приветствуют долгие и мучительные политические торги вокруг их голосов. Общество в Германии всегда выступало и выступает в пользу политического консенсуса, на который ориентируются переговорщики со стороны парламентских политических формирований в ходе обсуждения образования коалиции для прекращения разногласий и скорейшего достижения договора – так или иначе государство направляется обществом, существует на договорных принципах. Политические партии в Германии это хорошо понимают.

Правящие коалиции в Германии часто сочетают в себе партии с различными или противоположными точками зрения на многие вопросы в экономике, социальной сфере, в сфере налогов, поиска дополнительных источников дохода для государства, внутренней и внешней политики.

Внешняя политика Германии интересует избирателей прежде всего с тех позиций, насколько рационально законодатели будут обращаться с их уплаченными налогами – это касается выделения «пакетов финансовой помощи» государствам ЕС, а также участия или неучастия ФРГ в военных кампаниях НАТО, что предполагает дополнительные затраты, а, следовательно, использование средств налогоплательщиков.

Германия – это не только многопартийная демократия, но также демократия, опирающаяся на коалиции. ФРГ трудно представить без парламентских коалиций. Каждые выборы в бундестаг, таким образом, сопровождались формированием парламентской коалиции, даже в 1957 году, когда ХДС набрал абсолютное большинство. Только в 1960-1961 блок ХДС/ХСС управлял страной в одиночку.

С целью выявления особенностей большой коалиции в Германии необходимо подробно рассмотреть немецкие выборы в бундестаг 2013 года. На федеральных выборах в 2013 году 5%-ный барьер преодолели 5 партий: «Христианско-демократический союз» (ХДС) – 34,1%, «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ) – 25,7%, «Левая» – 8,6 %, «Союз 90/Зеленые» – 8,4 %, «Христианский социальный союз» (ХСС) – 7,4%.» [5]. Далее следуют партии, которые по итогам голосования не смогли преодолеть 5% барьер: «Свободная демократическая партия» (СвДП) – 4,8 %, «Альтернатива для Германии» – 4,7 % «Партия пиратов Германии» – 2,2 %, «Национал – демократическая партия Германии» – 1,3 %, «Свободные избиратели» – 1 %, Другие – 1,8 %..». Вот как распределились места в 18-м бундестаге (2013 – наст. время) с учетом общегерманских выборов по мажоритарной системе и партийным спискам:

Таблица 1

Парламентские фракции	Партийные списки	Мажоритарная система	Всего
ХДС/ХСС	235	75	310
СДПГ	58	135	193
Левая партия	4	60	64
Союз90/Зеленые	1	62	63
Итого	298	332	630

*29 мандатов согласно «методу Сент-Лагю» (ХДС 13, СДПГ 10, Левые 4, Союз 90/Зеленые 2, ХСС 0). [2]

Источник: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-2013.html>

Для того чтобы понять, каким образом требования и заявления партий перед формированием «большой коалиции» по итогам парламент-

ских выборов в ФРГ (2013) соответствовали их действиям, когда пришло время договариваться о формировании «большой коалиции», ниже приведены краткие характеристики основных политических партий, прошедших в бундестаг [11]:

1. Христианско-демократический союз (ХДС) и Христианско-социальный союз (ХСС) – формально являются самостоятельными партиями, однако действуют в тесном блоке и образуют единую фракцию в бундестаге. Созданы в 1945 г. Партии находились у власти с момента образования ФРГ до 1969 г. и в 1982-1998 гг. С октября 1998 г. – в оппозиции, с ноября 2005 г. – вновь у власти в «большой коалиции» с СДПГ [6]. Социальная база ХДС – предприниматели, чиновничество, крестьянство, религиозно настроенные рабочие. Опирается на поддержку церкви, прежде всего католической. ХСС по политическим целям является родственной ХДС партией, однако, по ряду вопросов занимает более консервативные позиции.

2. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) возникла в 1875 г., в 1933 г. распущена фашистским правительством, возобновила свою деятельность в ФРГ в 1946 г. Самая многочисленная партия ФРГ, число членов СДПГ составляет около 600 тыс. человек. СДПГ выступает за сохранение частной собственности и свободного предпринимательства, ставит своей задачей обеспечение «классового мира» в обществе, примирение интересов труда и капитала. В 1998-2005 гг. находилась у власти в коалиции с партией «Союз 90/Зеленые».

3. Свободная демократическая партия (СвДП) – либеральная партия, создана в 1948 году. Выражает интересы части средних и мелких предпринимателей, врачей, служащих, чиновников и лиц свободных профессий. В 1949-1956 гг., 1961-1966 гг. и с 1982 г. входила в правительственную коалицию с ХДС/ХСС, в 1969–1982 гг. - с СДПГ.

4. Партия «Союз 90/Зеленые» создана в апреле 1993 г. после объединения западногерманских «зеленых» с правозащитным движением из бывшей ГДР «Союз 90». В 1998-2005 гг. находилась у власти в коалиции с СДПГ. С ноября 2005 г. – в оппозиции.

5. Левая партия («Ди Линке») – возникла в июле 2005 г. в преддверии всеобщих выборов в результате объединения Партии демократического социализма (ПДС) и вышедшей из СДПГ лево-социальной группировки («Партия труда и социальной справедливости»). На выборах 18 сентября 2005 г. преодолела 5% барьер и вошла в бундестаг.

Довольно запутанная ситуация складывалась после выборов. Возникло много неясностей, каким образом и как долго политические партии будут формировать парламентское большинство, несмотря на то, что в Германии знают толк в достижении компромиссов ради сохранения стабильности в экономической и социальной сферах.

В СДПГ сразу же открестились от коалиции с «Левой», однако многие граждане с партбилетами СДПГ также выступали против вступления в коалицию во главе с А.Меркель. В это же время «Зеленые» заявили, что они даже не будут рассматривать возможность коалиции с «Левыми». «Зеленые» были готовы к переговорам с ХДС/ХСС, однако лидеры ХСС выступили против коалиции с «Зелеными». На этом фоне А.Меркель заявляла, что не будут исключены и другие возможности формирования коалиции, помимо участия в будущей «большой коалиции» СДПГ. Особенность здесь легко прослеживается и она заключается в том, что партии, которые, вроде бы находятся на одном политическом фланге (в данном случае на левом), имея потенциальные возможности создать правительство за счет своих достижений на выборах, сразу же после них исключили такой вариант. Тут же можно заметить другую интересную отличительную черту: левый фланг политического спектра своими заявлениями об отказе от идеи сотрудничества с «Левой» во многом внес вклад в «маргинализацию» этого политического движения в бундестаге.

Трудности с созданием коалиции, а впоследствии и правительства у госпожи Меркель возникли по причине того, что Свободная Демократическая Партия не набрала необходимые 5% для прохождения в Бундестаг.

Во время переговоров загвоздками являлись вопросы внутреннего характера: повышение подоходного налога для высокооплачиваемых работников и специалистов, обязательная минимальная оплата труда.

«Зеленые» были согласны пойти на компромисс в вопросе повышения налога для трудящихся с высокими доходами, если бы консервативные партии выдвинули предложение относительно нахождения источников финансирования для инвестиций. В СДПГ изначально еще до выборов требовали повысить ставку подоходного налога на высокие зарплаты, при этом выровнять налогообложение на доходы среднего уровня. Левые партии также настаивали на использовании дополнительных доходов для финансирования инфраструктуры. Ангела Меркель еще во время избирательной кампании настаивала на том, что повышение налогов может иметь негативные последствия для бизнеса и уменьшить вероятность скорейшего экономического восстановления. Немаловажной составляющей успеха ХДС является личность госпожи Меркель – граждане Германии отдали большую часть свою голосов партии, которую она возглавляет, несмотря на то, что Ангела Меркель не выступала против повышения налогов для граждан с высоким доходом. Жители ФРГ, наверное, в последний раз проявили свою поддержку ее политики исходя из таких соображений, как экономическое процветание Германии, а также уверенное «нет» призывам из ЕС выделять дополнительные финансовые средства для стран с проблемными экономиками. Такие шаги главного

лица ХДС завоевали одобрение многих граждан крупнейшей экономики ЕС. То, как А.Меркель справилась с кризисом евро до выборов 2013, получило одобрение большинства электората ФРГ [10]. Согласно результатам опроса избирателей, проведенный телекомпанией ZDF совместно с институтом «Forschungsgruppe Wahlen», примерно 40% сторонников таких партий как «Зеленые» и «Левые» предпочли видеть в должности федерального канцлера Ангелу Меркель, нежели кандидата от левого фланга политического спектра - Пеера Штайнбрюка [1].

Примечательно, что уже в ходе переговоров о формировании «большой коалиции» в СДПГ постепенно соглашались не повышать подоходный налог, тем не менее, лидеры СДПГ настаивали на выполнении своих требования относительно более высоких объемов инвестирования в инфраструктуру, а также увеличения финансирования образования. А.Меркель не отвергала в полной мере требования СДПГ – она тоже обозначила 3 главных вопроса для будущего правительства: снижение долга, инвестиции в образование и создание рабочих мест.

После парламентских выборов 2013 года компромисс был достигнут лишь после двух месяцев напряженных переговоров. Три партии вошли в «большую коалицию»: ХДС, ХСС, и СДПГ. В основу этого компромисса был заложен договор, базу которого составляли следующие главные пункты [8]:

- *рост, инновации и благосостояние;*
- *полная занятость, хорошая работа и социальная безопасность;*
- *надежные финансы;*
- *сплоченность общества;*
- *современное государство, внутренняя безопасность и гражданские права;*
- *сильная Европа;*
- *ответственность в мире;*
- *механизм работы коалиции.*

«Большая коалиция» была создана, однако изменения политического спектра и электората будут нарастать. Политические процессы в постиндустриальную эпоху влияют на избирателя в Германии, поэтому их вовлеченность и участие расширяется. Этот факт касается не только самих выборов, но и появления альтернативных партий с другой точкой зрения. «Если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересуется тобой», – такую интересную мысль высказал когда-то неизвестный мудрец, который, наверное, предвидел политическую ситуацию в Германии с возрастанием влияния внешних факторов на внутреннюю обстановку. Если после выборов 2013 года внутренняя политика и роль в ее осуществлении сыграли на руку Ангеле Меркель, которой удалось создать коалицию, не

обращая внимания на некоторые проблемы во внешней политике, это не значит, что успешность решения внутригосударственных проблем в дальнейшем не будет зависеть от внешней политики. Поэтому на будущих выборах фактор успешности внешней политики, вдобавок к эффективности внутренней политики сыграет немаловажную роль в формировании новой «большой коалиции».

Конечно, такой расклад событий не предопределен, но все же внешняя политика Германии, которая влияет все больше на демографию государства, не может не оказать воздействия на внутривнутриполитические процессы. Все это происходит при правлении центристов, которые уже ничего нового предложить не могут. Пусть даже им удалось сохранить ведущую роль в формировании «большой коалиции», однако создать эту коалицию получилось в результате компромисса с партией от левого фланга (СДПГ). Однако, во внешней политике СДПГ согласилась с предложениями А.Меркель, что дает повод для размышлений относительно возможного роста популярности «Левой» партии и правого фланга политического спектра в связи с вопросами внешней политики, которые не были решены нынешним канцлером. Таким образом, «центр» политического спектра размывается, но тем интересней будет наблюдать за процессами достижения компромиссов, формирования коалиций и появлением новых особенностей в политической жизни ФРГ.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что процесс строительства правящей коалиции играет первостепенную роль в немецкой политике, и с каждым годом он становится все сложнее. Сформированное в ноябре 2013 правительство из ХДС/ХСС/СДПГ изначально было политизировано по ряду вопросов и в данный момент мы можем наблюдать, что даже через три года, когда Германия приближается к новым выборам в нижнюю палату парламента, существовавшие противоречия не были решены, что, безусловно, отражается на политическом процессе в целом. Так, по результатам недавних социальных опросов складывается следующая картина: ХДС/ХСС получил бы 33%, СДПГ-21%, Зеленые – 12%, СвДП – 6%, Левая-9, АдГ-13% и остальные-5% голосов [7]. Как мы видим, чисто арифметически «большая коалиция» в таком случае будет еще возможна (вместе они набирают 54% голосов), однако, учитывая раскол в немецком обществе относительно миграционного кризиса и усиливающееся влияние малых партий, таких как «Альтернатива для Германии» [9], есть все основания полагать, что коалиция ХДС/ХСС вместе с социал-демократами может прекратить свое существование после выборов в бундестаг 2017 года.

Список источников и литературы:

1. Кузнецов А.В. Большие перемены у малых партий Германии // Перспективы. 4.5.2012.
2. Новая старая Большая правительственная коалиция в Германии // новостной ресурс. – URL : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2939#3 (дата обращения 01.06.2016 г.)
3. Рыкин В.С. Вильде А.А., Тимошенкова Е.П. Внутриполитическое развитие ФРГ. Германия. Вызовы XXI века. – Под ред. В.Б. Белова. М., – С. 103–183.
4. Система выборов в бундестаг (парламент) Германии // новостной ресурс. – URL : <http://ria.ru/politics/20090927/186445745.html#ixzz4AXLGIlJsm> (дата обращения 01.06.2016 г.)
5. Тимошенкова Е.П. Выборы в германский парламент: основные результаты и их влияние на партийно-политическую систему Германии. Германия 2013, под ред. В.Б. Белова. – Доклады Института Европы РАН, № 304, М., 2013. – С. 34–51.
6. Тимошенкова Е.П. Германия 2012 – предвыборное настроение (за год до федеральных выборов). Германия 2012. Под ред. В.Б. Белова. – Доклады Института Европы РАН, № 294, М., 2012. – С. 47–84.
7. Aktuelle Umfrage Forschungsgruppe Wahlen (3. Juni 2016) // новостной ресурс. – URL : <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sonntagsfrage-umfragen-zu-bundestagswahl-landtagswahl-europawahl-a-944816.html> (дата обращения 03.16.2015 г.)
8. Distribution of Seats in the 18th German Bundestag // Deutscher Bundestag– URL : https://www.bundestag.de/htdocs_e/bundestag/plenary/18thbundestag/245692 (дата обращения 01.06.2016 г.)
9. Häusler A. (2013) Die „Alternative für Deutschland – eine neue rechtspopulistische Partei? – Materialien und Deutungen zur vertiefenden Auseinandersetzung. – Heinrich Böll Stiftung, FORENA Forschungsschwerpunkt Rechtsextremismus und Neonazismus. – Düsseldorf.
10. [18th German Bundestag has 631 Members] // Distribution of Seats in the 18th German Bundestag– URL : http://www.bundestag.de/htdocs_e/bundestag/elections/election2013/election2013/213462 (дата обращения 31.05.2016 г.)
11. 2013 Bundestagswahlen // новостной ресурс. – URL : http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/bundesergebnisse/index.html. (дата обращения 02.06.2016 г.)

УДК 327

Е.Бадалова

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и
мировой политики

Воронежский государственный
университет

Россия, г. Воронеж,

тел. (903) 855-67-65;

e-mail: mail@kardas.vrn.ru

E.Badalova

PhD in History, Associate Professor of
International Relations and World Policy
Chair

Voronezh State University

Russia, Voronezh,

tel. (903) 855-67-65;

e-mail: mail@kardas.vrn.ru

М.Казаринова

Студентка факультета

международных отношений

Воронежского государственного
университета

e-mail: Kazarinova1995@list.ru

M.Kazarinova

Student at the Faculty
of International Relations
at the Voronezh State
University

e-mail: Kazarinova1995@list.ru

Е.В. БАДАЛОВА, М.А. КАЗАРИНОВА **ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ ПО ПОВОДУ** **ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ИРАКСКИХ ВОЙН**

В статье речь идет об отношении ФРГ к первой и второй иракским войнам. Анализируются внутривластные и внешнеполитические причины действий германского правительства.

Ключевые слова: ФРГ, война в Ираке, внешняя политика

E.V. BADALOVA, M.A. KAZARINOVA **THE IRAQI ISSUE IN THE FOREIGN POLICY OF GERMANY** **DURING THE FIRST AND SECOND IRAQ WARS**

In this article we are talking about the attitude of Germany to the first and second Iraq wars. Analyzes the domestic and foreign causes of action of the German government.

Keywords: Germany, the war in Iraq, foreign policy

В начале XXI века мы наблюдаем рост самостоятельности европейских партнеров США, в особенности Германии и Франции, по отношению к процессам, происходящим на международной арене.

Показательной стала позиция Франции и ФРГ по поводу второй иракской войны, вызвавшая недовольство внутри американской политической элиты. В настоящей статье делается попытка проанализировать мотивацию действий правительства ФРГ в период первой и второй иракских войн.

С середины 80-х годов среди союзников, особенно в США, росло недовольство по поводу немецкой «сдержанности» в решении международных кризисных событий. Экономически развитая Германия с точки зрения союзников почти не вносила вклад в решение международных проблем[11, S.12]. ФРГ действительно избегала военного участия в международных конфликтах. Федеральное правительство старалось компенсировать свою позицию гуманитарной помощью союзникам и странам, находящимся в кризисной ситуации. Для этого активно использовалась так называемая «Scheckbuch Diplomatie» («дипломатия чековой книжки»).

США, активно поддерживавшие воссоединение Германии, были серьезно разочарованы осенью 1990 года. ФРГ дала понять, что, в случае войны в Персидском заливе, она продолжит свой особый путь. С одной стороны, США понимали, что Федеральное правительство обременено новыми проблемами, возникшими в результате объединения, а с другой, все-таки надеялись на немецкую военную помощь. Но правительство ФРГ реагировало знакомой компенсационной стратегией: финансовая и материальная помощь – да, но не отсылка германских вооруженных сил.

Германия преследовала две задачи. Во-первых, с помощью широко-масштабной финансовой программы поддерживалась война союзников против Саддама Хусейна (немецкий вклад составил около 17 млрд. долларов, то есть почти треть ежегодного оборонного бюджета). Во-вторых, Германия делала ставку на дипломатический компромисс в надежде на то, что С.Хусейн пойдет на примирение. Некоторое время американцы с этим мирились. Но когда стало ясно, что военные действия неизбежны, международное давление на Германию стало расти. Другие страны, например, Италия, вели себя прагматичнее. Итальянцы предоставили лишь несколько реактивных истребителей, но никто не смог бы заподозрить их в отступничестве.

Германия же, наоборот, предоставляла существенную финансовую помощь и при этом постоянно подвергалась критике. Поскольку Федеральное правительство не предоставило в распоряжение военные части, то дело перешло в обычное предоставление финансовых средств. Таким образом, сложилась некая закономерность: чем меньше была политическая солидарность Германии, тем выше был ее экономический вклад.

Ряд ученых подчеркивал нерациональность внешней политики ФРГ. На их взгляд, вместе с финансовыми инвестициями ФРГ стоило участвовать и в военных действиях. Это бы придало ей больший политический вес[9, S.395]. Однако Федеральное правительство страны не участвовало ни дипломатическим, ни военным образом в операциях ООН на Ближнем Востоке. Вследствие огромной финансовой и материальной

помощи Федеральное правительство старалось не разглашать ее суммы. Еще один аспект: пока другие государства проводили среди своего населения пропагандистские работы по целесообразности этой войны, в Германии эту тему пытались замалчивать.

Внутри страны позиция Германии по войне в Персидском заливе имела как своих сторонников, так и критиков. Так, по мнению последних, главной ошибкой правительства Г.Коля было то, что он используя конституционные ограничения и политическо-исторические причины, отклонил участие бундесвера в операции «out of area» (то есть вне действия Североатлантического договора). Было бы уместнее изначально попробовать интерпретировать конституцию. Статья 24 конституции ФРГ четко и ясно указывает: «Для обеспечения мира Федерация может включиться в систему взаимной коллективной безопасности, при этом она согласится на такие ограничения своих суверенных прав, которые должны привести к установлению и обеспечению мирного и длительного порядка в Европе и в отношениях между народами всего мира» [8]. Поэтому они считали, что вопрос участия бундесвера вне НАТО и в рамках ООН является, таким образом, вопросом не конституционного плана, а принципиально политическим.

Федеральное правительство не отказывалось помогать союзникам, но одновременно не желало вступлением в войну вызвать недовольство внутри страны. Война в Персидском заливе наглядно подчеркнула, что «привычка в каждом вопросе и с каждым партнером стремиться к компромиссу стала второй натурой немецкой внешней политики» [14, S.32]. Соответственно, Германия часто действовала противоречиво и без четко-го определения собственных интересов.

Иную позицию заняла ФРГ во время подготовки к войне и самой войны в Ираке 2003 года. После терактов 11 сентября 2001 года Федеративная Республика Германия без колебаний стала на сторону США. Министр обороны Петер Штрук в одном из своих первых публичных высказываний в июле 2002 г. объявил, что экономический и технологический потенциал Германии позволяет немцам взять на себя большую ответственность за обеспечение мира в Европе и за ее пределами. Чуть позже он представил новую военную доктрину ФРГ, в которой определял главным приоритетом бундесвера не организацию обороны против внешней агрессии, а предупреждение при урегулировании конфликтов в горячих точках за рубежом в рамках миротворческих операций ООН и ликвидации их последствий. Эти инициативы были поддержаны и канцлером Герхардом Шредером. Впервые вместе с подразделениями специального назначения в Афганистан были направлены и немецкие сухопутные части.

Петерсбергская конференция по Афганистану под эгидой ООН, про-

ведение которой координировал Берлин, а также существенный вклад в формирование международных миротворческих сил в Афганистане (ISAF) также могут быть отнесены в актив Германии. Тем не менее начались трудности после того как Шредер сделал конфликт вокруг Ирака темой своей предвыборной кампании. Отказ от участия Германии в войне против Ирака и несогласие с применением средств военного принуждения к режиму Саддама Хусейна привели к глубокому кризису в отношениях с США.

Впервые расхождения во взглядах открыто проявились в январе 2002 года на общих тренировочных учениях НАТО «Crisis Management Exercise 2002» (CMX02), что было практически беспрецедентным случаем в такого рода мероприятиях. Тренировочный сценарий, в котором было задействовано политическое руководство всех 19 членов НАТО, предусматривал, что Турция и еще одно государство, которое обладает химическим и бактериологическим оружием и поддерживает международный терроризм [имелся в виду Ирак. – М.К.] находятся накануне войны между собой. Объект конфликта – богатая нефтью территория (фактически на турецко-иракской границе). Еще до начала запланированной войны в государстве происходит выброс биологического оружия, которое угрожает расположенным в Турции войскам НАТО. На вопрос, как должны реагировать союзники, не было найдено единого ответа. США и Турция выступали за превентивные действия (даже без мандата ООН), ФРГ вместе с Францией и Испанией – за публичные угрозы и использование силы только в случае вторжения в зону НАТО.

На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2002г. также проявились различия в позиции Германии и США. Министр обороны США П.Вольфовиц в своей речи заявил, что «США и НАТО после 11 сентября находятся в состоянии войны и новая угроза требует превентивных действий и перенос поля боя на вражескую территорию»[10, S.180]. В свою очередь министр обороны ФРГ Р.Шарпинг отметил, что нет четких планов и конкретных причин для начала активных в Ираке. Но в целом Федеральное правительство придерживалось сдержанной позиции относительно планов США. Проявлением такой позиции было предложение федерального правительства отправить в Кувейт бронетранспортеры «Фукс» в рамках операции «Несокрушимая свобода». Во время парламентских дебатов, на которых обсуждался вопрос отсылки бронетранспортеров, министр иностранных дел Йошка Фишер добивался, чтобы полномочия такого решения прекратились во время возможной интервенции в Ирак. Но канцлер дал понять, что вопрос вывода «Фукс» в случае войны не должен приниматься во внимание, иначе, по его мнению, «в следующие 50 лет ни один немецкий канцлер не поедет больше в Вашингтон»[7, S.4].

Напряженность атмосферы была еще более ощутимой во время визита Буша в Берлин в мае 2002 года. Во время визита в столицу Германии прошли демонстрации против американской внешней политики, в которых принимало участие и несколько депутатов бундестага. Во время речи Буша в немецком парламенте некоторые депутаты ПДС попытались даже выставить протестные транспаранты. В результате Буш в рамках своего европейского турне задержался в Берлине только на 19 часов.

Ситуация обострилась в начале августа 2002 г. в период предвыборной кампании, которую СДПГ вела под руководством Р.Мюнтерферинга. Именно он представил новую предвыборную концепцию, так называемый «Немецкий путь», которая первоначально относилась к внутренней политике, а именно: к сохранению немецкой модели социального государства. И только уже позже метафора «немецкий путь» стала использоваться, как определение позиции ФРГ по войне в Ираке. На завершающем этапе выборов антиамериканские настроения еще больше проявились в немецком обществе. 11 августа 2002г. министр обороны П.Штрук объявил, что Германия не будет «подопечной Соединенных Штатов»[12, S.3]. Дело дошло до того, что посол Америки в Германии Дэн Коутс (Dan Coats) за несколько недель до выборов подал заявление-жалобу в федеральную канцелярию по поводу слов канцлера по американской позиции. В разгар дебатов вокруг будущей войны министр юстиции Х.Дойблер-Гмелин сказала, что президент Буш использует войну в Ираке для отвлечения внимания от внутренних проблем и такую тактику уже использовал в своих планах Гитлер[6, S.19]. Администрация США конечно же возмутилась на бестактность министра и подчеркнула, что «это выходит за рамки дозволенного».

После победы на выборах Федеральное правительство пыталось несколько улучшить отношения с США, но без резкого отхода от своей прежней позиции. Так, в середине сентября 2002г. после согласия Ирака гарантировать допуск инспекторов UNMOVIC (Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям – ЮНМОВИК) Федеральное правительство предложило помощь немецких экспертов при поиске оружия. Также на саммите НАТО в Праге 21 ноября 2002г. канцлер смягчил свою позицию. В частности, он сказал: «Федеральное правительство будет стараться выполнять свои союзнические обязанности, соблюдая при этом немецкую позицию неучастия в возможной военной акции против Ирака»[13].

27 ноября 2002г. на одной из пресс-конференций канцлер подчеркнул, что в случае военных действий США и НАТО в Ираке Германия гарантирует право перелета, передвижения и транзитное право. Ряд экспертов полагали что таким образом Германия принимала пассивное уча-

ствие в войне. Федеральное правительство публично критиковало войну, но в то же время не хотело полностью портить отношения с США. Поэтому в вопросах, которые не были в центре внимания общественности, предпочитало идти на компромисс. Проявлением доброй воли было воспринято и предложение министра обороны Германии П.Штрука во время Варшавской встречи министров иностранных дел НАТО о перенятии командования группами защиты в Кабуле Германией и Нидерландами в начале 2003г.

В этот период между федеральным правительством и министерством иностранных дел Германии возникли некоторые конфликтные вопросы, так как Федеральное правительство пыталось уменьшить разногласия между ФРГ и США, а МИД оставался на старой позиции. В конце концов верх взял курс на недопущение войны в Ираке и резкое отрицание американских планов по этой войне.

В Германии хорошо понимали, что такая политика наносит ущерб отношениям с США. После завершения активной фазы конфликта как немцы, так и американцы стали искать пути к восстановлению дружеских связей.

Непосредственно после начала войны Федеральное правительство начало предоставлять гуманитарную помощь. С предоставлением 50 млн. Евро в рамках двусторонней помощи и дополнительно 22,6 млн.Евро. В рамках программы ЕСНО (European Community Humanitarian Office) Германия стала одним из крупнейших гуманитарных доноров.

И когда Фишер, посетил США в июле 2003г., он был встречен там гораздо теплее, чем в ноябре 2002. В интервью компании «Си-эн-эн» И. Фишер, подтверждая немецкую позицию в отношении Ирака, пошел навстречу американцам и заявил: «Мы придерживаемся разных мнений. Но когда раздался первый выстрел, наша позиция заключалась в том, что США должны выиграть эту войну, по возможности с меньшими потерями среди солдат и невинных жителей. Теперь мы должны совместными усилиями добиваться мира»[4]. Министр выразил готовность своей страны оказывать гуманитарную помощь Ираку, однако подтвердил, что без мандата ООН Германия не направит туда своих миротворцев. Координатор германо-американских связей в МИД ФРГ К. Фойгт заметил, что американцы начали понимать необходимость в союзниках. Одно дело – быстро выиграть войну, и совсем другое – восстанавливать мир[4].

В немецкой прессе появилось много материалов, авторы которых говорили о необходимости налаживания более тесных отношений между союзниками. Так, газета «Хандельсблатт» писала: «Сверхдержава все-сильна, только когда она ведет войну. С экономической, финансовой и политической стороны она зависит от остального мира гораздо больше,

чем она это признает»[3]. А газета «Ди Вельт» отметила, что Берлину и Парижу надо понять одно – единую Европу нельзя строить как противовес США[2]. Именно в данном контексте И. Фишер во время своего визита выступил в поддержку общей для США и Европы идеи сохранности и заявил, что он видит «новую открытость» трансатлантическим отношениям, и немецко-американские связи имеют под собой прочную и очень хорошую основу.

В целом следует признать, что война в Ираке обозначила коренные изменения в мировом порядке. Известный немецкий политолог, директор Института исследований немецкого общества и внешней политики К. Кайзер писал: «Началась новая эра, характерной чертой которой является напряжение между американским господством и глобальной взаимозависимостью»[1].

С критикой немецкой позиции выступил профессор Боннского университета Х.-П. Шварц, который подчеркнул, что во внешней политике и политике безопасности ЕС еще не может выступать против США как единое целое. Поэтому политики, как в Америке, так и в Германии, должны стараться как можно дольше сохранять НАТО как ценное связующее звено атлантического сообщества современных демократий[5].

Визит американского президента Дж.Буша в Германию в феврале 2005 г. показал налаживание германо-американских отношений. Правда, это потепление скорее всего было вызвано реальным пониманием того, что все же лучше обоим сторонам не враждовать. Ни одна из сторон не заинтересована в продолжении конфронтации. За период ухудшения отношений США поняли, что заручиться поддержкой «новой Европы» мало, следует еще и не нажить себе врагов среди «старой Европы».

Отличие подходов Германии в двух иракских войнах является ярким примером эволюции внешней политики ФРГ с момента объединения и до начала XXI века. Постепенно Германия стала претендовать на самостоятельные шаги во внешней политике, не связанные с ожиданиями партнеров по НАТО и ЕС.

Список источников и литературы:

1. Кайзер К. Смена эпох // Internationale Politik. – 2003. – № 3. – URL: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-03/article02.html>(дата обращения: 02.11.2016).
2. Куда привел «особый» путь Франции и Германии. – URL: <http://www.dw-world.de/Russian> (дата обращения: 05.09.2016).
3. У европейцев нет причин ползти на коленях в Вашингтон. – URL: <http://www.dw-world.de/russian> (дата обращения: 05.09.2016).
4. ФРГ-США: основа для восстановления отношений заложена. – URL: <http://www.dw-world.de> (дата обращения: 04.09.2016).

5. Шварц Х.-П. О слонах и бобрах // Internationale Politik. – 2003. – № 3.
– URL: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-03/article04.html> (дата обращения: 05.09.2016).
6. Deutschland im Abseits?: rot-grüne Außenpolitik 1998-2003 / Hrsg. von Maul H.W. – Baden-Baden: Nomos, 2003.
7. Feldmeyer K. Aufgedrängte Füchse / K.Feldmeyer // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2003. – 12. Juni.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – URL: www.bundesregierung.de/Anlage760204/Grundgesetz.pdf (дата обращения: 05.09.2016).
9. Hacke C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder / C.Hacke. – Frankfurt am Main : Lang, 2003.
10. Harnisch S. Deutsche Sicherheitspolitik auf dem Prüfstand: Die Nonproliferationspolitik gegenüber dem Irak / Harnisch // Harnisch S., Katsioulis O., Overhaus B. Deutsche Sicherheitspolitik. Eine Bilanz der Regierung Schröder / S.Harnisch, O.Katsioulis, B.Overhaus. – Baden-Baden: Nomos, 2004.
11. Inacker M. Unter Ausschluß der Öffentlichkeit. Die Deutschen und der Golfkrieg. – Bonn / Berlin, 1991.
12. Kritik an Schröders Irak-Äußerungen //Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2002. – 12. Aug.
13. Schirmer G. Deutschland ein Aufmarschgebiet der USA für den Krieg gegen den Irak? // <http://www.unikassel.de/fb5/frieden/regionen/Irak/schirmer.html>
14. Schwarz H.-P. Die gezähmten Deutschen. – Berlin: Siedler, 2003.

УДК 327

Иванова В.С.,
студентка факультета международных
отношений Воронежского
государственного университета
Эл. почта:
stonymaiden1806@gmail.com

Ivanova V.S.,
student of the Faculty
of International Relations
of Voronezh State University
e-mail:
stonymaiden1806@gmail.com

В.С. ИВАНОВА
ОБРАЗ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья представляет собой анализ образа канцлера ФРГ Ангелы Меркель в российском общественно-политическом дискурсе. Автор акцентирует внимание на неоднозначности оценок личности и деятельности немецкого политика, которые менялись в зависимости от множества различных факторов, в первую очередь, от трансформаций российско-германских отношений.

Ключевые слова: Ангела Меркель, канцлер ФРГ, политика, образ

V.S. IVANOVA
IMAGE OF ANGELA MERKEL IN RUSSIAN
SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

This article is devoted to the analysis of the image of German's Chancellor Angela Merkel in socio-political discourse of Russia. The author pays attention to the ambiguity of assessment of the Merkel's personality and her activities, which has been hugely dependent on the great number of different factors in the course of Russia-Germany relations transformation.

Keywords: Angela Merkel, the Chancellor of Germany, policy, personality, image

Фрау канцлер, первая женщина у руля, железная фрау, локомотив европейского строительства... Персона канцлера ФРГ Ангелы Меркель широко обсуждается по всему миру, как же воспринимают немецкого политика в России?

Несомненно, стремительный подъем по карьерной лестнице дочери гамбургского пастора стал широко обсуждаемой темой в российском обществе. Утверждение А.Меркель на посту канцлера Германии было настоящей неожиданностью, так как еще 15 лет назад никому не известная Ангела Меркель теперь взяла бразды правления объединенной Германии в свои руки. Такая внезапность породила массу сомнений и разговоров вокруг персоны канцлера ФРГ.

Существовало мнение о том, что Ангела Меркель не задержится на посту канцлера Германии. В качестве аргументов приводились соображения о колоссальном количестве проблем (безработица, государственный

долг, плюс ко всему – разногласия внутри коалиции), что стояли перед новым коалиционным правительством ХДС/ХСС в 2005 году. Никто не строил и позитивных прогнозов относительно путей и сроков их преодоления. Так, например, РИА Новости утверждало: «Шансы Меркель досидеть на своем посту до истечения срока полномочий крайне невелики» [1]. Солидарной с ним была журналистка Наргиз Асадова: «...промежуточная фигура, которая просто даст немцам какое-то время отдохнуть» [2]. В этой связи примечательна тенденция сравнения А.Меркель с Г.Шрёдером – как их личных качеств, так и внешнеполитических приоритетов. Среди недостатков будущего канцлера отмечалась ее немногословность и неспособность к красноречию. Н.В. Павлов указывает, что «Меркель имела очевидные минусы по сравнению с Г.Шрёдером. Хотя про нее говорили, что она «серьезная женщина для серьезных дел», она была женщиной, представительницей востока страны и плохим оратором... Кроме того, она не обладала такой харизмой, как Шрёдер... Еще одной ахиллесовой пятой консервативной оппозиции во главе с Меркель было ее безусловное внешнеполитическое равнение на Вашингтон. Накануне иракской войны Меркель однозначно встала на сторону США. Шрёдер вдобавок упирал на необходимость укрепления дружественных связей с Россией и Францией, то А.Меркель поднимала лишь один вопрос – нежелание христианских демократов видеть Турцию в качестве полноправного члена Европейского союза» [3].

Период с 2005 по 2009 г во взаимоотношениях Германии и России можно охарактеризовать как «партнерство для инноваций», «партнерство для модернизации»: набирал обороты проект «Северный поток» (проект магистрального газопровода между Россией и Германией, проходящего по дну Балтийского моря), продолжали эффективно действовать российско-германский Форум общественности «Петербургский диалог», Рабочая группа высокого уровня по вопросам политики безопасности (РГВУ), Рабочая группа высокого уровня по стратегическому сотрудничеству в области экономики и финансов (СРГ), а в основе двустороннего партнерства лежали такие фундаментальные документы, как Договор 1990 года о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, Совместное заявление Президента Российской Федерации и Федерального канцлера ФРГ 1991 года и Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии 1990 года. Канцлер ФРГ подчеркивала, что Российская Федерация является для Германии одним из ведущих экономических партнеров, одновременно проявляла интерес к процессу модернизации в России (экономическая модернизация в сочетании с демократическими реформами и социальными преобразованиями) [4.С.56]. Здесь ясно прослеживается преемственность внешнеполитического курса А.Меркель. Немецкие кан-

цлеры по обыкновению занимают сдержанную позицию по отношению к Российской Федерации, но это никогда не было препятствием в развитии экономического, энергетического партнерства. Татьяна Становая, руководитель аналитического департамента Центра политических технологий утверждает: «Объективно также сохраняется двойственность восприятия России: с одной стороны, есть недовольство российской политикой (по вопросам демократии, например), но, с другой стороны, есть и интересы в развитии сотрудничества в экономической сфере, особенно энергетике. Поэтому с приходом нового канцлера можно прогнозировать частичную коррекцию отношений при сохранении и поддержании стратегически важных для обеих стран направлений сотрудничества. В любом случае диапазон изменений в отношениях будет не слишком значительным, так как во главу угла в них поставлены проверенные временем институционализированные экономические связи» [5]. Вторили ей и журналисты «Независимой Газеты»: «Традиционным остается дистанцирование от Москвы: ...российско-германское экономическое партнерство они принимают. Но не без напоминаний об «энергетической экспансии» Москвы» [6].

Вместе с тем, российская общественность характеризует канцлера и как обычного человека со своими интересами, предпочтениями: опера, выходные на даче в обществе семьи, горные прогулки, лыжи... Обыкновенная немка, которая носит брючный костюм – брюки классического покроя и блейзер, любительница мятного чая. Фрау Меркель сама ходит за покупками в ближайший от дома магазин, боится собак и слушает Рихарда Вагнера – такой предстает перед русской общественностью канцлер Германии.

Не осталась без внимания и тема кулинарных способностей Ангелы Меркель. Журналисты Российской газеты пишут: «Ангела любит возить-ся в саду, готовить. По ее собственным словам, лучше всего ей удаются картофельный суп, бульоны, шницели, блюда из рыбы. Она с удовольствием печет пироги и утверждает, что еще ни разу гости не уходили от нее голодными» [7]. Однако, несмотря на любовь к кулинарии, канцлер все же имеет собственного шеф-повара, Ульриха Керца. По его словам, фрау Меркель любительница «простой крестьянской кухни», без изысков и фантазии, предпочитает отечественные продукты [8]. Тем не менее, личная жизнь «железной леди» покрыта тайной – о ее муже, Йоахиме Зауэре, практически ничего не известно – он предпочитает оставаться в тени, хотя и существует мнение, что «господин Меркель» время от времени консультирует свою жену в вопросах политики.

Журналисты отмечают также выдающиеся дипломатические способности, дальновидность госпожи канцлер. Она – женщина, с которой

Германия в надежных руках, политик, в которой до сих пор живет физик, ученый, что выражается в чрезвычайной кропотливости канцлера при принятии решений, пишет Первый канал [9].

Несмотря на занимаемый А.Меркель пост, она держит себя скромно: имеет недорогой автомобиль, о месте ее жительства и доходах широко известно (обыкновенная немка, представитель среднего класса, живущая в многоквартирном доме на четвертом этаже, заработок которой составляет около 290 тысяч евро в год) [10]. Пренебрегает украшениями и макияжем, иными словами, - любит оставаться обычным человеком [11]. «На вид обыкновенная немка. Став канцлером, продолжает вести себя как лидер оппозиции: скромна, персоне не телевизионная», – отмечает Алексей Венедиктов [2].

После смены правительства в 2009 г. отношения между Германией и Россией стали уходить от «дружеской» модели, налаженной В.В. Путиным и Г. Шрёдером, однако прагматизм в экономическом и энергетическом партнерстве России и Германии остался. Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», утверждал: «Немцы, которые проявляют примерное усердие во всем, чем бы они ни занимались, стали самыми последовательными европейцами. И как правильные «новые европейцы» они хотят укреплять и приумножать экономическое достояние, в том числе на восточном направлении. Развитие сотрудничества с Россией – естественный элемент такого подхода: несмотря на zig-zagi отечественной политики, российский потенциал и рынок сохраняют высокую привлекательность» [12].

Последующие годы не ознаменовались резкой сменой приоритетов российско-германского сотрудничества. Германия для России все так же является надежным партнером, отношения с которым строятся на принципах «стратегического партнерства». «В числе наших общих важнейших приоритетов – своевременная профилактика потенциальных кризисных очагов и содействие продвижению в урегулировании застарелых конфликтов в Европе (Балканы, Закавказье) и ее ближнем окружении (прежде всего, на Ближнем Востоке)». Увеличилось и российское присутствие на германском рынке (зарегистрировано порядка 3 тысяч российских фирм). Российско-германские отношения имеют устойчивую динамику развития, и оба государства обоюдно заинтересованы в долгосрочном стратегическом партнерстве, – пишет Станислав Гамзатов [13]. Тем временем, строительство Североевропейского газопровода набирало обороты, последнее необходимое разрешение на строительство газопровода на своей территории было получено от Финляндии.

Тем не менее, определенные события внесли в «устойчивую динамику» развития российско-германских отношений своего рода усталость,

и ярким тому примером служит встреча Владимира Путина с Ангелой Меркель в 2012 году, на которой канцлер пыталась затронуть тему Pussy Riot (известны своим скандальным выступлением в Храме Христа Спасителя), на что В. Путин отметил, что эта группа устраивала антисемитские акции в Москве и Германии не стоит поддерживать то, с чем она вследствие своей истории должна бороться. В целом же на переговорах чувствовалась усталость А.Меркель, в какой-то мере ее психологическое отторжение ритуальности российско-немецких переговоров [14]. Стоит отметить мнение Андрея Девяткова и Ксении Кушнир: «...имеющиеся мощности Северного потока – это предел для энергетического партнерства Москвы и Берлина. Россия уже как минимум дважды предлагала Германии стать эксклюзивным дистрибьютором российского газа в Европе (т. е. фактически той страной, которая будет иметь прибыль с перепродажи газа другим странам), но Берлин с оглядкой на партнеров отказался... Последним же сигналом о том, что в своей энергетической политике Берлин подчиняется общеевропейским интересам, был ответ А. Меркель В. Путину по поводу Третьего энергопакета, предполагающего либерализацию европейских энергетических рынков: хотя Германия и не согласна со всеми его пунктами, России необходимо мириться с его существованием, заявила она» [14.С.49]. Таким образом, Россия постепенно теряет вес среди внешнеполитических приоритетов Берлина.

После парламентских выборов 2013 года в Германии, победу в которых одержал блок ХДС/ХСС во главе с Ангелой Меркель, преемственность в политике сохранилась. Федор Басов, Научный сотрудник Отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН, подчеркивает: «Германия является страной, чья политика мало подвержена конъюнктурным изменениям, связанным со сменой правительства. В новом кабинете А. Меркель сохранится преемственность с политикой предыдущего правительства. После выборов политика Берлина в отношении России также не претерпит существенных изменений. Политика Германии на российском направлении достаточно институционализирована и ограничена принципами и интересами ФРГ. Поэтому на нее в большей степени влияют события в России и вокруг нее, а не результаты выборов» [15]. Федор Лукьянов предполагает, что третий срок Меркель во главе правительства будет последним и самым важным. Он проводит параллель между предшественниками Меркель, мудрыми политиками, и ее персоной, называя ее «достойным продолжателем традиций». «До сих пор она, несмотря на неизбежные подъемы и спады, демонстрировала способность уверенно вести корабль выбранным курсом. Если Ангеле Меркель удастся воплотить в жизнь новый европейский дизайн, она встанет вровень с самыми выдающимися своими предшественниками-однопартийцами – Аденауэ-

ром и Колем. России переизбрание Меркель не сулит серьезных перемен... Как бы то ни было, российско-германские отношения базируются на очень мощном фундаменте взаимного экономического интереса, который переживал все потрясения с 1960-х годов, так что резкие изменения едва ли возможны» [16].

Несмотря на прогнозы аналитиков, изменения все же произошли. В первую очередь на волне произошедших в Украине волнений и присоединения Крымского полуострова в 2014 году, за которым вскоре последовало введение Европейским Союзом, США и странами-сателлитами Запада санкций против Российской Федерации, а также прекращение активного диалога между Германией и Россией. «В контексте украинских событий официальным Берлином взят курс на снижение либо полное замораживание динамики развития двустороннего взаимодействия практически по всем направлениям. Германская сторона инициировала отмену очередного раунда МГК, регулярных заседаний СРГ, РГВУ, «Петербургского диалога», заблокировала работу других форматов. Немцы были в первом ряду сторонников введения по линии ЕС секторальных санкций в отношении России в качестве «наказания» за «аннексию» Крыма и «дестабилизацию» ситуации на Украине, продолжают упорно отстаивать этот курс, включая крайне деструктивную риторику» [17]. С.И. Дмитриева и В.Н. Морозова подчеркивают негативизацию российско-германских отношений в 2013, 2014 годах: «...олимпиада в Сочи и ее бойкот со стороны политической элиты Германии, откровенная травля России в немецких СМИ» [4.С.58].

Кризис беженцев, пик которого пришелся на 2014-2015 годы, стал решающим фактором, поколебавшим авторитет Ангелы Меркель не только как главы Германии, но и как европейского лидера, а вкупе с напряжением, возникшим в отношениях Германии с Россией в вопросах имплементации Минских соглашений, образ канцлера в восприятии общественности резко меняется. Федор Лукьянов, три года назад утверждавший, что фрау канцлер может встать вровень с Аденауэром и Колем, в 2016 году придерживается иной позиции: «В кризисе с беженцами Ангела Меркель увидела шанс восстановить баланс европейского проекта, решить демографическую проблему Германии, но она ошиблась, эффект оказался противоположным. Вместо способа сбалансировать ЕС проблема беженцев превратилась в источник еще большей внутренней фрагментации. Фатально пострадали и позиции самой госпожи канцлер. За предшествующие годы образ несколько "упертого", но очень "правильного" лидера в сочетании с ощущением немецкой эффективности превратил Меркель в "незаменимую" для Германии и всей Европы. Теперь Евросоюз как будто осиротел - других руководителей сопоставимого калибра нигде нет» [18].

Канцлер Германии, будучи скромным, но сильным политиком, проявляет и мягкость, и гостеприимство – госпожа Меркель выступила в качестве «радушной хозяйки» во время дня открытых дверей резиденции главы правительства в 2012 году в Берлине. «Целый день по той самой красной дорожке, по которой ступали короли, президенты и премьеры, туда-сюда ходят все желающие. А дети никак не оставят в покое мотоциклы сопровождения лимузина канцлера» [19].

«Нордический характер и человеческая стойкость», по выражению А.Венедиктова [2], – вот качества, обладательницей которых является Ангела Меркель. Очередным подтверждением стойкости канцлера стал инцидент, произошедший с фрау Меркель на встрече в Деммине в 2016 году. Будучи облитой алкоголем, канцлер ФРГ сделала вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло: «Ангела Меркель проявила выдержку – улыбнулась, сделала вид, что все в порядке, и спустя пару минут, даже не переодевшись, пошла выступать перед собравшимися» [20]. Примечательной стала и встреча В.Путина и Меркель в 2007 году, во время которой в зал заседания вбежал лабрадор президента России. Фрау канцлер, боясь собак, тем не менее, проявила стойкость и обошлась шуткой о «покушанных журналистах». (Впоследствии Владимир Путин будет вынужден извиняться за данный инцидент) [21].

Помимо стойкости и выдержки, журналисты указывают на невероятные трудолюбие и целеустремленность госпожи Меркель. Канцлер представляет собой краткого и конкретного в своих высказываниях политического деятеля. «Пожертвовавшая простым семейным счастьем ради политики Ангела Меркель и свой 55-летний юбилей проводит на работе», – подчеркивает Первый канал [9]. За короткий промежуток времени в 15 лет в политике добиться места канцлера, первой женщины-канцлера – поистине трудолюбие и целеустремленность (чему, впрочем, поспособствовал Гельмут Коль, заметив ее и поспособствовав утверждению на пост Федерального министра по делам женщин и молодежи).

Подводя черту, отметим, что личные качества Ангелы Меркель и ее деятельность вызывают противоречивые оценки в российском общественно-политическом дискурсе. С одной стороны, она сильный, прагматичный лидер, заинтересованный в экономическом сотрудничестве с Россией, с другой – политик, критикующий российский политический климат за отсутствие гражданских свобод, непрозрачность политической системы, коррупцию. Ангела Меркель – это «железная леди» со стойким характером и невероятной выдержкой, но и вместе с тем скромная представительница немецкого общества со своими слабостями и страхами. Формирование образа главы правительства ФРГ во многом зависит от состояния российско-германского сотрудничества, в этой связи просле-

живается тенденция усиления критики личности Меркель параллельно с ухудшением отношений двух государств. Тем не менее, объективным остается тот факт, что Ангела Меркель – цельная натура, выдающаяся политическая фигура, популярность которой, несмотря на нестабильность международного климата, росла на протяжении последних десяти лет, и её заслуги сложно переоценить. Однако ошибки, допущенные и признанные канцлером, подходящий к концу срок ее полномочий наводят на мысль и о конце целой эпохи в истории Германии, ЕС и российско-германского сотрудничества. Что готовят парламентские выборы 2017 года – остается загадкой.

Список использованных источников и литературы:

1. [Политический портрет канцлера Германии Ангелы Меркель]. – URL: <https://ria.ru/world/20051122/42174507.html> (дата обращения - 15.09.2016)
2. [Ангела Меркель – федеральный канцлер Германии]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/48minut/51099/> (дата обращения – 15.09.2016)
3. Павлов Н.В. Внешняя политика «большой коалиции». 2005–2009 гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://mgimo.ru/files/210929/Pavlov_Merkel_2005-2009.doc (дата обращения - 15.09. 2016).
4. Дмитриева С.И., Морозова В.Н. От «стратегического партнерства плюс» к «трудному партнерству»: российско-германские отношения в 2000-2015 гг. / С.И. Дмитриева, В.Н. Морозова // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений/ [под общ ред. А.А. Слинько]. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – №6. – С.51-61.
5. [Российско-германские отношения: после визита Меркель]. – URL:<http://politcom.ru/2072.html> (дата обращения - 25.09.16)
6. [Инвестиционный сюрприз Ангелы Меркель]. – URL: http://www.ng.ru/courier/2007-10-22/13_merkel.html (дата обращения - 25.09.2016)
7. [Фрай канцлер?]. – URL: <https://rg.ru/2005/09/23/frau.html> (дата обращения - 25.09.2016)
8. [Канцлер на кухне не любит фантазий]. – URL: <https://rg.ru/2012/07/24/povara.html> (дата обращения - 27.09.2016)
9. [Ангела Меркель отмечает юбилей: железной фрай – 55]. – URL: https://www.itv.ru/news/2009/07/17/163188-angela_merkel_otmechaet_yubiley_zheleznoy_frau_55 (дата обращения - 30.09.2016)
10. [Как живет Ангела Меркель: зарплата, жилье и машина канцлера Германии]. – URL: <http://www.dw.com/ru/как-живет-ангела-меркель-зарплата-жилье-и-машина-канцлера-германии/a-16196757> (дата обращения - 02.10.2016)
11. [Ангела Доротеа Меркель. Биография]. – URL: <https://ria.ru/world/20090927/186634930.html> (дата обращения - 02.10.2016)
12. [Российско-германский роман]. – URL: http://www.globalaffairs.ru/redcol/n_13568 (дата обращения - 02.10.2016)

13. [Российско-германские отношения: специфика и перспективы]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-germanskie-otnosheniya-spetsifika-i-perspektivy-gazvitiya> (дата обращения - 05.10.2016)
14. Девятков А., Кушнар К.: Российско-германские отношения: от «стратегического» к турбулентному партнерству? / А. Девятков, К. Кушнар // Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций/ [под ред. А.В. Девяткова и А.С. Макарычева]. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. – С. 43-51.
15. [ФРГ: новый кабинет Меркель]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2371#top-content (дата обращения – 05.10.2016)
16. [Ангела Меркель, продолжательница традиций и последняя надежда Европы]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2382#top-content (дата обращения – 07.10.2016)
17. [Официальный сайт МИД РФ]. – URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/de/?currentpage=main-country> (дата обращения – 08.10.2016)
18. [Отмотать время назад]. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Отmotat-vremya-nazad-18379> (дата обращения-15.10.2016)
19. [Самая влиятельная женщина мира — Ангела Меркель — выступила в качестве радушной хозяйки]. – URL: https://www.1tv.ru/news/2012/08/21/90351-samaya_vliyatel'naya_zhenschina_mira_angela_merkel_vystupila_v_kachestve_radushnoy_hozyayki (дата обращения-15.10.2016)
20. [Ангелу Меркель окропили пивом]. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=727358> (дата обращения – 17.10.2016)
21. [Путин рассказал об извинениях перед Меркель за поведение своей собаки]. – URL: https://lenta.ru/news/2016/01/11/apology_merkel/ (дата обращения-17.10.2016)

Научное издание

ГЕРМАНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ИСТОРИИ
ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник статей

Подписано в печать 30.05.2017. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 10,6. Тираж 30. Заказ 218

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3